

В.Б. БЕЗГИН

**СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОГО СЕЛА КОНЦА
XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА:
ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ**

*Рекомендовано Ученым советом ТГТУ в качестве учебного пособия
для студентов дневного и заочного обучения всех специальностей*

Тамбов 2016

УДК 94(47)083(075.8)
ББК ТЗ(2)-282.2я73

Рецензенты: *Канищев В.В.*, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и российской истории ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
Никулин В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Конституционное и административное право» ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет»

*Утверждено Методическим советом ТГТУ
(Протокол № 11 от 24 декабря 2015 г.)*

Безгин В.Б.

Б-392 Социальная история российского села конца XIX – начала XX века: гендерный аспект: учебное пособие / В.Б. Безгин. – Тамбов: Изд-во ИП Чеснокова А.В., 2016. – с.

ISBN

На основе широкого круга архивных источников и современной научной литературы раскрыто содержание гендерного аспекта социальной истории российского села конца XIX – начала XX века. Установлена роль и место сельской женщины в семейной обыденности и общественной жизни села. Раскрыты содержание жизненных этапов крестьянки, ее участие в трудовой деятельности семьи, правовой статус деревенской женщины, особенности женской собственности в имуществе крестьянского двора. Предназначено для самостоятельной работы студентов всех направлений бакалавриата по базовому курсу «История». Может использоваться для изучения курсов по выбору «Социальная история России», «Гендерная история», а также в инновационных средних учебных заведениях, при подготовке абитуриентов к поступлению на исторические, юридические и другие гуманитарные специальности вузов.

УДК 94(47)083(075.8)
ББК ТЗ(2)-282.2я73

© Безгин В.Б., 2016
© Оформление Изд-ва ИП Чеснокова А.В., 2016

ISBN

Содержание

Введение	4
Историографический обзор	6
Часть 1. Крестьянская семья	15
<i>Этапы женской судьбы</i>	15
<i>Положение в семье</i>	37
<i>Трудовые обязанности</i>	50
<i>Собственность в имуществе двора</i>	55
Часть 2. Роль крестьянки в общине	62
<i>Публичная активность</i>	62
<i>Правовой статус</i>	70
<i>Духовная жизнь селянки</i>	79
<i>Отхожие промыслы</i>	96
<i>Интимные отношения</i>	104
Заключение	115
Список рекомендованной литературы	117

ВВЕДЕНИЕ

Социальная история – современное направление исторического знания и метод исследования, где объектом является человек (социум, сословие, общество). Совокупность различных субдисциплин (история быта и повседневности: история семьи; гендерная история; «мужская» и «женская» история, история детства; история культурности; история сексуальности; городская история, история труда и общественной деятельности, история религиозности, история асоциальных явлений) составляют предмет социальной истории.

Цель данного курса – анализ феномена социальной истории, выявление его теоретико-познавательных и социокультурных истоков, «проблемных» полей, адекватных источников и методов исследования, соотношения между глобальной (процессуальной) и социальной историей.

Цель дисциплины: показ социально-исторических оснований социальной политики, социологии, знакомство с этапами развития дисциплины и социального контекста; формирование у студентов целостного междисциплинарного представления об истории взаимоотношений человека и общества, об эволюции культуры, науки и коммуникаций, ознакомление студентов с социальной историей как научным направлением в системе научных знаний и гуманитарного образования, с историей ее становления (за рубежом и в России) и теорией; представить методы исследования, характерные для данной дисциплины, дать сведения о направлениях и научных школах, развивающихся в контексте социальной истории.

Задачи изучения дисциплины: углубление знаний в области науки об истории конкретных социальных явлений: детства, досуга, семьи, болезней и врачевания, реконструкции прошлого маленьких городков, рабочих поселков и сельских общин; дать представление студентам о таких направлениях как гендерная история, история возраста, история повседневности, овладение базовыми навыками анализа источников по социальной истории России с целью извлечения информации о социально-значимых проблемах и процессах. В курсе студенты осваивают профессиональные правила и процедуры, с помощью которых можно проводить социологический анализ прошлого, позволяющий эффективно справляться с задачами социокультурного характера по широкому многоаспектному отображению общественных явлений. При этом внимание студентов фокусируется как на создании материалов, так и на анализе существующих исторических источников.

Данная работа представляет собой опыт реконструкции жизни и судьбы крестьянки, олицетворения русской деревни на переломе эпох.

Изучение феномена «женской доли» позволит понять суть русского национального характера, этноконфессиональные особенности сельского социума, природу общественного быта деревенских жителей, стратегию поведения и жизненные роли крестьянки. Исследование повседневности крестьянки, причин и следствия перемен в женской обыденности имеет практическое значение в выработке верного вектора общественных преобразований современного российского общества.

Настоящее пособие – это одна из первых попыток всестороннего исследования обыденности русской крестьянки периода поздней империи и научного осмысления перемен, произошедших в различных сферах женской обыденности под воздействием модернизационных процессов. Общинный и семейный уровни повседневности деревенской женщины в своей взаимосвязи еще не выступали для специалистов цельным объектом изучения. Особенность повседневности русской крестьянки состоит в том, что границы ее публичной жизни и интимного круга «размыты». Традиционная «прозрачность» деревенского быта практически лишала ее личного пространства, а общественная самодеятельность регламентировалась интересами патриархальной семьи и общинным укладом.

Содержание работы основано на документальных материалах. Наряду с этнографическими источниками в работе использован широкий круг архивных материалов, введенных в научный оборот впервые. Новизной отличается предлагаемый автором междисциплинарный подход в изучении заявленной темы. Проблема повседневности крестьянки в ее семейном и общественных измерениях в контексте процесса модернизации российского села ранее не становились предметом научного изучения.

Основную часть работы следует предварить краткой характеристикой использованных источников. Большая часть документов была извлечена автором из фондов центральных и местных архивов. Ценная информация об общественном статусе русской крестьянки, ее положении в сельской семье, содержании женских работ в хозяйстве, характере внутрисемейных отношений обнаружена в фонде Этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева¹. В корреспонденции деревенских информаторов, преимущественно представителей сельской интеллигенции, содержатся интересные нас сведения о распорядке дня крестьянки, участии ее в отхожих промыслах, личных отношениях супругов в крестьянской семье.

Содержание различных аспектов повседневной жизни русской крестьянки (трудовая деятельность, общественный уклад, правовые отно-

¹ Архив Российского этнографического музея (АРЭМ). Ф. 7. Оп. 2.

шения, семейный быт и др.) было установлено посредством использования материалов фондов центральных архивов².

Изучение демографической ситуации, уровня сельской преступности, нравственного облика деревни стало возможным благодаря привлечению материалов текущей губернской статистики³. Материалы земской статистики были использованы для установления демографических и миграционных процессов в российском селе, характеристики половозрастного состава крестьянских дворов.

Эпизоды крестьянского быта, извлеченные из публикаций местной периодики, стали хорошим иллюстративным материалом в изложении проблем крестьянской повседневности и сельских традиций.

Практическая значимость учебного пособия состоит в том, что позволяет углубить знания о развитии российского общества в эпоху модернизации конца XIX – начала XX в., расширить представления об особенностях повседневной жизни крестьянского социума в период коренной ломки традиционного уклада, установить природу и форму проявления поведенческих стереотипов жителей русского села, выяснить содержание жизненных ролей русской крестьянки, адаптационные возможности женского населения деревни к вызовам времени.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Феномен русской крестьянки и ее роль в повседневной жизни деревни эпохи модернизации еще не стали объектами глубокого и всестороннего анализа для современных исследователей. Изучение содержания обыденности российского села второй половины XIX – начала XX в. и осмысление сути перемен в жизни крестьян эпохи модернизации могут быть достигнуты при учете всего комплекса социокультурных условий, в том числе и «женского» фактора, во многом определявшего сферы деревенской повседневности. Важной составляющей проблемы является реакция традиционного социума на изменения привычного уклада, вызванные переменами в экономике, социальной структуре и культуре. Сельская баба, будучи носителем консервативного начала деревенского быта, оказалась более восприимчивой и быстрее адаптировалась, чем мужик, к новым условиям жизни, к иной сути гендерных ролей в сельской обыденности.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Российский государственный исторический архив (РГИА), Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

³ Обзор Воронежской губернии за 1895 ... 1906 гг. Воронеж, 1896 – 1906.; Обзор Курской губернии за 1887 ... 1901 гг. Курск, 1888 – 1902. и др.

Тема статуса женщины в общине была поднята исследователями еще в XIX в. Среди авторов, которые писали об этом, можно назвать Л. П. Весина, А. Я. Ефименко, Я. А. Лудмера⁴. Они констатировали тот факт, что крестьянки не принимали участия в мирских сходах, на которых рассматривались важнейшие для общины вопросы, не получали своей доли при распределении земли. Однако уже тогда было подмечено, что община оказывает помощь вдовам, солдаткам, сиротам.

В дореволюционной историографии среди работ, посвященных семейному быту, большинство принадлежало специалистам по обычному праву. По мнению теоретиков «трудового начала», крестьянская семья представляла трудовую ассоциацию или трудовую ячейку, в которой кровная связь была элементом второстепенным. Правовед С. В. Пахман, напротив, настаивал на том, что отношения в крестьянской семье основаны на кровном родстве и бытовавших нормах обычного права⁵. Роль официального законодательства в регулировании сфер жизнедеятельности крестьянского двора описана в труде А. Ф. Мейндорфа⁶. Анализ внутрисемейных отношений и значение в них норм обычного права деревни дан в пространном очерке И. Тютрюмова⁷. Положение женщины в крестьянской семье рассмотрено в журнальных публикациях А. Филиппова, И. Харламова⁸.

Дореволюционные ученые, ставшие свидетелями масштабного процесса семейных разделов в русской деревне, попытались установить причины и последствия этого явления⁹. Соотношение больших и малых семей в воронежской деревне, их типологию и имущественное положение исследовал К. К. Федяевский¹⁰. Распад патриархальной семьи оценивался советскими историками как закономерное следствие развития товарно-денежных отношений в деревне¹¹. Рост семейных разделов в пореформенную эпоху рассматривается западными исследователями в контексте внутриобщинных отношений¹².

⁴ См.: Весин Л.П. Современный великорус в его свадебных обычаях и семейной жизни // Русская мысль. 1891. № 9, 10; Ефименко А.Я. Крестьянская женщина // Дело. 1873. № 2–3; Лудмер Я.А. Бабы стоны // Юридический вестник. 1884. № 11.

⁵ См.: Пахман С.В. Обычное право в России. Т. II. СПб., 1877. С. 22.

⁶ См.: Мейндорф. А.Ф. Крестьянский двор. СПб, 1909.

⁷ См.: Тютрюмов И. Крестьянская семья (очерк обычного права) // Русская речь. 1879. Кн. 4, 7, 10.

⁸ См.: Филиппов А. Женщина в крестьянской семье // Русское богатство. 1880. № 3–4. С. 84–120; Харламов И. Женщина в русской семье // Русское богатство. 1880. № 3. С. 53–107; № 4. С. 59–112.

⁹ См.: В.В. Семейные разделы и крестьянское хозяйство // Отечественные записки. 1883. № 1. С. 1–22, № 2. С. 137–161; Колесников В.А. Причины крестьянских семейных разделов. Ярославль, 1898.; Исаев А. Значение семейных разделов. По личным наблюдениям // Вестник Европы. Т. IV. 1883. С. 333–349.

¹⁰ Федяевский К.К. Крестьянская семья Воронежской губернии по переписи 1897 г. СПб., 1905.

¹¹ См.: Дубровский С. Крестьянский двор и семейно-имущественные разделы. М., 1926; Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. 1861–1880. М., 1978.

¹² Подробнее см.: Карагодин А.В. Изучение пореформенного российского крестьянства в современном западном российедении: основные концепции, подходы перспективы. М., 2001. С. 16.

С конца 1990-х гг. на одно из видных мест в антропологических дисциплинах выдвигаются гендерные исследования. В эти годы вышел ряд сборников и монографий по тематике пола. Современные работы позволили выяснить роль женщины в процессе сохранения и трансформации семейного уклада. Анализ повседневности крестьянки существенно расширил научные представления о содержании деревенских будней.

Крупнейший специалист в области женской истории Н. Л. Пушкарева в своих статьях и монографиях неоднократно обращалась к положению крестьянки в семье и обществе, начиная с Древней Руси. Объект её исследования многогранен: невеста, жена, мать, хозяйка дома¹³. Автор отмечает важное функциональное значение сельской женщины в хранении и передаче обычаев, традиционных представлений, так как её мир был скован религиозно-нравственными нормами и социальными условиями, что обусловило её традиционность¹⁴.

Существенный вклад в изучение повседневности крестьянки внесли современные этнографы. В сборниках «Русские: семейный и общественный быт»¹⁵, «Русские»¹⁶, «Русские Рязанского края»¹⁷ авторами исследованы семейное хозяйство, демографическое поведение, традиции и обряды сельской семьи. Состояние крестьянского быта в самых разных аспектах его проявления было проанализировано в монографиях М. М. Громько¹⁸, а также в ее работе в соавторстве с А. В. Бугановым¹⁹. Она отмечает наличие особого права женщины на имущество, что расходится с распространенными представлениями об имущественном бесправии крестьянки.

Событием в отечественной историографии стал выход в свет фундаментального исследования Б. Н. Миронова по социальной истории России имперского периода. Работа основана на обширном статистическом материале и использовании трудов предшественников. Согласно авторской позиции, крестьянское хозяйство могло существовать при наличии в нем и женских, и мужских рук, так как оно покоилось на традиционном для села половозрастном разделении труда. Патриархальность крестьянского двора, по мнению автора, определяла подчинённое и зависимое положение женщины в нем²⁰.

¹³ См.: Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – XIX вв.) М.: Ладомир, 1997.

¹⁴ Там же. С. 125.

¹⁵ См.: Русские. Семейный и общественный быт: Сб. ст. М.: Наука, 1989.

¹⁶ См.: Русские: Сб. ст. М.: Наука, 1997.

¹⁷ См.: Русские Рязанского края. В 2-х т. М.: Индрик, 2009. 616с+748с.

¹⁸ Громько М.М. Мир русской деревни. М.: «Молодая гвардия», 1991; Она же. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986.

¹⁹ См.: Громько М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М.: «Паломник», 2000.

²⁰ См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) В 2-х т. СПб.: Изд-во «Дмитрий Булавин», 2000. Т. 1.

Изучение содержания хозяйственной деятельности крестьянки, приводит И. Н. Милоголову к выводу о том, что именно эта сфера жизни лежит в основе картины мира и стратегии поведения сельской женщины²¹. По ее мнению, наряду с формированием новых элементов мировоззрения и поведенческих стереотипов крестьянки, существовал консерватизм, благодаря которому она осталась носительницей инерционных возможностей традиционной культуры. На этом основании исследователь делает вывод о конфликтности женского самосознания в данный период времени²².

Роль военного фактора в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX века проанализирована в монографии тамбовского историка П. П. Щербинина²³. Автор установил особенности социального статуса солдаток в русском селе, влияние «солдатчины» на состояние семейно-брачных отношений жителей села, содержание женской обыденности в военные годы.

Плодотворными стали изыскания этнографов в плане реконструкции обрядовой жизни крестьянской семьи. Этнограф Т. А. Бернштам в монографии, посвященной приходской жизни российской деревни, рассматривает роль сельских женщин в духовном воспитании детей²⁴. На обширном фольклорном и этнографическом материале И. И. Шангина²⁵ прослеживает жизненный путь девушки с момента взросления до замужества. Особенности процесса социализации русской крестьянки во второй половине XIX – начале XX в. установлены исследователем З. З. Мухиной в статье, выполненной на материалах тенишевского фонда²⁶.

Влияние православного и этакратического гендерных порядков на сексуальность русской женщины изучены в статье, написанной Н. Л. Пушкаревой в соавторстве с З. З. Мухиной. В работе дан анализ женской сексуальности в XIX в., а также тех перемен, которые произошли в этой сфере в пореформенный период. По мнению авторов, они заключались в том, что незамужние женщины в селе перестали быть исключением, как и внебрачные сожителства, а большая свобода в выборе полового партнера стала следствием проникновения в деревню городского

²¹ Милогорова И.Н. Крестьянка в русской пореформенной деревне // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1998. № 2. С. 28.

²² Там же. С. 75.

²³ См.: Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов: Изд-во «Юлис», 2004.

²⁴ См.: Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.

²⁵ См.: Шангина И.И. Русские девушки. СПб.: Издательский дом «Азбука - классика», 2008.

²⁶ См.: Мухина З.З. Особенности процесса социализации русской крестьянки во второй половине XIX – начале XX века в Европейской России // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 1(18). С. 252–261.

уклада²⁷. О понятии девичьей чести в русской деревне второй половины XIX – начале XX в. пишет З. З. Мухина. Следует согласиться с её выводом о том, что «по отношению к интимной жизни пространство крестьянской девушки было богато и насыщено, представления о нем по сравнению со стереотипами нуждаются в корректировке»²⁸.

Последние два десятилетия отмечены возросшим интересом к проблеме крестьянской семьи и роли женщины в ней в рамках региональных исследований²⁹. Демографическому поведению крестьян второй половины XIX – начала XX в. посвящена диссертация исследователя Р. Б. Кончакова³⁰. Обоснованный вывод делает в своей работе Е. П. Мареева. Она утверждает, что отношения мужчины и женщины при заключении и расторжении брака модернизируются к концу XIX в. в сторону либерализации: женщина чаще отказывается от неприятной ей партии, растёт число разводов, инициированных крестьянками, нарастает степень сопротивления женщины по отношению к неуголному супругу³¹. Проблемы трансформации крестьянской семьи в Ярославской губернии в XIX – начале XX в. были изучены Ю. И. Шустровой³². Культурно-бытовые традиции крестьян Московской губернии второй половины XIX в. стали предметом диссертационного исследования А. В. Боярчук³³. Различные аспекты жизни российской сельской семьи в 1897 – 1958 гг. получили свое освещение в фундаментальной работе историка О. М. Вербицкой. Автор сосредоточил внимание преимущественно на демографических проблемах сельской семьи, а также проследил ее трансформацию в течение изучаемого периода³⁴.

Социокультурный облик крестьянки и ее роль в семье на материалах верхневолжских губерний анализирует в своем исследовании А. А. Нуждина. По утверждению автора, увеличение экономического значения женщины в малой семье, а также ограничение подчинения непосред-

²⁷ См.: Мухина З.З., Пушкарева Н.Л. Женщина и женское в традиционной русской сексуальной культуре (до и после Великих реформ XIX века) // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 3(20). С. 43–55.

²⁸ Мухина З.З. «Девка на поре, не удержишь на дворе...» (О девичьей чести в крестьянской среде Центральной России во второй половине XIX – начале XX в.) // Женщина в российском обществе. 2010. № 3. С. 67.

²⁹ См.: Глотова В.В. Крестьянская семья во второй половине XIX в. (на материалах Курской губернии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2005; Нуждина А.А. Социокультурное развитие российской деревни во второй половине XIX – начале XX в. на примере губерний Верхнего Поволжья): Автореф. ... канд. ист. наук. Иваново, 2008; Шустрова Ю.И. Русская крестьянская семья Верхневолжья XIX – начала XX века: источники и методы изучения: Монография. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2013.

³⁰ См.: Кончаков Р.Б. Демографическое поведение крестьянства Тамбовской губернии в XIX - начале XX в. Новые методы исследования: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2001.

³¹ См.: Мареева Е.П. Церковный фактор в демографическом поведении населения Тамбовской губернии в XIX – начале XX в.: Автореф. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003.

³² Шустрова Ю.И. Указ. соч.

³³ Боярчук А.В. Культурно-бытовые традиции крестьян во второй половине XIX в.: по материалам Московской губернии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.

³⁴ См.: Вербицкая О.М. Российская сельская семья в 1897–1959 гг.: историко-демографический аспект. Москва-Тула: Гриф и К, 2009.

венно мужу, способствовало росту прав и личной свободы крестьянки³⁵. Об обучении и уровне образования сельских девочек во второй половине XIX в. дает представление работа В. В. Гловой³⁶. В кандидатской диссертации С. П. Шаповаловой изучены проблемы воспитания девочек в крестьянской семье и значение женщины в домашнем хозяйстве³⁷. Она же размышляет об идеале женской красоты в крестьянской среде пореформенной России, связывая его содержание со стереотипами восприятия жителей российского села³⁸.

Социальный статус и гендерные роли женщин Сибири во второй половине XIX – начале XX в. исследованы Ю. М. Гончаровым. Исследователь полагает, что «в пореформенный период происходило сокращение экономической зависимости женщины, формирование городского образа жизни, развивалось женское образование и культура, что в комплексе способствовало разрушению традиционных патриархальных ценностей»³⁹.

Проблему взаимосвязи женского земледельческого труда и его правового статуса изучила Г. В. Лаухина. Женский труд, по мнению автора, применялся в разной степени интенсивности на всех этапах земледельческого цикла, и особо значимой была его роль в процессе уборки урожая⁴⁰. Трансформация норм обычного права в вопросе женской собственности на землю выразилась в признании наследственных прав женщин на четверные земли. Исследователем на основе источников доказано, что крестьянки являлись наследницами и собственницами четверных земель, что признавалось сельской общиной и подтверждалось решением волостных судов⁴¹.

В работе Ю. В. Литвин нашла свое отражение проблема личных прав крестьянки, в частности, ее право на свободу передвижения⁴². Ценным в

³⁵ Нуждина А.А. Указ. соч. С. 10.

³⁶ См.: Глова В.В. Крестьянская семья во второй половине XIX в. (на материалах Курской губернии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2005.

³⁷ См.: Шаповалова С.П. Крестьянская женщина Центрального Черноземья в 60–90-е гг. XIX века (исторический портрет): Автореф. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2003.

³⁸ См.: Она же. Женский идеал красоты в крестьянской среде пореформенной России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2009. Т. 15(70). № 12. С. 116–120.

³⁹ Гончаров Ю.М. Женщины фронта: Сибирячки в региональном социуме середины XIX – начала XX в. // Социальная история: Ежегодник, 2003. С. 340.

⁴⁰ Лаухина Г.В. Женский земледельческий труд и его правовое обеспечение в 60-е годы XIX – начале XX веков (по материалам Центрального Черноземья) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4(10). Ч. II. С. 104.

⁴¹ Там же. С. 104–105.

⁴² См.: Литвин Ю.В. Права крестьянки на свободу передвижения во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Олонецкой губернии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 5(11). Ч. III. С. 96–100.

работе является то, что исследователь привлек архивные документы, посредством которых установил причины, побуждавшие сельских женщин, в том числе и замужних, отправляться на заработки в город. Обоснован и вывод автора о том, что «многочисленные ходатайства о получении паспорта без согласия супруга постепенно привели к либерализации законодательства и отказу от ограничения для замужних женщин на свободу передвижения»⁴³.

Роли женского протеста в исторических событиях посвящена статья Н. В. Мясниковой⁴⁴. Автор утверждает, что волна «бабьих бунтов», прокатившаяся по российским селам в начале Первой мировой войны, привела к фактическому свертыванию землеустроительных работ в ходе столыпинской аграрной реформы. Исследователь очень тонко установил природу женского протеста, которая выражалась в эмоциональном восприятии кризисных явлений, грозящих существованию семьи⁴⁵.

Лишь отдельные вопросы отклоняющегося поведения крестьянок затронуты в современных работах. Формы девиантного поведения, такие как преступность, пьянство, проституция освещены в работе Н. А. Зоткиной⁴⁶. Гендерные особенности сельской преступности раскрыты в монографии историков из Кургана⁴⁷, статье М. П. Шепелевой⁴⁸. Проблема детоубийства в России и причины совершения данного вида преступления крестьянками рассмотрены в работе Д. и И. Михель⁴⁹. Женской преступности как социальному фактору российской модернизации посвящена монография С. Г. Куликовой⁵⁰, а мотивационный комплекс таких преступлений установлен Е. Н. Косарецкой⁵¹. Отношение крестьян к внебрачным связям выяснено в статье Е. А. Коляскиной⁵². Основы-

⁴³ Там же. С. 99.

⁴⁴ См.: Мясникова Н.В. Женский протест и его роль в исторических событиях // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10). Ч. III. С. 119-123.

⁴⁵ Там же. С. 120.

⁴⁶ См.: Зоткина Н.А. Феномен девиантного поведения в повседневной жизни российского общества на рубеже XIX – XX веков. Преступность, пьянство, проституция (на примере Пензенской губернии): Дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002.

⁴⁷ См.: Менщиков И.С., Федоров С.Г. Девиантное и делинквентное поведение русских крестьян Южного Зауралья во второй половине XIX – начале XX в. Курган: КГУ, 2013.

⁴⁸ См.: Шепелева М.П. Характеристика уголовных преступников Курской губернии в конце XIX – начале XX в.: гендерные различия и сословная специфика // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. Т. 2. № 3(18). С. 170–175

⁴⁹ См.: Михель Д., Михель И. Инфантицид глазами образованного российского общества второй половины XIX – начала XX в. // Бытовое насилие в истории российской повседневности (XI–XXI вв.) СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С. 105–141.

⁵⁰ См.: Куликова С.Г. Женская преступность как социальный фактор российской модернизации (вторая половина XIX – начало XX веков): монография. Гагарин: Полимир, 2011.

⁵¹ См.: Косарецкая Е.Н. Женская преступность в Орловской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Орел, 2007.

⁵² Коляскина Е.А. Внебрачные связи и отношение к ним в русской деревне Алтая во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 373. С. 102.

ваясь на этнографических источниках, автор приходит к заключению о том, что крестьяне воспринимали «внебрачные связи не только как девиантное поведение, но и как животное, не ограниченное культурными рамками движение, дорога из установленной браком системы сексуальной жизни»⁵³.

В 1990-е гг. за рубежом появился целый ряд исследований по истории крестьянок, в которых значительное внимание уделено изучению «женского» образа жизни и восприятия мира⁵⁴. Новый импульс в изучении «женской» истории связан с изменением исследовательского дискурса, использованием методов новой культурной истории. Американский историк Барбара Энгел в статье «Взгляды русских крестьян на городскую жизнь, 1861–1914»⁵⁵, обратившись к вопросу о миграции крестьян в города, выбрала типичный для культурной истории аспект – психологический, то есть она рассмотрела отношение к отходничеству крестьян, живших в деревнях, и тех, кто потерял с ней всякие связи. По ее мнению, «патриархальный уклад предоставлял пусть и ограниченные возможности женщинам, позволяющие им быть более активными членами крестьянского общества, чем считалось исследователями ранее»⁵⁶. Опираясь на этнографические данные и земские документы, она показывает, что когда муж уходил из деревни на заработки, положение его жены в деревне и семье ухудшалось⁵⁷.

Кристиан Воробек в своей работе приходит к выводу о том, что, несмотря на то, что патриархальные порядки сохранялись в крестьянском обществе и в начале XX в., мужская власть в семье и общине не была абсолютной⁵⁸. По мнению исследователя, крестьянка умела приспосабливаться к патриархальному порядку и использовать его в собственных целях. С возрастом положение женщины в семье крепло, а сама она доминировала над невестками⁵⁹. Историк Гэрет Попкинс в статье «Закон против обычая? Нормы и тактика апелляций в крестьянском волостном суде, 1889–1917»⁶⁰ рассмотрел конкретные случаи из судебной практики волостных судов, уездных съездов земских начальников и губер-

⁵³ Там же.

⁵⁴ Clements, B.E., Engel, B.A., Worobec, C.D., (eds.) *Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation*, University of California Press, 1991.

⁵⁵ Engel B.A. *Russian Peasant View of City Life: 1861-1914* // *Slavic Review*. 1993. Vol. 52, No. 3. Fall.

⁵⁶ *Between the Fields and the City: Women, Work and Family in Russia, 1861-1914*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

⁵⁷ Engel B. A. *The Woman's Side: Male OutMigration and the Family Economy in Kostroma Province* // *Slavic Review*. 1986. № 2.

⁵⁸ Worobec Ch.D. *Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emancipated Period*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991.

⁵⁹ Worobec Chr. *Customary Law and Property Devolution among Russian Peasants in the 1870s* // *Canadian Slavonic Papers* XXVI. 1984. № 2/3.

⁶⁰ Popkins G. *Code versus Custom? Norms and Tactics in Peasant Volost Court Appeals, 1889-1917* // *The Russian Review*. No. 59. July 2000.

ских присутствий, главными действующими лицами которых являлись крестьяне, в том числе и сельские бабы. Основываясь на изучении записей волостного суда, Беатрис Фарнсворт утверждает, что невестка в крестьянском доме была наиболее слабым в правовом отношении членом семьи, хотя на самом деле имела значительный статус и права⁶¹.

Таким образом, с развитием в западной историографии направления новой культурной истории начался новый этап в изучении крестьянства России рубежа XIX – XX вв. Активно идет процесс познания «мира русских крестьянок», историки обратились к изучению его мышления, сознания, поведенческой культуры.

Анализ состояния историографии по данной проблеме приводит к выводу о том, что в наибольшей мере внимание современных исследователей привлекают «деревенские» сюжеты о положении и роли женщины в крестьянской семье, ее правовом статусе в сельской обыденности, значении труда крестьянки в хозяйстве. Явно недостаточно изучены содержание жизненных этапов крестьянки, влияние процесса модернизации на стереотипы женского поведения, значение и роль в повседневной жизни села «маргиналов» (черничек, кликуш, знахарок). Вне исследовательского интереса остается и интимная жизнь крестьянки, которая при всей «прозрачности» деревенских отношений продолжает быть малоизученной сферой повседневной жизни русского села.

⁶¹ Farnsworth B. The Litigious Daughter-in-Law: Family Relations in Rural Russia in the Second Half of the Nineteenth Century // Slavic Review. 1986. № 1.

Часть 1. КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ

Этапы женской судьбы

При всей значимости роли мужчины в сельской повседневности – это в большей мере мир женщины. Ее особое положение в семейном быту, самобытность мировосприятия, значение в воспроизводстве традиций – все это послужило основанием для того, чтобы рассмотреть судьбу крестьянки отдельно.

Сельский мир, будучи по своей сути миром мужским, сформировал по отношению к женщине стереотипы, которые сам же и культивировал в повседневной жизни. Мужик воспринимал бабу как существо низшее по положению, и поэтому она должна находиться у него в подчинении. В деревне считали, что женщину надлежало держать в строгости, пресекая присущие ей пороки, а при необходимости применять и силу для ее вразумления. Невысоко оценивали и умственные способности женщины. «У бабы волос долог, да ум короток», – говорили в селе. «Все мужики женщину считают ниже себя как по силе, так и по уму, а потому смотрели на нее свысока и снисходительно», – сообщала в своем отчете дочь священника А. И. Зорина из Жиздринского уезда Калужской губернии в 1899 г.⁶² По взглядам нижегородских крестьян, «настоящим главой семьи, полновластным и бесконтрольным хозяином является всегда мужчина – «большак», «большой», и роль женщины – всегда роль подчиненная, второстепенная»⁶³. По наблюдению информатора, даже в детских играх деревенские ребята воспроизводили привычные для их семей гендерные роли, занимая по отношению к девочкам позицию покровителя и распорядителя⁶⁴.

Патриархальные начала сельской семьи обуславливали подчиненное мужу, зависимое от него положение крестьянки. Традиционно именно мужик нес «государево тягло», выступал объектом фискальной политики российской власти. Характер аграрного труда, требующий значительных физических усилий, также определил ведущую роль мужчины в крестьянском дворе. Сельская община осуществляла распределение земельных наделов по «ревизским» или наличным, но неизменно мужским душам, игнорируя имущественный интерес женской части семьи.

Положение крестьянки находило свое наглядное проявление в ее семейном статусе. Главой крестьянского двора был большак, как правило, старший в семье мужчина. Он представлял интересы крестьянской се-

⁶² Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. СПб., 2005. Т. 3. Калужская губерния. С. 53.

⁶³ Там же. 2006. Т. 4. Нижегородская губерния. С. 115.

⁶⁴ Там же. 2005. Т. 3. Калужская губерния. С. 53.

мы на сходе и самостоятельно руководил ее хозяйством. Все решения в повседневной жизни семьи большак принимал единолично, но мог узнать мнение отдельных членов семьи, преимущественно старших. По представлению крестьян, большак имел право выбрать за ленность, за хозяйственное упущение или безнравственные проступки. Хозяин обходился с домашними строго, повелительно, используя при этом начальственный тон. При необходимости он прибегал к наказанию провинившихся домочадцев.

Нравы в крестьянской семье были просты, а порой грубы и лишены излишней сентиментальности. В деревне не было принято выказывать нежные чувства супругов по отношению друг к другу. Как правило, муж обращался к жене голосом, не терпящим возражений. Все его распоряжения жена и члены семьи выполняли беспрекословно. По мнению корреспондента этнографического бюро В. А. Шестерикова, семинариста, жителя с. Косково Вологодской губернии «жена подчинялась мужу вовсе не из-за уважения к нему, а из страха, чтобы не получить побоев»⁶⁵. Если жена провинилась перед мужем: сварила невкусный обед, не исполнила указанную работу, потратила деньги не по назначению и т.п., то должна была просить у него прощения, упав ему в ноги. Ну а муж был вправе простить супругу или наказать её.

Не было принято в селе женщине вступать в разговор мужчин, перебивать мужа, что-то говорить, пока он её об этом не спросит. В крестьянской семье баба не имела права вмешиваться в дела мужа по хозяйству. В свою очередь, мужчина не лез в домашние заботы жены, т. н. «бабьи» дела. Никакой критики решений и действий мужа со стороны жены не допускалось. Одним из случаев, когда, по представлению крестьян, жена имела право бранить мужа, если он разорял дом, пропивал деньги, вещи. Муж, хотя и мог, по убеждению сельских жителей, совершать различные действия без оглядки на домочадцев, но на практике он обыкновенно советовался с женой в принятии важных решений: значительной продаже или покупке, брака младших членов семьи и т.п.⁶⁶ Существовавший обычай воспрещал домохозяину предпринимать важнейшие распорядительные действия, например, отчуждение без согласия всех взрослых членов семьи⁶⁷.

Свое расположение к жене муж выказывал тем, что иногда, как говорили в селе, «одаривал» её. Таким знаком внимания мог быть платок, шаль, отрез материи и прочее, купленное на базаре или у заезжего торговца. Не проявляя на словах супруге почета и уважения, на деле муж,

⁶⁵ Там же. 2005. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 1. С. 602.

⁶⁶ Там же. 2006. Т. 4. Нижегородская губерния. С. 115.

⁶⁷ Хауке О.А. Крестьянское земельное право. М., 1914. С. 196.

как правило, заботился о ней. Так, по свидетельству из Ярославской губернии, мужья старались одеть жен, по возможности, лучше, порой отказывая себе во многом; при поездках куда-либо уступали место в санях или тарантасе, сами предпочитая идти пешком⁶⁸.

В семейной повседневности женщины относились к мужчинам с должным пиететом, как к людям больше их знающим и понимающим. Если в обыденной жизни члены крестьянской семьи обращались друг другу на «ты», то жены, как правило, величали своих мужей по имени и отчеству. Так в некоторых воронежских селах, например, в с. Старая Чигла, жена была обязана называть мужа и его братьев по имени отчеству, тем самым высказывая свое к нему и его семье уважение⁶⁹. Муж жену не называл по имени и отчеству, а только по имени: «Марья, подика попой лошадей»⁷⁰. Дети родителей по имени отчеству не звали, а обращались – «тятенька», «маменька». Напротив, в письмах дети всегда писали родителям на «вы», обращаясь к ним по имени и отчеству⁷¹.

Судьба женщины в русской деревне была изначально иной, чем мужская. И это различие проявлялось с момента появления на свет девочки, которое воспринималось как истинное несчастье. Ведь ее рождение не сулило семье земельной прирезки, и единственное, что могло утешить, – это пара новых рабочих рук в хозяйстве.

Все семейное воспитание дочери было подчинено одной цели: подготовить к выполнению главного предназначения женщины – быть матерью и женой. В отличие от сыновей, родители не стремились обучить дочерей грамоте («не в солдаты идти – прясть надо»). Даже в зажиточных семьях дочерям редко давали возможность закончить школу. В лучшем случае дочь могли отдать черничкам на выучку Псалтыря, Часослова. Такое положение определялось традиционным взглядом крестьян на женское образование. Они говорили, что «бабе грамота не нужна, её дело родить и нянчить ребят»⁷². В глазах родителей дочь от рождения была отрезанным ломтем, ведь ее удел – замужество. «Этот товар, – говорил курский крестьянин о дочерях, – не следует долго держать, чем скорее сбыл, тем лучше»⁷³.

Социализация девочек определялась традиционными представлениями о месте и роли женщины в семье. Мать стремилась, прежде всего, передать дочери умение и навыки по ведению домашнего хозяйства. С

⁶⁸ Русские крестьяне. ... СПб., 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 2. С. 325.

⁶⁹ Мескина О.А. История сельского населения Воронежской губернии 1861 – 1913 гг.: санитарно-демографический аспект. Монография. Воронеж, 2012. С. 115.

⁷⁰ Русские крестьяне. ... СПб., 2004. Т.1. Костромская и Тверская губернии. С. 290.

⁷¹ Там же. 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 1. С. 506.

⁷² Красноперов И.М. Крестьянские женщины перед волостным судом // Сборник правоведения и общественных знаний. СПб., 1893. Т. 1. С. 269, 270.

⁷³ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 686. Л. 22.

детства крестьянская девочка была включена в напряженный трудовой ритм, а по мере взросления менялись и ее производственные функции. Девочек лет с пяти-шести отправляли в няньки или поручали полоть огород. Крестьянские бабы часто использовали дочерей в качестве помощниц в своих работах. Весной девочки занимались белением холстов, а с осени до весны они пряли⁷⁴. Родители всегда давали детям только ту работу, которая им была по силам. Трудовое обучение в селе осуществлялось, выражаясь современным языком, с учетом возрастных особенностей детей. Так, крестьянскую девочку лет в одиннадцать сажали за прядку, на тринадцатом году обучали шитью и вышивке, в четырнадцать – вымачивать холсты. Одновременно учили доить коров, печь хлеб, грести сено⁷⁵. Одним словом, обучали всему тому, что было необходимо уметь в крестьянском быту. Трудолюбие высоко ценилось общественным мнением деревни.

Деревенские девушки «на людях» должны были придерживаться определенных правил. Эти установления нигде не были зафиксированы, но благодаря устной традиции были хорошо известны всем местным жителям. Так по сведениям из Болховского уезда Орловской губернии (1899 г.), девушка не должна присутствовать там, где находились пьяные мужчины, ей запрещалось ходить в кабаки, на сходку и т.п. С женатыми молодыми мужчинами не разрешалось долго стоять и разговаривать, особенно вечером. Запрещалось ходить без юбки в одной рубахе⁷⁶.

В 13–14 лет крестьянские девочки вступали в девичество. Обычно этот возрастной переход в селе связывали с наступлением у девушки регул. В женской обрядности села наступление первой менструации у девушки сопровождалось определенным ритуалом, имевшим символическое значение. На девочку надевали рубашку матери, в которой та «носила первая кровь». Делалось это для того, чтобы у дочери были дети, как у матери⁷⁷. Свидетельством перехода девицы в разряд невест являлся в ряде русских сел обряд одевания поневы. По обычаю, существовавшему во Владимирской губернии, при первом месячном очищении, подруги выносили «нечистую» девушку на снег и поливали ее водой, а рубаху, бывшую на ней, сжигали⁷⁸.

Включение девочек в трудовую деятельность и распределение трудовых обязанностей, приготовление приданого, участие в подростковых и

⁷⁴ Там же. Д. 1276. Л. 15.

⁷⁵ Кузнецов С.В. Культура русской деревни // Очерки русской культуры. Т. 1. Общественно-культурная среда. М., 1998. С. 234.

⁷⁶ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1008. Л. 1.

⁷⁷ Мазалова Н.Е. Состав человеческий: человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб., 2001. С. 122.

⁷⁸ Быт великорусских крестьян – землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). СПб., 1993. С. 136.

молодежных беседах, праздничной обрядности – все это различные стороны процесса социализации, постепенного приобщения подрастающих поколений к традициям деревни.

Брак являлся важнейшим этапом в жизни крестьян. Посредством него достигалась полноценность сельского бытия. В глазах сельских жителей женитьба выступала непременным условием обретения статуса полноправного члена общины. Холостого мужчину, даже зрелого возраста, в селе называли «малым» и к его голосу не прислушивались. Супружеский союз являлся основой материального благосостояния хозяйства. В деревне говорили: «В нашем быту без бабы невозможно: хозяйство порядком не заведешь, дом пойдет прахом»⁷⁹. Нормальное функционирование двора не могло быть достигнуто по причине традиционного разделения труда в крестьянской семье. Поэтому при выборе невесты внимание, в первую очередь, обращали на ее физические качества, а уже потом на все остальное. Брак для крестьян был необходим с хозяйственной точки зрения. В средней полосе России, в черноземных губерниях экономические возможности семьи во многом зависели от величины ее земельного надела, полагавшегося лишь женатым мужчинам. Такой порядок побуждал родителей стремиться к скорейшей женитьбе сына, чтобы расширить семейный надел и приобрести в дом дополнительную работницу. Родители невесты спешили «спихнуть девку с хлеба».

Не последнюю роль в решении о заключении брака играла репутация невесты («Не баловалась, а то слушок пойдет»), особенно ценилось ее трудолюбие и умение работать⁸⁰. Если брали невесту из другого села, то значение имело не только оценка семьи, но и деревни в целом. Так, жители тамбовского с. Носины предпочитали не брать пару из соседнего барского с. Новотомниково. По воспоминаниям Л.Ф. Маркиной (1910 г.р.), отец не разрешил сыну взять невесту из этого села, сказав: «Она из легкобрюшников, они на работу не спешат, их граф избаловал»⁸¹.

После того как потенциальная невеста была определена, и по сведениям сельской свахи, препятствий для заключения брака не было, родители жениха засылали сватов. Приход сватов сопровождался обрядовыми действиями, традиционным словесным набором и символическим торгом. Согласие завершалось молитвой и обильной трапезой. В кре-

⁷⁹ Цит. по: Миронов Б. Вокруг свадьбы // Знание – сила. 1976. № 10. С. 43

⁸⁰ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 121. Л. 12.

⁸¹ Тамбовский областной краеведческий музей. Отдел фондов. Материалы полевой экспедиции 1993 г. Отчет Т.А. Листовой. Л. 2, 3.

стьянском быту заключение условий сделки сопровождалось взаимным ударением правых рук: оттого законченное сватовство называлось «рукобитье»⁸². После совершения взаимного целования сватов с обеих сторон давались торжественные обещания. Это означало, что стороны пришли к соглашению о сроке свадьбы и о величине предстоящих расходов⁸³. Нарушение данного слова влекло за собой, на основе норм обычного права, юридические последствия. Оскорбленная сторона могла потребовать возмещение понесенных затрат и компенсацию за «бесчестье», поскольку отказ жениха от заключения брака оскорблял девичью честь и бросал тень на ее репутацию⁸⁴.

Выбор невесты был уделом родителей, а точнее, решением главы семейства. Мнение жениха спрашивали редко, личные симпатии не имели решающего значения, а брак являлся, прежде всего, хозяйственной сделкой.

Совсем иное значение имел брак для сельской девушки. Следуя традиции и боясь остаться «вековушой», она стремилась быстрее выйти замуж. Ей брак приносил не столько радость, сколько перемену в судьбе и не всегда к лучшему. В семье мужа ее ждал тяжкий труд, а нередко и враждебность со стороны свекрови. Поэтому больше ее волновали не материальная состоятельность жениха, а отношения в новой семье⁸⁵. По мере ослабления патриархальных устоев, роста самостоятельности сельской молодежи, положение в этом вопросе постепенно менялось, и брачный выбор перестал быть исключительной прерогативой родителей. Увеличилось число браков, заключенных без родительского благословения.

Браки в русском селе традиционно были ранними. Этнограф Г. Звонков на примере Елатомского уезда Тамбовской губернии отмечал их заключение в возрасте 13–16 лет, упоминая о случаях женитьбы 12–13 летних парней на 16–17 летних девушках⁸⁶. По данным статистики на конец 60-х гг. XIX в., в Европейской России возраст 57% невест и около 38% женихов не превышал 20 лет⁸⁷.

В работе Ф. Ильинского «Русская свадьба в Белгородском уезде Курской губернии», выполненной по программе исследования Русского географического общества, указывалось, что «молодые люди женятся в

⁸² Тютрюмов И. Крестьянская семья (очерк обычного права) // Русская речь. 1879. Кн. 7. С. 135.

⁸³ См. Всеволожский Е. Очерки крестьянского быта // Этнографическое обозрение. 1895. № 1. С. 5.

⁸⁴ Спасский И. Обычаи, приметы и поверья в приходе с. Александровки-на-Свале Тамбовского уезда // Тамбовские епархиальные ведомости. 1880. № 17. С. 452.

⁸⁵ Вербицкая О.М. Указ. соч. С. 50.

⁸⁶ Звонков А.П. Современный брак и свадьба среди крестьян Тамбовской губернии Елатомского уезда // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования и пр.) М., 1889. Вып. I. С. 115.

⁸⁷ Данные по: Комарова О.Д. Демографические аспекты изучения семьи // Семья: традиции и современность. М. 1990. С. 245.

18–19 лет, девушки выходят замуж в 16–17 лет. Двадцатилетний неженатый парень уже редкое явление среди крестьян. А 20-летняя девушка считается засидевшейся невестой, и выходит замуж за парней, отбывших воинскую службу»⁸⁸. К аналогичным выводам пришли современные тамбовские исследователи, изучавшие брачное поведение крестьян на основе метрических книг сельских приходов. Наиболее распространенным возрастом вступления в брак мужчин в Алексеевском приходе (Моршанский уезд Тамбовской губернии) был промежуток 18–19 лет (59% всех брачных пар), а возрастная группа 17–20 лет вообще составляла 73%⁸⁹.

По данным земского врача А. О. Афиногенова, в Рязанском уезде той же губернии до 20 лет замуж выходило свыше 80%, а в Рuzском уезде Московской губернии – 61,4% крестьянок⁹⁰. Средний возраст 90% крестьянок, вступивших в брак, составлял в Воронежской губернии 16–20 лет. В северных и центральных губерниях крестьянские девушки вступали в брак в более старшем возрасте. Например, в Череповецком уезде Вологодской губернии в возрасте до 20 лет в брак вступило лишь 16,1% крестьянок, а от 20 до 25 лет – 48,2%⁹¹.

Сельские невесты спешили к венцу от страха «засидеться в девках». Женитьба на девушке возрастом более 20 лет считалась для деревенских парней делом малопривлекательным. Для девушек, не вышедших замуж в срок, возникала угроза остаться «старой девой». Следует помнить и о том, что без мужа женщина в селе не имела самостоятельного значения, поэтому девичеству она предпочитала самую плохую партию. Положение замужних женщин, согласно нормам обычного права, было выше, чем иных, в браке не состоящих⁹².

Идеальная, с точки зрения крестьян, разница в возрасте новобрачных составляла 2–3 года в пользу жениха. Для невесты считалось бесчестием выйти замуж за «старика», т. е. мужчину старше ее более чем на 3 года. Исходя из демографической ситуации, это было вполне оправданно. Средняя продолжительность жизни мужчин в селе была на 2–3 года меньше, чем у женщин. С увеличением возрастной разницы брачующихся для крестьянки возрастала вероятность раннего вдовства⁹³.

⁸⁸ Архив Русского географического общества (АРГО). Разр. 19. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 1.

⁸⁹ См.: Канищев В.В., Мизис Ю.А. Брачное поведение крестьян в XIX – начале XX в. //Население и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и настоящем. Мат-лы VII рег. конф. по ист. демографии и истор. географии. Воронеж, 2000. С. 29.

⁹⁰ Афиногенов А.О. Жизнь женского населения Рязанского уезда в период детородной деятельности женщины. Медико-статистическое исследование. СПб. 1903. С. 49.

⁹¹ Вербицкая О.М. Указ. соч. С. 53.

⁹² См.: Красноперов И.М. Указ. соч. С. 273.

⁹³ См.: Миронов Б.Н. Социальная история ... Т. 1. С. 164.

Браки в русской деревне были не только ранними, но и всеобщими. По данным демографической статистики конца XIX в., вне брака оставалось не более 4% жителей села⁹⁴. Оправданием безбрачия в глазах крестьян служили только физические или умственные недостатки. С пониманием относились сельские жители к монашествующим, тем, кто решили посвятить свою жизнь Богу и давали обет безбрачия. Существовала в деревне и категория женщин, которые не вступили в брак по тем или иным причинам, их называли «черничками». К мужчинам и женщинам брачного возраста, не создавшим семью, общественное мнение села относилось крайне неодобрительно. В глазах крестьян такое поведение воспринималось как неисполнение заповедей Божьих и поругание народных традиций.

В крестьянской среде конца XIX – начала XX в. сохранялось понятие святости венца. Жители села осуждали незаконное сожителство, считая это преступлением, поруганием религии и чистоты брачного очага. Невенчаный брак в деревне был явлением редким. Крестьяне с подозрением относились к таким гражданским бракам. Больше презрение в таких случаях падало на женщину-полюбовницу. Ее ставили в один ряд с гулящими девками и подвергали всяческим оскорблениям. Осуждая женщину за незаконную связь, общество обращало внимание на хозяйственную способность крестьянки. Умелое ведение хозяйства в данном случае выступало важным условием, смягчавшем оценку ее нравственного облика⁹⁵.

Осень традиционно являлась временем крестьянских свадеб – это объяснялось окончанием сельскохозяйственных работ, появлением у крестьян денежных средств, для того, чтобы «сыграть свадьбу». На осень–зиму в селе приходилось большинство престольных праздников, к которым крестьяне стремились с целью экономии приурочить свадебные торжества. По данным А. И. Шингарева, в селах Ново–Животинном и Моховатке Подгоренской волости Воронежского уезда 81,7% от всего годового количества свадеб приходилось на период с октября по февраль⁹⁶. В Тамбовском уезде (1885 г.) только на октябрь – ноябрь приходилось 64% всех браков за год⁹⁷. Браки отсутствовали в марте (Великий пост) и декабре (Рождественский пост) по причине того, что в эти периоды венчание воспрещалось. На период Великого поста, по подсчетам Никольского, приходилось и минимальное количество зачатий, что составляло 5,5%⁹⁸. Если

⁹⁴ Там же. С. 172.

⁹⁵ Милогорова И.Н. Крестьянка в русской пореформенной деревне // Вестник МГУ. 1998. № 2. С. 19.

⁹⁶ Шингарев А.И. Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежской губернии. СПб., 1907. С. 188.

⁹⁷ Никольский В.И. Тамбовский уезд. Статистика населения и болезненности. Тамбов, 1885. С. 98 - 99.

⁹⁸ Там же.

принять, что в среднем в месяц приходилось 8,3% от годового числа зачатий, то следует признать, что даже в такой трудно поддающейся контролю сфере, как половые отношения, крестьяне в большинстве своем придерживались установлений Православной церкви.

Другой максимум деревенских свадеб приходился на зиму, январь – февраль. Традиция зимних браков была связана с показателями медицинского характера. По наблюдению священников и врачей, осенне-зимние свадьбы, а соответственно и зачатия были более благоприятны для рождения здоровых детей осеннего периода. Женщины по опыту предыдущих поколений понимали, что летние роды несут много инфекций, а зачатие ребенка весной грозит выкидышем, так как в это время приходится много работать на земле. По расчетам исследователя Б. Н. Миронова, доля зимних свадеб среди населения Европейской России в период 1906–1910 гг. составляла 42,2%⁹⁹. Сезонность сельских браков являлась результатом взаимодействия церковных установлений и особенностей аграрного труда.

С замужеством для русской крестьянки начинался новый этап в ее жизни. Изменение общественного статуса влекло за собой обретение ею новых функций, обусловленных традициями семейного быта.

По народным представлениям, главное предназначение женщины заключалось в продолжении рода. Само соитие между мужчиной и женщиной по православным канонам было оправдано лишь как средство для зачатия детей. Рождение ребенка воспринималось как милость Божья, а отсутствие детей у супругов расценивалось как наказание за грехи.

На рубеже XIX – XX вв. половая зрелость у русской крестьянки наступала в 15–17 лет. По расчетам доктора В. С. Гроздева (1894 г.), средний возраст появления первой менструации для крестьянок средней полосы России составлял 16,1 лет. У крестьянок Тамбовской губернии, по данным врача Н. М. Какушкина, он был меньшим – 15,3 лет¹⁰⁰. Первый ребенок у тамбовских крестьянок в среднем рождался в 18 лет и 4 месяца¹⁰¹. Наступление физической стерильности наступало к 40 годам, т. е. за 5–7 лет до наступления менопаузы. К этому времени детородная функция крестьянской женщины, как правило, прекращалась: тяжелые условия труда и быта вкупе с огромными физическими нагрузками

⁹⁹ Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 170.

¹⁰⁰ ГАТО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 1. Л. 53.

¹⁰¹ Никольский В.И. Указ. соч. С. 112.

преждевременно лишали женщину способности к деторождению¹⁰². Таким образом, фертильный период у сельской женщины конца XIX века составлял 20–22 года. По подсчетам демографов, русская крестьянка этого периода рожала в среднем 7–9 раз. Среднее число родов у крестьянок в Тамбовской губернии составляло 6,8 раза, а максимум – 17¹⁰³. Приведем отдельные выписки, сделанные из отчета гинекологического отделения тамбовской губернской земской больницы за 1897, 1901 гг.: «Евдокия Мошакова, крестьянка, 40 лет, замужем 27 лет, рожала 14 раз»; «Акулина Манухина, крестьянка, 45 лет, замужем 25 лет, рожала 16 раз»¹⁰⁴. В условиях отсутствия искусственного регулирования рождаемости количество детей в семье зависело исключительно от репродуктивных возможностей женщины.

В уходе за младенцами сельские бабы руководствовались обыденными представлениями, которые были далеки от элементарных требований гигиены. Так в деревне считали, что ребенка достаточно перевернуть в сутки два – три, а для того чтобы он не «промок» подкладывали кучу тряпок. При отсутствии матери в рабочую пору ребенку приходится лежать по целым часам в собственных экскрементах¹⁰⁵.

Можно себе представить, в каком ужасном положении находились дети, завёрнутые в пропитанные мочой и калом пелёнки, и это к тому же в летнюю жаркую пору. Сделается совершенно понятным и ничуть не преувеличенным заявление наблюдателя протоиерея Гиляровского, что от такого мочекалового компресса и от жары «кожа под шейкой, под мышками и в паху созревает, получают язвы, нередко наполняющиеся червями» и т.д. Также нетрудно дополнить всю эту картину той массой комаров и мух, которые особенно охотно привлекаются вонючей атмосферой около ребёнка от гниения мочи и кала¹⁰⁶. Мыли новорожденных не чаще одного раза в неделю, белье не стирали, а только высушивали¹⁰⁷.

Пищу грудных детей составляло молоко из рожка с надетой гуттаперчевой соской, нередкой коровьей титькой, а также жовка, все это сохранилось в крайней нечистоте¹⁰⁸. В страдную пору с грязным вонючим

¹⁰² Морозов С.Д. Брачность и рождаемость крестьян Европейской России (конец XIX – начало XX в.) // Крестьяноведение. Вып. 3. М., 1999. С. 104.

¹⁰³ ГАТО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 1. Л. 53.

¹⁰⁴ Отчет гинекологического и родильного отделения тамбовской губернской земской больницы за 1897 г. Тамбов. 1899. С. 40; То же за 1901 г. Тамбов, 1902. С. 28.

¹⁰⁵ Афиногенов А.О. Указ. соч. С. 96.

¹⁰⁶ Соколов Д.А., Гребенщиков В.И. Смертность в России и борьба с нею. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_307.htm (дата обращения 03.04.2010).

¹⁰⁷ Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева. СПб. 1907. С. 4.

¹⁰⁸ Орглерт А.И. Медико-топографическое и статистическое описание слободы Головчины, села Антоновки и деревни Тополей Грайворонского уезда Курской губернии. Курск, 1896. С. 36.

рожком ребенка оставляли на весь день под присмотром малолетних нянек¹⁰⁹. «Пока мать по прошествию дня вечером возвратится к ребенку, у последнего перебивает во рту: и рожковое молоко, и соска из жеванного кислого хлеба, морковь, яблоко, огурец и т.п. неподобающая для грудного ребенка снедь»¹¹⁰.

В воззвании д-ра В. П. Никитенко «О борьбе с детской смертностью в России» указывалась основная причина смерти младенцев, как в Центральной России, так и в Сибири: «Ни еврейки, ни татарки не заменяют собственного молока соской, это исключительно русский обычай и один из самых губительных. По общему свидетельству, отказ от кормления младенца грудью – главная причина их вымирания»¹¹¹. Отсутствие грудного молока в питании младенцев делало их уязвимыми для кишечных инфекций, особенно распространенных в летнюю пору¹¹². Большинство детей в возрасте до года умирали в русском селе по причине диареи.

Высокая младенческая смертность играла роль стихийного регулятора воспроизводства сельского населения. По данным обследований (1887–1896 гг.), удельный вес умерших детей до пяти лет в среднем по России составлял 43,2%, а в ряде губерний – свыше 50%¹¹³. Наибольшее число младенцев, примерно каждый четвертый, умирало в летние месяцы. Причиной тому служили кишечные инфекции, характерные для этого времени года. По данным врача Г. И. Попова, от поноса в 1890-е гг. гибли от 17 до 30% грудных детей¹¹⁴. Мало ситуация изменилась и в начале XX в. По данным «Врачебно-санитарных хроник» за 1908–1909 гг., младенческая смертность в этот период составляла в Тамбовской губернии от 16 до 27,3%¹¹⁵.

К смерти младенцев в деревне относились спокойно, говоря «Бог дал – Бог взял». «Если ртов много, а хлебушка мало, то поневоле скажешь: «Лучше бы не родился, а если умрет, то и слава Богу, что прибрал, а то все равно голодать пришлось бы»¹¹⁶. Появление лишнего рта, особенно в маломощных семьях, воспринималось с плохо скрываемым раздражением со стороны домочадцев. При появлении очередного ребенка свекровь в сердцах упрекала сноху: «Ишь ты, плодливая, облака-

¹⁰⁹ Ершов С. Материалы для санитарной статистики Свяжского уезда. СПб., 1898. С.116.

¹¹⁰ Афиногенов А.О. Указ. соч. С. 104.

¹¹¹ Цит. по: Каравеева Е.В. Томские епархиальные ведомости как источник по истории формирования санитарной культуры в Томской губернии // Макарьевские чтения: материалы Шестой Междунар. конф. (21-23 нояб. 2007 г.). Горно-Алтайск, 2007. С. 101.

¹¹² Никольский В.И. Указ. соч. С. 157.

¹¹³ Данные по: Федоров В.А. Мать и дитя в русской деревне (конец XIX – начало XX в.) // Вестник МГУ. 1994. № 4. С. 19.

¹¹⁴ Попов Г. Указ. соч. С. 210.

¹¹⁵ Подсчитано по: Врачебно – санитарная хроника Тамбовской губернии за 1908 – 1909 гг. Тамбов, 1909.

¹¹⁶ Цит. по.: Федоров В.А. Указ. соч. С. 16.

лась детьми, как зайчиха. Хоть бы подошли твои щенки»¹¹⁷. В воронежских селах бабы о смерти младенцев говорили так: «Да если бы дети не мерли, что с ними и делать, так и самим есть нечего, скоро и избы новой негде будет поставить»¹¹⁸. Осуждая аборт, рассматривая его как преступление перед Богом, деревенские бабы не считали большим грехом молиться о смерти нежеланного ребенка¹¹⁹.

В условиях отсутствия в селе контрацептивов, сельские девушки, преимущественно незамужние, с целью избежать зачатия прибегали к народным средствам. Для предотвращения беременности в деревне некоторые девицы глотали ртуть, пили разведенный в воде порох, настой неродихи, медвежьей лапы. Широко использовали менструальные выделения. Месячные смешивали с мочой и пили. С этой же целью в бане бросали в жар сорочку с первой ночи, вырезали из рубахи пятна от месячных, сжигали их, а пепел разводили водой и пили¹²⁰.

Существовала в селе примета о том, что при половом сношении сразу же после месячных очищений беременность исключена. С целью предотвращения повторной беременности затягивали период грудного вскармливания. Продление лактации широко практиковалось в ряде сел до 1920-х гг. «Если последующая беременность долго не наступает, – отмечалось в одной инструкции 1920-х гг., – кормят, пока ребенок не застыдится, до 3, 4, 7 лет». Этот метод до некоторой степени защищал женщин от новых беременностей, т.к., по данным русских врачей, около 80% женщин не имели менструации при кормлении грудью¹²¹.

Детородные функции и состояние здоровья крестьянки в целом зависели, прежде всего, от условий труда и быта. В деревне говорили: «Борода кажет мужа, а женщину нужа». Непосильные повседневные работы, плохое питание изнашивали женский организм, вели к раннему старению. Основываясь на своих наблюдениях, знаток женской обыденности Костромского края доктор Д. Н. Жбанков утверждал по этому поводу: «Обыкновенно свежие и здоровые 20-летние девушки через 5-7 лет замужней жизни быстро делаются 40-летними и в этой форме застывают до настоящей старости. Масса выкидышей, всевозможных женских болезней есть прямой результат усиленной летней работы беременных. По моим наблюдениям, у женщин, мужа которых ходили на сторону, было среднее число по 5,2 детей у каждой и совсем бесплодных среди

¹¹⁷ Семенова-Тянь-Шанская О.П. Жизнь Ивана. Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. СПб., 1914. С. 8.

¹¹⁸ Шингарев А.И. Указ. соч. С. 139.

¹¹⁹ Федоров В.А. Указ. соч. С. 17.

¹²⁰ Попов Г. Указ. соч. С. 237.

¹²¹ Цит. по: Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 185.

них 10,84%; у женщин же с оседлыми мужьями было детей 9,2 и бесплодных среди них только 3,33%»¹²².

Большинство работ, выполняемых крестьянкой по дому или в поле, было связано с поднятием тяжестей. «Немало женских заболеваний – изгибов и загибов матки, ее воспаление с последующим бесплодием или рождение «истомленных детей» – обязаны происхождением своим непосильным работам», – констатировал саратовский земский врач С. П. Миронов¹²³. В результате такой «надрывной» работы у крестьянок часто случались выкидыши. Из 1059 опрошенных врачом П. Богдановым рожавших женщин, у 195 в общей сложности было 294 выкидыша. В Тамбовском уезде в 1897–1899 гг. на 2164 родовспоможений, произведенных и учтенных медиками, приходилось 267 мертворожденных, 142 мнимоумерших и 187 выкидышей, что составляло 35% от числа детей, родившихся живыми¹²⁴.

Изнурительный труд и тяжелые условия жизни русских крестьянок отрицательно сказывались на состоянии репродуктивной системы женщины. Данные земской статистики свидетельствовали о тревожной тенденции, в сельской местности происходил рост числа гинекологической заболеваний. Процент женских болезней в различных губерниях весьма различен: в Курской губернии 5,28%, аналогично в Московской губернии, в Тамбовском уезде – 6,4%, а в Кирсановском – 11,88%!¹²⁵

Земский врач В. И. Никольский, обследовавший состояние половой сферы крестьянок Тамбовского уезда в 1885 г., писал: «У нас женщина несет тяжелую полевую работу, она вредна для нее, т. к. связана с усиленной механической работой. Особенно вредна прополка, когда целый день приходится ходить, согнувшись в тазобедренных сочленениях под острым углом». По данным автора, изменения формы и положения матки давали 16,6% всех заболеваний половой сферы у сельских женщин¹²⁶. Для предупреждения выпадения матки бабки засовывали больным во влагалище картофелины, свеклу, репу, иногда деревянные шары¹²⁷.

На состояние женского здоровья влияла и демографическая ситуация в деревне, когда нарушалось традиционное соотношение мужского и женского труда. Доктор В. Ф. Вамберский проследил динамику числа больных с опущением и выпадением матки в Тамбовской губернии за

¹²² Жбанков Д.Н. Бабыя сторона. Статистико-этнографический очерк. Кострома, 1891. С. 88.

¹²³ Цит. по: Федоров В.А. Указ. соч. С. 8.

¹²⁴ Дьячков В.Л. Труд, хлеб, любовь и космос, или о факторах формирования крестьянской семьи во второй половине XIX - начале XX в. // Социально – демографическая история России XIX – XX вв. Современные методы исследования. Мат-лы науч. конф. Тамбов, 1999. С. 73.

¹²⁵ Шингарев А.И. Положение женщины в крестьянской среде // Медицинская беседа. 1899. № 8. Апрель. С. 260.

¹²⁶ ГАТО. Ф. 182. Оп.1. Д. 1. Л. 42об, 43.

¹²⁷ Богданов П. К статистике и казуистике болезней половых органов у крестьянок Кирсановского уезда. Тамбов, 1889. С. 8-10.

период с 1903 по 1927 г. При среднем значении за каждое пятилетие – 6,54% больных, в период 1913–1917 гг. доля таких больных составила 7,8%¹²⁸. В период Первой мировой войны по причине мобилизации мужского населения во многих крестьянских семьях женщины были вынуждены выполнять мужские работы.

Женские болезни крестьянки были как результатом специфики «бабьих» работ в деревне, например, прополка огорода, так и следствием заболеваний мочеполовой системы. Традиционно женским занятием в селе считалась вымочка конопли. Во время этих работ, обычно начало–середина октября, крестьянки часами простаивали по колено в студеной воде. Следствием простуды ног и живота был эндометрит, или, как говорили в деревне, «застудилась». Определенную роль в возникновении гинекологических заболеваний играли венерические болезни. Триппер, приносимый в деревню мужьями-отходниками, нередко становился причиной вульвита и эндометрита. Большинство заболеваний половой сферы являлось следствием несоблюдения женщинами гигиены половых органов. По наблюдениям земских врачей, количество гинекологических больных в селе резко возрастало в жаркую летнюю погоду¹²⁹. Причина тому – отсутствие гигиены в страдную пору по причине постоянного присутствия мужчин. Необходимой чистоплотности не было и зимой. В тесных избах мужчины и женщины проводили большую часть времени вместе, и бабы опять же не имели возможности приводить себя в надлежащий порядок. Да и само состояние крестьянского жилища создавало благоприятную атмосферу для развития различных патогенных микробов.

Современного исследователя не может не поражать то безразличие, с которым сельские бабы относились к своему здоровью. Женские хвори обнаруживали, как правило, на стадии обострения или в хронической форме. Крестьянки порой просто не замечали выделений (белей) по причине грязного платья. Свою роль играло и невежество селянки. Некоторые бабы в Орловской губернии лечиться у докторов от женских болезней считали за великий конфуз: «бабе свое нутро перед людьми выворачивать зазорно». Когда такой пациентке доктор предлагал осмотреть ее, та стремительно убегала из больницы и старалась скрыть от всех слова доктора, чтобы потом не заслужить упрека от баб: «тебя давно все оглядели»¹³⁰. Таким образом, невежество крестьянок и стереотипы их сознания выступали в определенной мере препятствием в деле профилактики и лечения гинекологических заболеваний. По мере раз-

¹²⁸ ГАТО. Ф. 182. Оп.1. Д. 1. Л. 47.

¹²⁹ Богданов П. Указ. соч. С. 8, 9, 19.

¹³⁰ Попов Г. Указ. С. 107.

вития сети земской медицины, роста образованности жителей села и санитарного просвещения крестьянского населения эти взгляды постепенно уходили в прошлое, хотя в области родовспоможения предпочтения селянок изменились мало.

Рождение ребенка было одним из самых значимых событий в жизни русской крестьянки. Главную роль в сельском родовспоможении играла повитуха. Повивальные бабки были в каждой деревне. Как правило, это были пожилые вдовы (уже не имевшие месячных очищений) добропорядочного поведения. Современники расходились во взглядах применительно оценки повивального искусства. Одни, подобно земскому врачу В. И. Никольскому, считали их квалификацию крайне низкой, а действия – приносящими более вред, чем пользу. «А повивальное искусство! Здесь делается все, чтобы исковеркать женщину. Никакой язык не в силах описать того варварства, с которым фактически мучают каждую роженицу», – сетовал упомянутый доктор в своей диссертации за 1885 г.¹³¹ Другие исследователи, напротив, высоко оценивали профессиональные навыки повитух. По их мнению, повивальные бабки при родах действовали достаточно грамотно и обладали умением принимать самые сложные роды. Как бы там ни было, при наступлении родов крестьяне считали необходимым пригласить бабку-повитуху и очень редко обращались к акушерской помощи. При трудных родах крестьяне скорее шли к священнику просить, чтобы он открыл царские врата и оставил их открытыми до благополучного разрешения от бремени, чем обращались за медицинской помощью¹³².

На повитух приходилось подавляющее большинство деревенских родов. К помощи акушерок крестьяне прибегали редко. По данным земского врача П. Богданова, в 1888 г. из 14500 зарегистрированных родов в Кирсановском уезде Тамбовской губернии акушерками было принято только 100–130, т.е. менее 1%¹³³. Таким образом, практическая деятельность земских акушерок была незначительна. За период 1880–1892 гг. земская участковая акушерка приглашалась в течение года для оказания помощи при родах в среднем в Московской губернии – 47 раз, в Рязанской губернии – 27, а в Воронежской – 16 раз¹³⁴.

¹³¹ ГАТО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 1 Л. 42.

¹³² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2029. Л. 4.

¹³³ Богданов П. Указ. соч. С. 3.

¹³⁴ Мескина О.А. Указ. соч. С. 124.

Главной причиной являлась бедность населения, выражавшаяся в отсутствии лошади с подводой, чтобы отправить роженицу в больницу за 30, а порой и за 50 верст¹³⁵. Спустя 20 лет положение в этом вопросе практически не изменилось. Доктор А. С. Сергеевский в «Обзоре родо-вспомогательной деятельности по Моршанскому уезду за 1904–1909 гг.» признавал: «Сама жизнь крестьянки, вероятно, создала поговорку о том, что "баба, где стоит, там и родит". Горькая, обидная поговорка, но правды в ней много: поле, хлеб, лес, луга, выгон, железная дорога и тюрьма – где застанут русскую женщину роды, там она и разрешается от бремени»¹³⁶. В Моршанском уезде Тамбовской губернии, по данным земского врача, большинство родов, а точнее 66,9%, произошло в сельских избах. Медицинский персонал оказывал помощь лишь в 1,4%¹³⁷. По отчету Сеславинского участка Козловского уезда Тамбовской губернии за 1912 г., родов на дому было принято 237, а в больнице – 34¹³⁸.

Другой причиной было элементарное невежество сельских баб. «Лишь немногие женщины села знали о существовании докторов-акушеров, и никто из них не пользовался помощью этих специалистов, – писал в своих воспоминаниях воронежский крестьянин Ив. Столяров. – Дети рождались с помощью бабок-повивалок без всяких дипломов, научившихся путем практики. Когда же роды проходили в поле (и это случалось частенько) бабку-повивалку заменяла одна из женщин, уже имевшая детей. Если роженица была в поле одна с мужем, то обязанности "бабки" выполнял муж!»¹³⁹.

Определенную роль играли и стереотипы крестьянского сознания в сочетании с присущим крестьянам прагматизмом. Недоверие к акушеркам, по мнению Д. К. Зеленина, проистекало из взгляда крестьян на них как на "барышень", т.е. существ беспомощных, слабых¹⁴⁰. В восприятии сельской женщиной акушерки существовало определенное предубеждение, ведь она была представителем иного сословия, ей не были ведомы порядки и нравы крестьянского мира. Повитуха же была своей бабой, крестьянкой. От нее роженица ждала не только специальной помощи, но и замены ее в семейном хозяйстве. Бабка топила печь, варила обед, кормила детей, ходила за скотиной и т.п.¹⁴¹ Одним словом, повитуха делала все, чтобы временная нетрудоспособность женщины не отразилась на привычном домашнем укладе. Но сельская баба была не

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ ГАТО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 1. Л. 41об.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же. Д. 11. Л. 6.

¹³⁹ Столяров Ив. Записки русского крестьянина // Записки очевидца. Воспоминания, дневники, письма. М., 1989. С. 338.

¹⁴⁰ Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. М., 1994. С.

¹⁴¹ Богданов П. Указ. соч. С. 3.

только домохозяйкой, но и работницей. Суровая проза крестьянской жизни требовала скорейшего ее возвращения к активному труду, особенно в страдную пору. Бывший земский начальник из Тамбовской губернии А. Новиков, хорошо знавший крестьянский быт и положение в нем женщины, в своих воспоминаниях с досадой сетовал по этому поводу: «Ни болезни, ни роды – ничто бабу не спасает. Если родила в рабочую пору, то на третий день иди вязать снопы. Можно ли после этого удивляться, что все они больны женскими болезнями»¹⁴².

Таким образом, предпочтения крестьянок в области родовспоможения были обусловлены условиями аграрного труда и особенностями сельского быта.

О роли сельских повитух в сельских обрядах, связанных с деторождением, будет сказано отдельно в разделе, посвященном женской обрядности русского села.

Браки в крестьянской среде были прочными, а разводы в русской деревне – явлением крайне редким. В своих воспоминаниях о детстве в тамбовской деревне митрополит Вениамин (Федченков) писал, что на пятьдесят верст кругом он не слышал ни об одном случае развода¹⁴³. В 1912 г. почти на 115 млн. человек православных всех возрастов было расторгнуто всего 3532 брака, в 1913 г. на 98,5 млн. человек – 3791 брак, причем подавляющая часть разводов приходилась на город¹⁴⁴.

Народные традиции и нормы церковного права делали добровольное расторжение брака практически невозможным. Исследователь С. С. Крюкова на основе изучения брачных традиций второй половины XIX в. установила причины разводов у крестьян в повседневной жизни. Это несогласие в семейной жизни; уход одного из супругов в секту; неспособность мужа выполнять супружеские обязанности; бесплодие жены; длительная отлучка одного из супругов¹⁴⁵. К этим причинам следует добавить и неспособность одного из супругов выполнять хозяйственные работы. Жесткие требования к разводу были продиктованы не только церковным уставом, но и экономическими условиями жизни крестьянской семьи. Ведь при разводе или смерти супруги в крестьянском хозяйстве нарушалось традиционное соотношение мужских и женских рук, необходимое для нормальной производственной деятельности. Не-

¹⁴² Новиков А. Записки земского начальника. СПб., 1899. С 16.

¹⁴³ Митрополит Вениамин (Федченков). На грани веков. М., 1994. С. 70.

¹⁴⁴ Данные по: Морозов С.Д. Указ. соч. С. 103.

¹⁴⁵ См.: Крюкова С.С. Брачные традиции южнорусских губерний во II пол. XIX в. // Этнографическое обозрение. 1992. № 4. С. 48.

редко на другой день после похорон мужик толковал о новой бабе. «Без бабы в доме никак невозможно, – говорил он, – надо невесту искать»¹⁴⁶. В этом не было ни жестокосердия, ни пренебрежения к умершей супруге, а только суровые реалии крестьянского быта.

Прелюбодеяние в обычном праве не признавалось основанием для расторжения брака. В этом случае от обманутого мужа ожидали вразумления неверной жены, а не развода. Жен, уличенных в измене, жестоко избивали. На такие расправы в селе смотрели как на полезное дело: по понятиям крестьян, с женой всегда нужно обращаться строго, чтобы она не забаловалась. «Жену не бить – толку не быть!»¹⁴⁷

Для официального расторжения брака, церковного развода, требовалось решение правящего архиерея, поэтому в русской деревне второй половины XIX – начала XX вв. существовали «самовольные разводы». Дать количественную оценку этому явлению невозможно, по причине того, что такие «расходки» нигде не регистрировались. Этнографические источники свидетельствуют о том, что иногда в селе супруги расходились добровольно, т.е. прекращали совместное проживание, но к формальному расторжению брака не прибегали. По наблюдениям Ф. Костина из Орловского уезда, «Рассорившиеся супруги часто расходятся. Большею частью со двора уходит жена, а муж остается дома. Иногда муж заявляет в волости, чтобы жене не давали паспорт. И тогда жена обыкновенно живет у кого-либо из родственников. Супруги иногда расходятся добровольно и живут врозь, но только те, у кого нет детей»¹⁴⁸. Отсутствие детей в семье после нескольких лет совместной жизни в глазах крестьян являлось веской причиной для прекращения супружества. «У кого детей нет – во грехе живет», – гласила народная пословица.

Гражданский развод в селе санкционировался негласно общиной и общественным мнением. Упомянутый корреспондент из Орловского уезда по этому поводу писал следующее: «В нашей местности разводы бывают при вмешательстве сельского схода и народного суда. При таких разводах вторично жениться супругам, конечно нельзя, но они имеют полное право, по народному мнению, жить раздельно, не притесняя один другого. Когда желают разойтись и просят об этом общество, то должны указать причины. Когда есть дети, то их оставляют с отцом, будь они девочка или мальчик. Но если мать пожелает взять с собой девочку, то это ей позволено. Если муж и жена разводятся, не имея детей, то ей разрешается взять свое имущество и приданое. Если разводятся супруги, имея детей, то жене не все выдается, а часть хол-

¹⁴⁶ Бунаков Н. Сельская школа и народная жизнь. Наблюдения и заметки сельского учителя. СПб., 1906. С. 51.

¹⁴⁷ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2036. Л. 13.

¹⁴⁸ Там же. Д. 1245. Л. 7.

стов, детских рубашек оставляется. После развода муж не обязан выдавать жене ни месячины, ни других пособий и она должна жить, как хочет. Когда после развода у крестьян от любовниц рождаются дети, то они были обязаны кормить их до совершеннолетия, и если девочка, то выдать замуж, если мальчик – определить его куда-то в зятя или в усыновление. Но большей частью таких детей определяют в воспитательные дома или подкидывают»¹⁴⁹.

Наиболее частой из причин разводов являлась смерть одного из супругов. Вдовство, в народных представлениях, воспринималось как Божье наказание. Второй брак в деревне не осуждался, но вызывал определенный суеверный страх из-за боязни того, что он будет недолговечным и несчастным. Третий брак по народным понятиям считался недопустимым. Крестьяне считали, что такой мужик берет на себя страшный грех, идя против Божественной воли. В деревне говорили: «Первая жена от Бога, вторая – от человека, третья – от черта». Второй брак был необходим, по мнению крестьян, только в том случае, если у вдовца были малолетние дети, а в семье не было женщины, способной к уходу за ними. В этом случае вдова – самая подходящая невеста для вдовца, как опытная женщина. К бракам вдовцов на девушках относились неодобрительно. И поэтому чаще всего вдовые супруги вступали в новый брак друг с другом. Из 100 браков вдовцов (1875–1886 гг.) в Тамбовской губернии 56 приходилось на браки вдовцов на вдовах¹⁵⁰. Для совместного проживания порой сходились пожилые (мужчины старше 60 лет, женщины – 50 лет), одинокие крестьяне. Такой союз в селе считали неприличным, памятуя о том, что Бог создал брак «для умножения рода человеческого»¹⁵¹.

Вдовы, не вышедшие замуж повторно, составляли в селе особую категорию, игравшую немаловажную роль в повседневной жизни деревни. Некоторые из бобылок, охотно предоставляли свою избу местной молодежи для проведения «вечерок». Другие промышляли знахарством и гаданием, беря плату продуктами. Иные бросали хозяйство и уходили в работницы, а если физических сил не было, то жили, собирая милостыню.

Старость являлась последним этапом в жизненном цикле русской крестьянки. Для сельской женщины переход в эту возрастную группу

¹⁴⁹ Там же. Л. 11, 12.

¹⁵⁰ Якушкин Е.И. Заметки о влиянии религиозных верований и предрассудков на народные юридические обычаи и понятия // Этнографическое обозрение. Кн. IX. М., 1891. № 2. С. 6.

¹⁵¹ Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 165.

был связан с утратой ею способности к деторождению. Другим критерием старости в селе была утрата бабой статуса хозяйки, большухи. Наступление старости, по мнению крестьян, определялось неспособностью женщины в полной мере выполнять функции «работницы» в семье. Обычно все эти факторы наступали в 40–45 лет.

Не имея физической возможности оказывать деятельного участия в хозяйственных работах семьи, старухи активно формировали общественное мнение села и распространяли деревенские новости. Пожилые женщины выступали в деревне источником возникновения и передачи слухов, сплетен и пересудов. Информация, передаваемая старушками, разлеталась по селу значительно быстрее, чем передвигались пожилые крестьянки.

Как и старики, женщины в старости занимались своеобразным общественным служением. Их практический жизненный опыт был так же велик, как и у стариков, но востребован в иной сфере. Они были хранительницами всего комплекса крестьянских обрядов, бытовых знаний, поэтому именно старухи выполняли роль вопленниц на похоронах и подголосниц на свадьбах. Многие из них обладали знаниями народной медицины и поэтому часто становились знахарками, повитухами.

Роль знахарок в крестьянском быту заключалась в том, к их услугам прибегали в случаях болезни. И они, обладая навыками народной медицины и знанием лечебных свойств различных трав и растений, такую помощь односельчанам оказывали. Народное сознание связывало со знахаркой (лекаркой, шептуньей, ворожейкой) способность не только править, но и портить людей. Это вызывало у крестьян страх и подозрение в связи их с нечистой силой.

Старухи в селе выступали носителями православных традиций. Они строго следили за исполнением молитвенного правила младшими членами семьи, соблюдением постных дней, почитанием церковных праздников. Среди сельских прихожан пожилые женщины составляли большинство. Без них не обходился ни один молебен и крестный ход в селе.

Велико было их значение в обрядовой жизни русской деревни. Старухи и вдовы играли ведущую роль в ряде ритуальных действий, связанных как с православной верой, так и основанных на народном суеверии. Пограничное состояние (между жизнью и смертью) пожилых крестьянок придавала их действиям особый, сакральный смысл.

С некоторой долей условности можно утверждать, что в крестьянской традиции старость воспринималась, прежде всего, как период ожидания смерти и подготовки к ней. Беседы о грядущей смерти, приготовление для себя «смерётной одежды» или гроба составляют важную и неотъемлемую часть субкультуры пожилых крестьян и крестьянок.

В семейной повседневности занятия старых женщин были связаны с уходом за детьми: пестование грудных младенцев, хождение с ребятами в лес по грибы и по ягоды, сказывание сказок. По сути, присмотр за внуками был для бабки главной заботой. Суждения современников по этому поводу схожи. Хлопотали о внуках старухи: «Где, бабка, ни бери, а внука корми»¹⁵². Старухи «сидят с детьми на завалинах»¹⁵³. В страду работающие в поле родители вынуждены оставлять детей «вместе с хилою и дряхлою старушонкой-бабушкой»¹⁵⁴, даже если она нуждается в присмотре не меньше малолетних внучат.

Те старухи, которые были еще в силах, выполняли домашние работы. Чаще всего это уход за скотиной и птицей, а также приготовление пищи. Знарок жизни русского села, писатель А. Н. Энгельгардт отмечал: «Старуха печёт хлеба и готовит кушанье для застольной, смотрит за свиньями, утками и курами»¹⁵⁵. «Только сама старуха да ещё старшая сноха знают, как их [пироги] «ставить» с вечера, как подмесить на ночь и как утром «развалить», разложить в посудины»¹⁵⁶ – уточнял П. И. Замойский.

На протяжении XIX в. старики в крестьянской семье продолжали выполнять хозяйственные функции, по возможности стараясь соблюдать традиционное разделение работ на мужские и женские. Отношение к ним зависело как от их работоспособности, так и от благосостояния и типа крестьянской семьи: большим почётом пользовались богатые старики в неразделённой семье¹⁵⁷.

Христианская нравственность, все нормы поведения жителей села требовали безусловного уважения родителей на протяжении всей их жизни. «Дети обязаны родителей во всем слушать, покоить и кормить во время болезни и старости», – сообщал о преданиях крестьян житель Орловской губернии в конце XIX в.¹⁵⁸ Наступало время детям отдавать «долги» своим родителям. «Богатство» в детях воплощалось в гарантии обеспеченной старости. Стариков-родителей сыновья поочередно брали к себе на жительство, а если те оставались доживать свой век с одним из них, то другие должны были обеспечить их всем необходимым. К тем, кто не радел попечением своих родителей, применяли меры общественного воздействия. Известны случаи, когда волостной суд принуждал непутовых детей к исполнению своих обязанностей, определяя приго-

¹⁵² Иллюстров И.И. Сборник российских пословиц и поговорок. Киев, 1904. С. 191.

¹⁵³ Слепцов В.А. Трудное время // Проза. М., 1986. С. 196.

¹⁵⁴ Григорович Д.В. Деревня // Повести и рассказы. М., 1980. С. 35.

¹⁵⁵ Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 20.

¹⁵⁶ Замойский П.И. Подпасок. М., 1956. С. 78.

¹⁵⁷ Кобзарева Н.И. Эволюция мира старости в крестьянской среде в 50-х гг. XIX в.–1917 г. (на материалах губерний Центрального Черноземья): Автореф. дис. ... к.и.н. Белгород, 2014. С. 20..

¹⁵⁸ Цит. по: Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 143.

вором годовую норму натурального довольствия для прокормления стариков. «В волостных судах, – отмечал С. И. Барыков, характеризуя Архангельскую губернию начала XX века, – так много встречается жалоб на отказ со стороны детей в пропитании, ясно говорит о том, как плохо выполняются обязанности по отношению к старикам-родителям»¹⁵⁹.

Нравственная эрозия патриархального уклада деревни на рубеже веков затронула и сферу внутрисемейных отношений. Сельское духовенство одним из первых почувствовало проявление этих негативных явлений. Священник И. Покровский из с. Раева Моршанского уезда Тамбовской губернии в 1898 г. признавал, что, по его наблюдениям, в последнее время утрачивается былое уважение к старикам. Сельский пастырь так оценивал сельские нравы: «Старики не почитаются, им желают скорейшей смерти. Сын не стесняется бранить, а порой и бить отца. Мне часто приходилось слышать выражения типа "когда ты сдохнешь, старый пес?". Слепой матери-старухе не укажут, где стоит вода»¹⁶⁰. Из Орловской губернии сообщали, что «к матери в старости проявляли пренебрежительное отношение, могли попрекнуть куском хлеба, отказывали в новой одежде»¹⁶¹. Корреспондент из Владимирской губернии приводит рассказ о старухе, которой при живых сыновьях пришлось жить подаяннем, потому что дети «не захотели её брать»¹⁶².

По сведениям из Орловской губернии, старикам и старухам оказывали уважение, если они были еще в силах работать, но в голодное время к ним относились грубо, кормили плохо и почти не ухаживали. Крестьяне смотрели на это снисходительно, говоря: «Хотя бы уж самим-тоivotы не подвело, а старикам все равно помирать пора»¹⁶³. Не будем искать в этом жестокосердия и забвения сыновнего долга. Голод нередко ставил сельскую семью на грань вымирания. Стремясь сохранить потенциал хозяйственного возрождения двора, крестьянин вынужден был воспринимать стариков как лишние рты. С точки зрения физического выживания семьи, их немощь являлась балластом.

В силу своего общественного и семейного статуса крестьянка выступала носителем традиций сельской повседневности. Ее семейная обыденность – это следование череде привычных жизненных ролей (жены, матери, хозяйки и т. п.) Всякое отклонение от поведенческих стереотипов было практически невозможно по причине жесткого контроля со

¹⁵⁹ Барыков С.И. Крестьянская семья и «семейная собственность» в Архангельской губернии. Архангельск, 1912. С. 59.

¹⁶⁰ Покровский И. Историко-археологическая записка. // Тамбовские епархиальные ведомости. 1898. №. 50. С. 1357 - 1358.

¹⁶¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1087. Л. 2.

¹⁶² Быт великорусских крестьян-землепашцев ... С. 187.

¹⁶³ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1048. Л. 7.

стороны общественного мнения. Объективные условия развития русского села меняли положение крестьянки.

Положение в семье

Повседневная жизнь русской крестьянки была неразрывно связана с семьей, неотъемлемой частью которой она являлась. Именно в рамках семейного круга, начиная с рождения и кончая смертью, проходила большая часть ее жизни.

Во главе крестьянской семьи стоял старший по возрасту и положению мужчина (большак). Большак обладал в семье неограниченной властью. Глава семьи судил поступки домашних и налагал на них наказания, представлял интересы двора на сельском сходе, уплачивал повинности.¹⁶⁴ Он управлял всем хозяйством, отвечал за благосостояние двора перед сельским обществом. В случаях пьянства, мотовства, нерадения хозяйства, решением сельского схода он мог быть лишен большины. Община вмешивалась только тогда, когда действия большака вели к разорению двора, потери его тяглоспособности¹⁶⁵. Утрата дееспособности также являлась основанием для передачи его полномочий другому члену семьи. Так, решением Пичаевского волостного суда Тамбовской губернии в 1914 г. крестьянка Анна Шорина была признана полной хозяйкой и утверждена в праве наследства. В заявлении истица указывала, что ее муж потерял рассудок и находится на излечении в психиатрической больнице¹⁶⁶.

В семейной иерархии патернализм как принцип, присущий крестьянскому сообществу проявлялся наиболее зримо. Большаком, как правило, становились по праву старшинства. По представлению крестьян, большак имел право выбрать за леность, за хозяйственное упущение или безнравственные проступки. Хозяин обходился с домашними строго, повелительно, используя при этом начальственный тон. При необходимости он прибегал к наказанию провинившихся домочадцев. Если конфликт выходил за пределы семьи и становился предметом обсуждения схода, то последний, как правило, занимал позицию отца-домохозяина, а сын мог быть наказан за необоснованную жалобу.

Большак выступал организатором и руководителем всего производственного процесса крестьянского двора¹⁶⁷. С вечера он распределял рабо-

¹⁶⁴ Там же. Л. 2.

¹⁶⁵ Весин Л. Современный великорус в его свадебных обычаях и семейной жизни // Русская мысль. 1891. Кн. X. С. 47.

¹⁶⁶ ГАТО. Ф. 232. Оп. 1. Д. 111. Л. 5.

¹⁶⁷ Мейендорф А.Б. Крестьянский двор в системе русского крестьянского законодательства и общинного права, и затруднительность его применения. СПб., 1909. С. 6 - 7.

ту на следующий день, и его распоряжения подлежали неукоснительному исполнению¹⁶⁸. Прерогативой большака являлись определение сроков и порядка проведения полевых работ, продажа урожая и покупка необходимого в хозяйстве. В его руках находились все деньги, зарабатываемые семьей, и в расходовании их никто не имел право требовать у него отчета¹⁶⁹. Только он мог выступать в качестве заимодавца или земщика. Именно домохозяин был ответственен перед обществом за отбытие двором мирских повинностей. По сельским традициям, отец был волен отдать своих детей в работники, не спрашивая на то их согласия.

Глава семьи вел все дела хозяйства, свободно распоряжался его имуществом, заключал обязательные соглашения, но наряду со всем этим, владельцем двора не являлся. Существовавший обычай воспрещал домохозяину предпринимать важнейшие распорядительные действия, например отчуждение, без согласия всех взрослых членов семьи¹⁷⁰. Он не мог завещать имущество двора. После его смерти двор оставался в распоряжении семьи, а большаком становился его сын, брат, реже вдова. Если двор по смерти хозяина и делился, то это происходило не по гражданскому закону, а в рамках того же обычного права. Порядок наследования выражался в распределении общего имущества между членами семьи, а не в переходе права собственности от домохозяина¹⁷¹. Члены семьи и при жизни домохозяина имели право на общее имущество. Такое право реализовывалось при выделе сына.

Всем домашним хозяйством безраздельно ведала "большуха". Она распределяла между невестками хозяйственные работы, устанавливала очередность приготовления пищи, ведала сохранностью и выдачей продуктов и главное, зорко следила за неукоснительным исполнением каждой своих обязанностей. Помимо работ по дому, заботой хозяйки был огород, уход за скотом, выделка пряжи, изготовление одежды для домочадцев. Если в семье было несколько невесток, она смотрела за тем, чтобы шерсть, лен, конопля были распределены между ними соразмерно их трудовому вкладу. Все коллективные работы, требующие женских рук, осуществлялись при ее непосредственном контроле и участии. От нее во многом зависела четкая работа механизма крестьянской экономики.

Весьма близко к реальности описывает женские обязанности в большой семье Т. А. Невская: «Одна невестка готовила пищу, другая пекла хлеб, третья — кормила свиней и домашнюю птицу. Через неделю, а в некоторых семьях и каждый день, невестки менялись своими обязанно-

¹⁶⁸ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1087. Л. 1.

¹⁶⁹ Всеволожский Е. Указ. соч. С. 2.

¹⁷⁰ Хауке О.А. Указ. соч. С. 196.

¹⁷¹ Левин М. Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1997. М., 1997. С. 120.

стями. Как правило, старшим невесткам доставались наиболее ответственные работы, а младшая невестка была первое время на "подхвате". Самая старшая сноха осуществляла за всеми остальными "догляд". Молодые девушки в приготовлении пищи участие никогда не принимали, лишь помогая старшим. При этом свекровь только изредка помогала снохам в хлопотах по дому, чаще всего она в это время занималась рукоделием или присматривала за внуками»¹⁷².

Личные качества хозяйки играли в семейной атмосфере определяющую роль. Не случайно в народе говорили: «При хорошей большухе ангелы в семье живут, а при плохой семью нечистый обуяет»¹⁷³. Семейная повседневность часто становилась ареной противоборства хозяйки и снох. Все то, что исследователь М. Левин метко назвал «борьбой за ухват и квашню»¹⁷⁴. В своем стремлении сохранить контроль над семейным очагом свекровь не останавливалась ни перед чем, включая и физическое насилие. Безграничная власть свекрови над снохами являлась отражением диктата большака по отношению к своим домочадцам.

Снохи занимали в семье особое положение. Они являлись "чужеродками", были связаны с семьей мужа косвенными родственными узами, поэтому держались в семье обособленно. Сноха, кроме мужа, в значительной степени зависела от свекра и свекрови. Следует отметить, что положение снох было различным. На него оказывало влияние ее умение работать. В зависимости от этого она пользовалась большим или меньшим уважением. На ее положение в семье оказывало влияние наличие детей. Например, многодетные снохи вели себя более свободно¹⁷⁵.

Для патриархальной семьи было важно рождение именно мальчиков, сулившее для семьи увеличение земельного надела. По сведениям К.К. Федяевского, приводимым по Воронежскому уезду: «В больших семьях били снох за повторное рождение девочек. Мужей таких снох посылали в соседний уезд в годовые работники, позволяя проведывать жену и детей лишь Великим постом»¹⁷⁶.

В разные периоды жизни статус замужней женщины менялся, но именно ей принадлежала ключевая роль в крестьянской семье. В молодости ее положение в роли невестки было незавидным, она – наиболее

¹⁷² Невская Т.А. Половозрастное разделение труда в крестьянской семье в XIX – начале XX вв. (по материалам степного Предкавказья) // Пятая международная научная конференция Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо – Маклая РАН, Тверь, 2012. С. 438. С. 436-439.

¹⁷³ Милоголова И.Н. Распределение хозяйственных функций в пореформенной русской крестьянской семье / Советская этнография. 1991. № 2. С. 95.

¹⁷⁴ Левин М. Указ. соч. С. 121.

¹⁷⁵ Мухина З.З. Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России / М.: ИЭА РАН, 2012. С. 184.

¹⁷⁶ Федяевский К.К. Указ. соч. С. 19.

эксплуатируемый член семейства. Но с годами, когда ее супруг становился «большаком», а дети вырастали и женились, она становилась полноправной хозяйкой и теперь уже она выступала для своей юной невестки деспотом¹⁷⁷.

Таким образом, все возвращалась на круги своя и в этом жизненном круговороте выражалась цикличность сельского бытия. Но повседневность российского села в период модернизации не оставалась неизменной, перемены в традиционном укладе коснулись и крестьянской семьи. О процессе трансформации патриархальной семьи следует сказать особо.

До отмены крепостного права в российской деревне преобладала патриархальная (составная) крестьянская семья. Сельские семьи были, как правило, многочисленны. Например, в 1857 г. семья включала в среднем в Воронежской губернии 9,6 человек обоего пола, Курской – 9,1, Тамбовской – 9,0¹⁷⁸. Во второй половине XIX в. численность сельской семьи уменьшается. Если в 1858 г. средняя численность крестьянской семьи в Воронежской губернии составляла 9,4 чел., то в 1884 г. – 6,8, а в 1897 г. – 6,6¹⁷⁹. Аналогичная тенденция по снижению средней численности крестьянских семей отмечена и в других губерниях.

Традиционный уклад, в том числе и семейный, в селах Центрального Черноземья отличался большей прочностью, чем в других регионах страны. Так, наибольшее количество больших семей, с численностью свыше 10 чел., было зарегистрировано по переписи 1897 г. в воронежских селах. Доля таких семей в губернии составляла 14,8%¹⁸⁰. Семья воронежского крестьянина Леона Измайлова насчитывала 54 чел. Она состояла из домохозяина с женой (76 и 74 года), 6 женатых сыновей (от 36 до 55 лет), 7 женатых внуков, 9 внуков неженатых, 10 внучек незамужних, 3 малолетних правнуков и 4 правнучек. Всего 26 мужчин и 28 женщин¹⁸¹.

Крупная семья представляла собой своеобразную форму трудовой кооперации, половина ее численного состава были работниками. Поэтому такие семьи чаще всего являлись зажиточными. Многосемейность придавала крестьянскому хозяйству устойчивость и выступала залогом экономического благополучия. Так, по сведениям за 1889 г., глава многочисленного семейства, крестьянин д. Грязнуша Больше-Лазовской

¹⁷⁷ Вербицкая О.М. Указ. соч. С. 129.

¹⁷⁸ См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 225.

¹⁷⁹ Федяевский К.К. Указ. соч. С. 5.

¹⁸⁰ Там же. С. 3.

¹⁸¹ Там же. С. 14.

волости Тамбовского уезда И. Я. Золотухин обладал 703 дес. земли, владел 6 домами и 16 нежилыми постройками, держал лошадей – 40 голов, коров – 30, свиней – 90, имел 7 плугов, 30 железных боронок, 3 селки и 2 молотилки¹⁸².

Крестьяне видели четкую связь количества работников в семье с ее хозяйственной состоятельностью. Отмечая преимущества большой семьи, они говорили, что если в «семье мелкой умрет хозяин, то все пойдет прахом». Очевидно, в их глазах многочисленность семьи выступала гарантом от ее разорения. Действительно, в малой семье смерть одного работника автоматически вела к расстройству хозяйственной жизни, в то время как в большой это не отражалось на благосостоянии крестьянского двора. Писатель А. Н. Энгельгардт сообщал: «Крестьянский двор зажиточен, пока семья велика и состоит из значительного числа рабочих, пока существует какой-нибудь союз семейный, пока семья не разделена и работы производятся сообща. Обыкновенно этот союз держится, пока жив старик, и распадается со смертью его»¹⁸³.

Патриархальная семья представляла собой уменьшенную копию общины. В составной семье воспроизводились патриархальные отношения с присущим им авторитаризмом и общностью имущества двора. Здесь отношения строились на безоговорочном подчинении младших членов семьи старшим, а власть хозяина над домочадцами была абсолютной. В жизни неразделенных семей наглядно прослеживалась преемственность поколений, непосредственность в передаче опыта от отцов к детям. Глава двора стремился оградить семейную повседневность от всего, что могло бы нарушить привычный уклад, изменить традиции, ослабить его власть. Поэтому домохозяин в такой семье противился обучению своих детей, неохотно отпускал сыновей в дальний промысел, старался не допустить выдела.

В силу развития товарно-денежных отношений в российской деревне, ослабления патриархальных устоев сельского быта, роста крестьянского индивидуализма, происходил процесс численного роста малых семей, которые и стали к началу XX в. главной формой семейной организации русского крестьянства. Глубинные изменения, связанные с модернизацией традиционного общества, вызвали к жизни тенденцию дробления крестьянских дворов. Деревню, образно говоря, захлестнула волна семейных разделов. Этот процесс, имевший объективную природу, продолжался с начала 1880-х по конец 1920-х гг. и привел к тому, что патриархальная семья уступила место семье нуклеарной. В контексте по-

¹⁸² ГАТО. Ф. 143. Оп. 3. Д. 46.

¹⁸³ Энгельгардт. А.Н. Из деревни. (Письмо седьмое) // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987. С. 177.

ставленной проблемы эти перемены в жизни русского села носили принципиальный характер.

Семейные разделы, начавшиеся в дореформенный период, после отмены крепостного права стали в русской деревне распространенным явлением. В период с 1861 по 1882 гг. в 46 губерниях Европейской России разделилось 2371248 крестьянских семей¹⁸⁴. За два пореформенных десятилетия в 43 губерниях Европейской России в среднем ежегодно происходило 116229 семейных разделов¹⁸⁵. В течение 10 лет (1874–1884 гг.) число семей бывших помещичьих крестьян увеличилось на 20,7%, бывших государственных и удельных – на 20%¹⁸⁶.

По мере увеличения количества крестьянских семей сокращается их средняя численность. В Воронежской губернии средняя численность крестьянской семьи за 1857–1882 гг. уменьшилась с 10,3 до 7,3 человека (а по земским статистическим исследованиям на 1 января 1890 г. среднее число членов на одну семью по губернии составляло 5,95 человека), в Рязанской губернии – с 9,7 до 6,3 человека. Уменьшение численности крестьянской семьи происходило одновременно с увеличением естественного прироста населения. Причиной этого явления послужили усилившиеся во второй половине XIX в. семейные разделы. К 90-м гг. XIX в. разделы охватили значительную часть крестьянских семей. По данным Министерства Внутренних Дел, с 1861 по 1884 г. в 44 губерниях разделилось 2626573 семей крестьян всех категорий, в 1861–1882 гг. в 46 губерниях Европейской России происходило ежегодно 108 тыс. разделов, в 1883–1890 гг. – по 150 тыс.

Большая патриархальная семья постепенно уходила в прошлое. Благочинный Шацкого округа в рапорте, направленном в Тамбовскую духовную консисторию (1894 г.), сообщал, что «теперь редко можно встретить семью из трех–четырёх братьев»¹⁸⁷. «Ныне перевелись семьи в 20–30 человек, состоящие из деда, его 3–4 сыновей, внучат и правнучат», – с сожалением признавал священник И. Покровский, автор монографического описания с. Раево Моршанского уезда Тамбовской губернии¹⁸⁸. Сельские корреспонденты Этнографического бюро были единодушны в своих утверждениях о том, что «больших семей мало», «семьи преимущественно малые» и т.п.¹⁸⁹.

¹⁸⁴ Риттих А.А. Крестьянский порядок. Свод труд. местн. комит. по 49 губерн. Европ. России. СПб., 1904. С. 230.

¹⁸⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 50. Д. 32. Л. 26 об. - 27.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1835. Л. 576.

¹⁸⁸ Тамбовские епархиальные ведомости. 1898. № 50. С. 1357.

¹⁸⁹ Быт великорусских крестьян-землепашцев. С. 181.

В результате таких разделов крестьянская семья мельчала. Нормальные неразделенные семьи (с 3–4 работниками) к концу XIX в. составляли около 10% в промышленных и 17% земледельческих губерниях. Демографическая ситуация обострила до предела проблему аграрного перенаселения. Численность сельского населения Европейской России выросла с 50,3 млн. человек в 1860 г. до 86,1 млн. человек в 1900 г. Среднедушевой крестьянский надел за 40 лет сократился с 4,8 дес. до 2,6 дес. К началу XX в. средняя величина земельного надела в Центральном Черноземье колебалась от 2,4 дес. в Воронежской до 1,7 дес. в Курской губерниях¹⁹⁰.

Темпы численного роста крестьянских дворов явно превосходили естественный прирост населения. В 12 уездах Воронежской губернии, согласно данным земской статистики, за 1875 – 1884 гг. разделилось 70404 семейства или 22,3%, а за следующее десятилетие с 1885 по 1895 г. – 105882 семейства или 33,5%¹⁹¹. К концу XIX в. данный процесс привел к уменьшению семейного состава дворов, переходу сельской семьи из рабочего союза в кровный.

Вполне закономерно, что первой «жертвой» модернизации в русской деревне стала патриархальная семья. Кризис патриархальной семьи, начавшийся в 1880–е гг., обострили такие факторы как образованность, степень занятости, состояние здоровья, употребление алкоголя. К концу 20-х гг. XX в. традиция крестьянского общежития в форме патриархальной семьи была утрачена.

Одна из причин семейных разделов проистекала из самого характера общинного землепользования. Периодические земельные переделы провоцировали процесс дробления крестьянских хозяйств. На эту закономерность обратили внимание специалисты из Земского отдела МВД, авторы аналитического доклада «Исторический очерк законодательства о семейных разделах (1861–1905 гг.)». В нем говорилось: «Наблюдается прямая зависимость: чем чаще переделы, тем сильнее семейные разделы. Это объясняется тем, что при переделах земля разверстывается и на неотделенных членов семьи. Считая эту землю своей, а не отцовскою, сыновья при первой же возможности стараются выделить ее в особое хозяйство, обыкновенно довольно слабое, т.к. у них нет достаточной рабочей силы и необходимого инвентаря»¹⁹². Анализ документа и подготовительных материалов к нему дает основание сделать вывод о достоверности данного вида источника. Стремление сыновей выйти из-под опеки отца

¹⁹⁰ Крестьянский строй. Сб. ст. Т. 1. СПб., 1904. С. 48, 49.

¹⁹¹ Риттих А.А. Указ. соч. С. 260; Щербина Ф.А. Семейные разделы у крестьян Воронежской губернии // Памятная книжка Воронежской губернии на 1897 г. Воронеж, 1897. С. 55.

¹⁹² РГИА. Ф. 1291. Оп. 50. Д. 32. Л. 56 об.

домохозяина было вполне закономерным. В жизнь вступало новое поколение крестьян, которое, в отличие от своих предшественников, не испытывало особого пиетета перед традиционными установлениями.

Другой весомой причиной семейных разделов являлся крестьянский быт. Так, в 1887 г. в Ежевской волости Глазовского уезда из 17 разделов причиной 12-ти были «междоусобные ссоры, начинающиеся большей частью в женском полу». В Песковской волости из 121 раздела 99 произошли «по вражде женщин». Очевидно, что варианты развития семейных разделов, инициатором которых выступал мужчина, попадали под категорию «обычных», происшедших в результате «неповиновения последних [детей] первым [родителям]», а «между дядьями и племянниками, братьями большей частью происходят от неприятностей при расчете и расходе общих денег»¹⁹³.

К распаду крестьянского двора вели семейные ссоры, неурядицы, дразги и т.п. «У нас все разделы от баб» – говорили старики в деревне¹⁹⁴. Сельские жители и сами прекрасно понимали все «минусы» составной семьи. Вот суждения крестьян по этому поводу: «Тесно жить молодым женам, да ведь три горшка в печь не влезут»; «Две–три снохи могли устроить из семейного очага крошечный ад»¹⁹⁵. По сообщению А. Петрова, в Больше-Избердеевской и Шехманской волостях Липецкого уезда Тамбовской губернии причинами семейных дележей являлись по преимуществу бабьи дразги, ссоры между братьями вследствие недобросовестного отношения некоторых членов семьи к труду, их пьянство и расточительство¹⁹⁶. К другим причинам семейных разделов следует отнести снохачество, появление мачехи или отчима, эгоизм старшего брата¹⁹⁷.

По поводу «женского» фактора семейных разделов дореволюционный исследователь С. Барыков проницательно отмечал: «Разумеется, дело не в "бабьих ссорах", а в том, что у женщин, благодаря их занятию домашним хозяйством, больше поводов для всякого рода недоразумений и столкновений. Женщина скорее замечает и интенсивней мужчин чувствует ту неравномерность в имущественном положении отдельных членов семьи, которая неизбежна при развитии отхожих промыслов и других "сторонних" заработков»¹⁹⁸.

¹⁹³ Ившина М.В. Некоторые аспекты гендерной коммуникации и этикета крестьянской семьи (вт. четв. XIX – нач. XX в.) // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 2. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. С. 74 (С. 72-81).

¹⁹⁴ Златовратский Н.Н. Деревенские будни (очерки крестьянской общины) // Письма из деревни: очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987. С. 283.

¹⁹⁵ Зарудный М.И. Законы и жизнь. Исследования крестьянских судов. СПб., 1874. С. 1, 18.

¹⁹⁶ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2037. Л. 2.

¹⁹⁷ Исаев А. Значение семейных разделов. По личным наблюдениям // Вестник Европы. 1883. Т. IV. С. 339.

¹⁹⁸ Барыков С. Крестьянская семья и «семейная собственность» в Архангельской губернии. Архангельск, 1912. С. 10.

И сельские власти и сами крестьяне единогласно утверждают, что громадное большинство семейных разделов происходит именно из-за женщин. За отходом мужчин, мужской власти во многих домах не остается, а молодая женщина не хочет подчиняться женской, более мелочной и деспотичной власти свекрови, которая к тому же не может поддерживать свою власть и влияние физической силой¹⁹⁹.

Можно утверждать, что процесс семейных разделов был обусловлен как следствием модернизации российского села, так и возросшей социальной мобильностью деревенских жителей, которая существенно изменила культурный облик крестьянской семьи.

Очевидно, что одной из функций крестьянской семьи было воспитание детей. Говорить о какой-то системе целенаправленного воспитания в крестьянской семье не приходится. Мудрость народной педагогики заключалась в том, что сельские дети росли в естественных условиях, окружающую среду познавали посредством эмпирического опыта, навыки обретали через подражание взрослым. Обыкновенно маленькие крестьянские дети большую часть дня проводили на улице с раннего утра до поздней ночи. Там они, как правило, бегали, играли, шалили, дрались и являлись домой только поесть или сообщить отцу или матери о том, что его такой-то побил²⁰⁰. Дети были предоставлены сами себе, вот почему им часто приходилось вступать в смертельный бой с гусями, петухами, баранами, кошками, поросятами и попадать под ноги крупных домашних животных²⁰¹.

Об отсутствии пригляда за маленькими детьми, в том числе и девочками, свидетельствуют многочисленные несчастные случаи с детьми в селе, отраженные в полицейских сводках. Приведем лишь некоторые из них за один год и по одному Моршанскому уезду Тамбовской губернии: «В сентябре 1904 г. в д. Сретенке Гагаринской волости задавлена лошадью, оставленная без присмотра девочка Наталья Ульянова, одного года»²⁰²; «14 июня 1904 г. в д. Петровке Александровской волости в лохани с помоями по недосмотру утонула крестьянская девочка Прасковья Чуфистова, 1 года 8 месяцев»²⁰³. В соседней Курской губернии в 1912 г.: «25 марта в д. Переверзевой Курского уезда лошадь ударила задними копытами дочь крестьянина Переверзеву Татьяну, 6 лет, которая вскоре

¹⁹⁹ Жбанков Д.Н. Бабыя сторона. Статистико-этнографический очерк. Кострома. Губ. Тип. 1891.С. 80-81.

²⁰⁰ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2029. Л. 13, 14.

²⁰¹ Там же.

²⁰² ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5639. Л. 497.

²⁰³ Там же. Д. 5638. Л. 195об.

умерла»²⁰⁴; «29 марта в Колоденской экономии графа Клейнмихеля дочь крестьянки Ольги Селивановой Людмила 2 лет, во время игры упала в котел с кипятком»²⁰⁵.

В летнюю пору много крестьянских детей тонуло в реке или ином местном водоеме. Сведения о несчастных случаях, произошедших в селах великорусских губерний, дают представления об остроте этой проблемы. Только за вторую половину мая 1901 г. в Воронежской губернии утонуло 17 мальчиков и 7 девочек²⁰⁶. В Курской губернии за июль 1912 г. была зафиксирована гибель 19 крестьянских детей, в течение месяца утонуло 12 мальчиков и 7 девочек²⁰⁷.

В своих играх сельские дети репродуцировали мир взрослых, воспроизводили их манеру поведения. Девочки в играх создавали подобие семейных отношений – стряпали пироги из глины и песка, играли в свадьбу, а зимой – в куклы. Мальчики гуляли отдельно от девочек. Они играли в городки, деревянные шары. Изображая верховых урядников, ездили верхом на палке²⁰⁸. Зимой строили снежные крепости и играли в «казаков-разбойников». Повседневные игры мальчиков и девочек не в меньшей мере, чем серьезная помощь взрослым, формировали стереотипы будущих жизненных ролей. Мальчишечьи игры выковывали мужские эмоции и волевые качества: выносливость, упорство, умение постоять за себя и друга. Игры девочек были ориентированы на женский, материнский труд²⁰⁹.

Дети в игре воспроизводили почти все жизненные ситуации. Они играли в свадьбу, прием гостей, в рождение младенца. Это приобщало их к традиции, закладывало моральные устои, вводило в обрядовую культуру. Изображая обряд, дети запоминали порядок его ведения, правильное использование вещей в том или ином ритуале. Передавая поведение взрослых в играх, чадо не всегда приобретало только положительные навыки, так например, крестьянин описывает игру в "хозяйку" 6-летней девочки: «Волосы на ней были всклокочены, лицо вымазано сажей, она бранилась у печи нехорошими словами, с остервенением передвигая горшки и наконец, схвативши чашку, со злостью поставила на стол и крикнула своим куклам: "Нате, пожрите!"»²¹⁰.

²⁰⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. Д. 34ч. 10. Л. 15об.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 99. Д. 1ч. 71л Г. Л. 43об-44об.

²⁰⁷ Там же. Оп. 121. Д. 34ч. 10. Л. 42об-44.

²⁰⁸ Быт великорусских крестьян-землепашцев ... С. 266.

²⁰⁹ См.: Пушкарева Н. Л. Гендерная асимметрия социализации ребенка в традиционной русской семье и перспективы ее ломки в условиях социальной модернизации // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVII I- XX вв. ... С. 77-78.

²¹⁰ Лихова Н.А. Жизненное пространство детей в крестьянской семье на рубеже XIX –XX вв. (на примере Ярославской губернии) // Ярославский педагогический вестник. 2011. №1. Том.1. (Гуманитарные науки). С. 327.

Первые 5–7 лет жизни ребенка обычно проходили под материнской опекой. В отчетах корреспондентов Этнографического бюро по этому вопросу содержится следующая информация: «Воспитание и уход за малолетними детьми всецело и исключительно лежит на матери»; «Как бабушки, так и няньки ухаживают за ребенком временно, главный же уход за ребенком всецело лежит на обязанности матери. Измученная, усталая, возвратясь с работы, она первым долгом бежит к ребенку и, забыв свою усталость, кормит грудью, очищает от грязи его, ухаживает за ним, даже ночью она часто не знает покоя, т.к. ребенок кладется спать на постель к матери»²¹¹.

Приобщение девочек к труду начиналось очень рано. Крестьяне считали, что «маленькое дело – лучше большого безделья», поэтому уже с четырехлетнего возраста дети начинали помогать взрослым в работах по дому, на дворе и огороде. Девочки, едва подрастая, становились няньками младших братьев и сестер, играли с малышами и укачивали их. В свободное время девочки помогали матери по хозяйству; ожидали из стада коров, гоняли телят, весной пасли гусят. Одной из обязанностей девочек-подростков была прополка огородных растений. Девочки в 5–7 лет часто помогали матери ткать, наматывая нитки на берестяные трубочки для челнока. К 7 годам девочка овладевала навыками прядения, и отец делал ей личную прялочку маленького размера. 6–8-летних девочек матери брали с собой на реку полоскать белье, в 7–9 лет учили шить и вышивать²¹².

По мере взросления сельской девушки усложнялись и трудовые операции, которые она выполняла по хозяйству. По утверждению сельских жителей: «С 9–11 лет дочь помогала матери жать в поле, для чего ей изготовливали маленький серп. В 12 лет маленькая мастерица могла изготовить себе наряд. А к 14–15 годам – завершению подросткового периода – девочка была уже способна готовить себе приданое».

В родительском доме на девочку смотрели как на временную гостью: «Дочка – чужая скотинка», «Дочь – чужое сокровище», «Дочь – работница для чужого поля, ключница для чужого отца, ларечница для чужой матери»²¹³. Поэтому вся добрачная жизнь девочки была подготовкой к замужеству, когда девочка должна будет стать женой, матерью, хозяйкой. При этом основным посредником в передаче "женских" знаний и умений в рамках семьи была мать.

²¹¹ Русские крестьяне ... СПб., 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 1. С. 341; Там же. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. С. 254.

²¹² Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. СПб., 2005. С. 171.

²¹³ Ивановская Т. Дети в пословицах и поговорках. // Вестник воспитания. 1908. № 2. С. 121.

Совершеннолетие девочки (16–18 лет) обозначалось тем, что она принималась в общество взрослых девушек и парней, участвовала во всех играх, хороводах и увеселениях²¹⁴. Переход в новую возрастную группу сопровождался символизацией девичьего совершеннолетия (прическа, одежда, украшения, стандарты поведения), подчеркиванием разными способами половых признаков и др. С 16 лет на девушек обращали больше внимания, начинали их звать полным именем, нередко присоединяя к нему и отчество, Машка становилась Машей или Марьей Петровной²¹⁵.

Если семья была многодетной, то старшие дети были обязаны присматривать за своими младшими братьями и сестрами. Заменяя няnek, они должны были забавлять малюток, качать их в люльке, кормить кашей, поить молоком и давать соску²¹⁶. Маленьких детей оставляли под присмотром старшей сестры, даже если ей было лет пять-шесть. Бывало, что она заиграется с подружками, а дитя оставалось без надзора. Поэтому нередко были в деревнях случаи смерти малолетних детей, когда «ребенка свинья съела, солома задавила, собака изуродовала»²¹⁷.

В большей мере присмотр за малыми детьми отсутствовал в бедняцких семьях. В отчете в Синод за 1913 г. из Орловской епархии сообщали: «Дети бедняков, брошенные часто без присмотра, гибнут в раннем детстве по этой причине. Особенно это замечается в семьях малоземельных крестьян. Здесь отец и мать, занятые целый день добыванием куска хлеба, весь день проводят вне дома, а дети предоставлены сами себе. Теперь не редкость, что в доме нет ни одного старого человека, под надзором коего можно было оставить детей. Как правило, маленькие дети остаются вместе с такими же малыми сестрами и братьями, поэтому без надлежащего присмотра они целый день голодные, холодные и в грязи»²¹⁸.

Особенности крестьянского труда и сельского быта находили свое отражение в отношениях родителей и детей. Родители чаще всего вели себя нарочито грубо, считая, что доброта и ласка по отношению к детям может им навредить и они "забалуют". В обращении с детьми, особенно не достигшими совершеннолетия, они почти всегда использовали приказной тон, и только малолетние могли рассчитывать на более мягкое обращение. Матери оказывали больше ласки детям, чем отцы²¹⁹. Детей крестьяне наказывали мало и редко. Секли детей в редких случаях, чаще

²¹⁴ Русские крестьяне. ... 2005. Т. 5. Вогодская губерния. Ч. 2. С. 365.

²¹⁵ Там же. 2005. Т. 3. Калужская губерния. С. 200.

²¹⁶ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1276. Л. 15.

²¹⁷ Там же. Д. 685. Л. 2.

²¹⁸ РГАИ. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2596. Л. 13.

²¹⁹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1128. Л. 2.

ограничивались угрозами. Если приходилось сечь, то это делал отец²²⁰. Прибегали и к другим видам наказания: высмеиванию, усовещиванию, лишению части одежды²²¹.

В деревне существовала своеобразная система общественного воспитания. Крестьянский обычай признавал допустимым вразумлять, а при необходимости наказывать чужих детей. Это, в первую очередь, касалось соседей, которые могли оперативно пресекать шалости малолетних сорванцов. Приведу типичный диалог соседок. «Тетка Арина, я седни (т.е. сегодня) твоего Ванютку крапивой отстегала, все огурцы у меня на огороде помял» – «И спасибо на этом. Вот ужо придет, так я ему еще прибавлю»²²².

Традиционно, с неодобрением относились крестьяне к обучению дочерей в школе. Они считали, что знания девочке ни к чему, «ее дело прясть». Преобладание в сельской школе мальчиков и низкий уровень грамотности женской части деревни являлись следствием стереотипов крестьянского сознания.

Низкий уровень грамотности женского населения объясняется взглядом крестьян на место женщины в жизни семьи. Образование для них считалось не только не обязательным, но и лишним. Земским анкетным исследованием было выяснено, что «если громадное большинство населения относится сочувственно к обучению мальчиков, что нельзя то же сказать относительно обучения девочек». Некоторые из корреспондентов заявляли, что «обучать девочек каждую не стоит». Типичным по смыслу были высказывания: «Для чего бабе быть грамотной, ведь у печи с кочергой ухватом много знания не требуется, а в солдаты баб не берут»²²³.

По сведениям из Костромской губернии: «На обучение девочек денег не тратят, и они учатся у грамотных братьев, отцов и различных грамотных старых дев и вдов. Эти простые женщины занимаются также чтением по покойникам и чтением писем и пр.»²²⁴

Таким образом, грамотность не являлась обязательной для женщин, удел девочек, будущих матерей – заниматься домом и семьей. Исключение составляли девушки из зажиточных семей, где имели возможность обойтись без домашних услуг обучающейся, но в семьях, занимающихся торговлей, грамотная девушка помогала отцу вести счета.

²²⁰ Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып. II. М., 1890. С. 56.

²²¹ Панферов А. Обычное право в укладе крестьянского двора (опыт исследования в Аркадакской волости, Балашовского уезда Саратовской губернии) // Революция права. 1927. № 2. С. 108.

²²² Тенишев В.В. Правосудие в крестьянском быту. Брянск, 1907. С. 35.

²²³ Пьянков С.А. Крестьянское хозяйство Пермской губернии в конце XIX – начале XX века: монография. Екатеринбург: РИО УрГУ РАН, 2014. С. 43.

²²⁴ Жбанков Д.Н. Бабыя сторона. ... С. 97.

Уровень грамотности русской крестьянки отражают статистические данные по Курской губернии. Так в Белгородском уезде этой губернии по материалам статистических исследований, проведенных в 1885 г., «грамотность среди крестьянского населения не превышала 5,5%, из которых 4% составляло взрослое население обоего пола, 1,5% учащиеся – мальчики и девочки. В возрасте до 10 лет грамотными были 2,5% мальчиков, это в 2,5 раза выше соответствующего показателя у девочек. В возрасте с 10 до 19 лет почти каждый второй крестьянский юноша был грамотным, у девушек только каждая десятая. Из 4% взрослого грамотного населения 7,6% приходилось на мужчин, 0,31% – на женщин»²²⁵.

В конце XIX в. наблюдается рост самосознания крестьян, которые стали понимать значимость образования, более активно отдавать детей в церковно-приходские школы. Многие крестьяне отмечают, что «не ходят в школу только дети самых нерадивых родителей». Крестьянин Гдовского уезда Петербургской губернии Григорий Богомоллов подчеркивал, что «полезно было бы ввести обязательное образование не только мальчиков, но и девочек, как будущих матерей и воспитательниц молодого поколения»²²⁶.

Перемены во взглядах русских крестьян на обучение своих детей в целом, и девочек в частности, были обусловлены ходом самой жизни, наглядно демонстрирующей преимущества образования. Обретение знаний стало одной из форм адаптации сельского населения в условиях модернизирующегося общества.

Трудовые обязанности

Важную роль в определении положения женщины в семье играл ее трудовой вклад в хозяйство: чем значительнее он был, тем больше ее уважали. Если в силу обстоятельств женщина частично или полностью теряла способность к труду, то это вело к изменению ее места в системе внутрисемейных отношений, вплоть до полной потери влияния.

Степень свободы в распоряжении своей деятельностью была различной в зависимости от выполняемой женщиной социальной роли и в большей степени была характерна для старших женщин – большух. Они, хотя и должны были подчиняться мужу, все же сами имели большую власть над другими членами семьи. Как правило, большуха являлась старшей среди работниц двора и ведала распределением всех работ по дому между другими женщинами, следила за их исполнением. В

²²⁵ Глотова В.В. Развитие образовательного уровня крестьянского населения Курской губернии во второй половине XIX в. // Научные ведомости БелГУ. 2007. № 8(39). Вып. 4. С. 76

²²⁶ Лихова Н.А. Указ. соч. С. 328.

случае смерти мужа и при отсутствии в доме взрослых мужчин большуха получала право распоряжаться всем семейным имуществом и даже земельным наделом, однако его женщина сохраняла до момента взросления сыновей и создания ими семей²²⁷.

Труд женщин применялся при выполнении различных сельскохозяйственных работ. Применяемый как вспомогательная сила в период пахоты и посевной, женский труд выходил на передний план в период жатвы. Именно женскими руками осуществлялись основные операции по сбору хлебов. В период страды без женского труда крестьянские хозяйства не смогли бы осуществить в краткие сроки большой объем работы по сбору урожая. Крестьянки жали серпами, изготавливали свясла, вязали снопы, складывали снопы в крестцы для просушки. Если по каким-то причинам в период жатвы женские руки были не востребованы в своем дворе, они использовались в качестве наемных в других хозяйствах.

Активно привлекался женский труд при обработке зерна. Крестьянки участвовали в молотьебе и веянии хлеба, как ручным способом, так и с применением машин. Использование техники облегчало женский труд, но обеспеченность ею в рассматриваемый период была еще низкой.

Среднестатистический показатель занятости крестьянок Центрального Черноземья в земледелии составлял 14% от их годового рабочего времени. Однако в зависимости от количества женских рабочих рук в хозяйстве и размера земельного надела, колебания этого показателя были значительными.

Крестьянский труд отличался высокой степенью интенсивности и не ограничивался только земледельческими работами. В 1907 г. журнал «Нужды деревни» (№ 21) обнародовал «трудоу крестьянский год в цифрах». Из приведенных данных следовало, что крестьянин затрачивал на ведение сельского хозяйства 25 – 40% трудового времени. В различные периоды резко менялись как количество рабочих дней, так и напряженность в течение дня. Так, средняя продолжительность рабочего дня составляла в феврале 2,8, апреле – 6,3, июне – 9,3 и октябре 2,1 часа²²⁸. По расчетам С. Г. Струмилина, осуществленным в начале 1920 –х гг. (вряд ли крестьянин стал работать меньше по сравнению с началом XX в.), производственный труд в крестьянской семье составлял около 2 тыс. часов на каждого трудоспособного человека в год²²⁹.

Сухие статистические цифры подтверждаются суждениями сторонних наблюдателей. Вот что пишет по этому вопросу князь Г. Е. Львов:

²²⁷ Лаухина Г.В. Женский труд в крестьянском хозяйстве Центрального Черноземья (60-е гг. XIX – начало XX века). Автореф. дисс. ... к.и.н. Тамбов, 2012. С. 14.

²²⁸ Данные по: Симуш П.И. Мир таинственный ... Размышление о крестьянстве. М., 1991. С. 174.

²²⁹ Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. М., 1957. С. 251.

«Я видел труд земледельца ... и впечатления юных лет и последующие в ближайшем соприкосновении с мужицкой работой и в личном участии в ней говорят одно: такой тяжелой работы, как у нас, нет нигде ... Работают не по 8 часов в день, а по 20, не днями, сутками ... И домашняя жизнь у печки, у двора, такая же, с теми же чертами. Бабы сидят ночь за прядевом и холстами, вздувают огонь печи к свету, к скотине выходят несколько раз за ночь ...»²³⁰.

Значительную часть времени в повседневном труде занимал уход за скотом, без которого не мыслила своего существования ни одна крестьянская семья. В русской деревне животноводство никогда не играло ведущей роли, но содержание домашнего скота на семейном подворье выступало неотъемлемой частью крестьянского хозяйства. В черноземной полосе стойловое содержание скота составляло 5 – 6 месяцев, что требовало от крестьянской семьи ежедневного труда по уходу за животными. Представление о количестве времени, затрачиваемого на уход за скотом, дает выдержка из отчета по Тамбовской губернии за 1916 г. «Зимний уход за скотом следующий: рано утром задается сено, затем в 9 часов утра – яровая солома, в 11 часов дня – свекла, жмых, отруби, в 5 дня опять свекла, жмых, отруби, вечером яровая солома. Водопой в 6 – 7 часов утра и вечером. Чистка хлева производится с 4 до 5 дня²³¹».

Велика была роль крестьянки в кустарном производстве. В тех местах, где имелись конопляники или посеvy льна, в ее обязанности входили уборка, вымочка, сушка и другие операции, необходимые для производства пеньки и сукна²³². С осени до самой весны бабы пряли сукно и холст. Этот процесс был долгим и трудоемким. Полгода порой уходило, чтобы приготовить холст. Коноплю надо было собрать и высушить, а затем вымочить в озере и снова высушить. Для выделения кострика ее толкли в специальных ступах, расчесывали, пряли нитки, выбеливали. В доме стояла мелкая удушливая пыль, сильно раздражающая дыхание²³³.

Всю зиму женщины в русских деревнях были заняты прядением льна, шерсти, конопли. В селах Павловского уезда Воронежской губернии в зимнюю пору женщины вязали шерстяные чулки, ткали кушаки, которые потом сбывали на ярмарках Войска Донского по цене от 80 копеек до 2 руб.²³⁴ Вплоть до начала XX в. крестьянская одежда в большинстве своем изготавливалась из домотканого сукна.

²³⁰ Цит. по: Беловинский Л.В. Изба и хоромы. Из истории русской повседневности. М., 2002. С. 21-22.

²³¹ Вебер К.К. Отчет по обследованию некоторых стад частновладельческих хозяйств Тамбовской губернии летом 1916 года. Тамбов, 1917. С. 117.

²³² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1088. Л. 12.

²³³ Мескина О.А. Указ. соч. С. 120.

²³⁴ АРЭМ. Оп. 2. Д. 451. Л. 3.

Нелегким был труд крестьянки. Помимо упомянутых полевых работ, на ее плечах лежали обязанности по уходу и содержанию скота, приготовлению пищи, уборке избы и стирке одежды. Каждая баба в селе должна была не только держать огород, но и по окончании уборки овощей произвести рубку капусты, выборку картофеля. Сельские женщины производили все необходимые для семьи заготовки на зиму: солили огурцы, квасили капусту, сушили грибы и пр. Хозяйка следила за тем, чтобы все домочадцы имели необходимую одежду, а в случае необходимости занималась ее починкой. В круг обязанностей женщины входило также приготовление пищи для всей семьи. Наиболее тяжелым днем у женщин была суббота. В этот день топили баню или мылись в печи, убирали помещение, стирали²³⁵.

Вот как современник описывает обычный день крестьянки. «Возьмем, например, один бабий зимний день в нашей черноземной полосе. Встает хозяйка очень рано в 4–5 часов утра, и при свете керосинового ночника начинает ткать или прясть – она обязана одеть семью своим домашним холстом. После нескольких часов работы в неловком сидячем положении, баба идет по воду, тащит в гору по два ведра на коромысле. Дома нужно что-нибудь состряпать на завтрак, нужно подоить коров, покормить маленьких детей, затем стряпанье обеда. Хорошо, если не надо печь хлеб, а то приходится замесить пуда два муки, размешать их как следует. Далеко не каждому под силу вымесить дежу с хлебным тестом. После обеда стирка белья на реке или в пруду. Нелегко вымыть и выстирать посконную рубаху, грязную до последней степени, выстирать без мыла. Да и прежде, чем полоскать белье на реке, его нужно выпарить в горячей печи, вставляя и вынимая рогачем чугуны – так до глубокой ночи. Вечером после заботы об ужине, кормежке детей и уборке скотины – баба снова садится прясть и ткать. На сон остается 3, максимум 4 часа»²³⁶.

Женский труд в домашней сфере был разнообразен. Основной домашней обязанностью крестьянок являлось приготовление пищи. В исследуемый период этот процесс был крайне трудоемким. С одной стороны, большинство употребляемых в пищу продуктов требовало дополнительной обработки (варки, жарки, квашения и т. д.). Крестьянки выпекали хлеб, рубили и солили овощи, готовили домашний творог, масло и т.д. С другой стороны, умение распорядиться подчас скудными семейными запасами, чтобы накормить семью, являлось жизненной необ-

²³⁵ Мухина З.З. Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России / М.: ИЭА РАН, 2012. С. 73.

²³⁶ Шингарев А.И. Положение женщины в крестьянской среде // Медицинская беседа. 1899. № 8. Апрель. С. 254-255.

ходимостью для большинства крестьянских хозяйств. Много времени отнимала растопка печи и ношение воды.

Женщины свободного времени почти не имели, только вечером, после дойки коров, они освобождались от домашних работ. В это время они выходили на час-полтора за ворота, усаживались на скамейках, «завалинках» или бревнах около домов, встречались с соседками, говорили о хозяйственных нуждах, наблюдали как гуляет и веселится молодежь. Зимой они ходили друг к другу «калякать» на посиделки²³⁷.

В селе существовало четкое разделение работ на «мужскую» и «женскую». Выполнять мужчине, даже мальчику, работу по дому считалось зазорным. Жители села в повседневной жизни старались придерживаться этих неписаных правил из-за боязни осуждения и насмешек со стороны односельчан. Нарушение этих правил допускалось для холостяков, вдовцов. Женщине подчас приходилось выполнять мужские работы в силу объективной необходимости. В случаях, если муж (сыновья) находился в отхожем промысле, был призван на действительную службу или мобилизован на войну, все хозяйственные работы были исполняемы женщиной.

Тем не менее, сфера женского труда в крестьянской семье не ограничивалась работами во дворе, производством тканей и одежды, приготовлением пищи, сбором ягод и грибов. Зачастую женщина выполняла и многие мужские работы. В первую очередь, это касалось крестьянок в малых семьях, где в конце пореформенного периода наметился отток мужчин на заработки в другие губернии.

В период развития рыночных отношений в России женский труд получил оценку в денежном эквиваленте и был востребован на рынке труда. Крестьянки нанимались для выполнения сельскохозяйственных работ, участвовали в кустарных промыслах, реже – уходили в города.

В работе Н.А. Скворцова «Война и мирные завоевания женщины», изданной спустя несколько месяцев после начала войны, указывалось, что Россия не знала еще такого небывалого применения женского труда. Из разных губерний шли сообщения о том, что удалось убрать урожай благодаря исключительной работоспособности русской женщины. «Ушедших на войну мужчин и парней с полным успехом заменили бабы и девки... В деревнях, главным образом, женщины взяли на себя труд оказания помощи семьям, которые, благодаря войне, остались без кормильца: таким семьям помогли убрать урожай девки из дворов одно-

²³⁷ Пивоварова Л.Н. На завалинках, в светелке или на бревнышках каких собирались посиделки молодых ... (на материалах южнорусских губерний второй половины XIX века // Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее: материалы Шестой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. Нальчик, 2013. Т. 2. С. 206.

сельчан. В настоящее время поступают сообщения, что и реализация урожая в нынешнем году производится женщиной... Старосты, сотские и другие чины деревенской администрации призваны, и пока были назначены выборы за ушедших исполняли все их административные обязанности женщины с полным знанием дела»²³⁸.

Таким образом, потеря мужских рабочих рук в деревнях вела к быстрой феминизации сельскохозяйственных работ. По сообщениям газет, «некоторые солдатки, не имеющие работников, сами пашут, сеют, косят и мечут сено в стога. Вся мужицкая работа исполняется ими»²³⁹. Эти женщины имели право голоса и на сходах, которые в период войны часто становились «бабьими сходами».

Изменения в сознании сельских тружениц выразились в росте их самооценки, приобретении прав в выборе супруга и распоряжении своим трудом. Женщины выступали за семейные разделы, которые вели к более демократичной форме семьи – малой. Но и в больших патриархальных семьях роль женщины постепенно возрастала.

Собственность в имуществе двора

Крестьянский двор заключал в себе разнообразное движимое и недвижимое имущество, которое в совокупности обеспечивало функционирование отдельного хозяйства. Семейно-имущественные отношения в среде крестьянства, прежде всего, были подчинены необходимости обеспечить функционирование двора как хозяйственной единицы, основы всего земледельческого труда, исполнение повинностей, воспроизводство хозяйства. Все виды имущества в правовом мышлении крестьян представлялись единым комплексом, обеспечивающим хозяйственную деятельность двора и существование семьи. Эта общность имущества определялась потребностью производства и поддерживалась юридическими обычно-правовыми нормами. Это одно из традиционно сохранявшихся положений обычного права²⁴⁰.

Нормы обычного права русской деревни рассматривали семейное имущество как единое целое, игнорируя имущественные права отдельной личности. Это следствие исторически сложившегося государственного подхода к крестьянской семье как тягловой единице, где неделимая семейная собственность являлась главным условием благосостояния хозяйства и его платежеспособности. Государство стремилось за-

²³⁸ См.: Скворцов Н.А. Война и мирные завоевания женщины. СПб., 1914. С. 7-8.

²³⁹ Meyer A.G. The Impact of World War I on Russian Women's Lives. P. 213; Покровская М.И. Нужда и общественная помощь // Женский вестник. 1915. № 3. С. 63.

²⁴⁰ Александров В. А. Обычное право крепостной деревни России XVIII – начало XIX в. М., 1984. С. 244.

крепить семейный надел и необходимый сельскохозяйственный инвентарь в потомственной собственности всего крестьянского двора, лишая при этом права собственности как самого домохозяина (большака), так и отдельных членов семьи.

Заведование общесемейным имуществом признавалось правом большака, который извлекал из него доход и производил расходы на нужды всей семьи. Существовавший обычай воспрещал домохозяину предпринимать важнейшие распорядительные действия, например отчуждение, без согласия всех взрослых членов семьи²⁴¹. Такое ограничение в праве распоряжения имуществом преследовало цель не допустить разорения крестьянского двора. В случае неплатежеспособности двора сельское общество ограничивало домохозяина в его действиях по распоряжению семейным имуществом²⁴². По утверждению юриста Ф. Ф. Барыкова, исследовавшего порядок наследования в русской деревне: «Крестьянское имущество есть общая принадлежность дома, семьи, находящаяся в заведовании домохозяина; отдельной личной собственности у членов семьи почти нет, и потому по смерти их наследство не открывается»²⁴³. Большак не имел права завещать имущество никому, кроме своих ближайших родственников. В противном случае такое завещание не утверждалось сельским сходом.

Определить собственность крестьянского двора (семьи) как общую было бы не совсем верно, т.к. ни один из ее членов не мог указать на свою долю в ней. Точнее было бы определить ее как собственность артельного типа ввиду того, что в нее были включены не только родственники, но и другие работники (приемыши, зять–примак), ставшие членами семьи. В своей записке (1905 г.) по вопросу волостного суда сенатор Н. А. Хвостов так определял природу собственности крестьянской семьи: «В крестьянском самосознании имущество двора всегда понималось как принадлежащее всей семье. Иначе быть не могло. Весь уклад крестьянских семей, все порядки семейной жизни основаны на трудовом начале. Если дети будут знать, что у них нет никаких прав на общее имущество двора, то ни один из них не станет отдавать свой заработок отцу. Крестьянская семья – это рабочая артель, связанная кровными узами, мальчик с малых лет начинает зарабатывать для дома»²⁴⁴.

Глава крестьянского двора зорко следил за тем, чтобы все денежные средства, получаемые членами семьи, шли в общую казну. С сыновей–отходников отец, отправляя их на заработки, брал обещание, что они

²⁴¹ Хауке О.А. Указ. соч. С. 196.

²⁴² Милоголова И.Н. О праве собственности в пореформенной крестьянской семье. 1861–1900 гг. // Вестник МГУ. 1995. № 1. С. 24, 26.

²⁴³ Барыков Ф.Ф. Обычаи наследования у государственных крестьян. СПб., 1862. С. 9.

²⁴⁴ ОР РГБ. Ф. 58/II. Карт. 12. Ед. хр. 5. Л. 10.

каждую полученную копейку будут отдавать домой. Если этого не происходило, и сын не посылал семье заработанных денег, то отец мог лишиться его доли наследства. В этом находил свое выражение принцип трудового участия каждого члена семьи в формировании артельной собственности крестьянского двора.

Крестьянки обладали достаточно широкими имущественными правами, что обеспечивалось их трудом в семье. В русской деревне существовала женская собственность, неприкосновенность которой закреплялась нормами обычного права. Женщины могли выступать в качестве владелиц и наследниц четвертных земель. Вдовы имели право распоряжаться семейной собственностью, земельным наделом и денежными средствами до взросления сыновей²⁴⁵.

Единственное, где мы можем говорить о собственности как таковой, в классическом ее понимании, это женская собственность. Знаток обычного права Е. Т. Соловьев на основе изучения народного быта вынес однозначное суждение: «Обычай относительно бабьего добра ясно указывает на то, что русская женщина есть самостоятельная имущественная единица»²⁴⁶. По крестьянской традиции собственностью бабы признавалось ее приданое. Оно в сельском быту рассматривалось как награждение члена семьи, вышедшего навсегда из ее состава. Содержание сундучка («коробьи») невест было схожим. Там находились платки, ситец, кружева, чулки. Приданое вкуче с «кладкой», т.е. вещами (реже деньгами), подаренными на свадьбе, считалось в деревне собственностью женщины и являлось для нее своеобразным страховым капиталом. Бывший земский начальник А. Новиков замечал: «Почему у бабы страсть собирать холсты и поневы? Деньги всякий муж при случае отнимет, т.е. выбьет кнутом или ремнем, а холстов в большинстве случаев не трогают»²⁴⁷.

На женскую собственность сельской традицией было наложено табу, она считалась неприкосновенной. «Даже в самые лютые периоды выбивания податей, когда в соседнем Ливенском уезде в начале 90-х годов полиция продавала хлеб из запасных магазинов, последних лошадей и коров, и даже где-то захватывала и продавала муку, данную от Красного Креста, то и там, при всей этой оргии, не слышно было, чтобы становые и урядники где-нибудь покусились на сундучки девочек–подростков» – отмечал в своих записках сенатор Н. А. Хвостов, владелец имения в Орловской губернии²⁴⁸.

²⁴⁵ Лаухина Г.В. Указ. соч. С. 14.

²⁴⁶ Соловьев Е.Т. Указ. соч. С. 284.

²⁴⁷ Новиков А. Записки земского начальника. СПб., 1899. С. 17.

²⁴⁸ ОР РГБ. Ф. 58/II. Карт. 12. Ед. хр. 5. Л. 10 об.

«Нажитая вне хозяйства», а в документах – «благоприобретенная» собственность женщины не могла входить в семейный раздел. Однако это не всегда учитывалось противной стороной. Так, крестьянская вдова Ирина Зорина в 1880 г. подала жалобу на своего деверя, который после смерти брата отказался выдать вдове те самые «нажитые вне хозяйства» вещи и часть ее приданого. Волостной суд постановил: «...сказанные вещи выдать вдове Зориной, чтобы жить в отделе от деверя ее Прохора Степанова Зотова»²⁴⁹.

Согласно деревенской традиции, снохе разрешалось иметь отдельное имущество. Оно могло состоять из скотины, двух–трех овец или телка, а также денег, собранных на свадьбе²⁵⁰. Это приданое не только обеспечивало ее необходимой одеждой, но и выступало источником, хотя небольшого, но дохода. Средства, полученные от продажи шерсти с овцы и приплода, шли на ее личные нужды. В некоторых местах, например, в селе Осинный Гай Кирсановского уезда Тамбовской губернии, многие жены имели даже свою недвижимую собственность – землю, от 3-х до 18-ти десятин, и самолично расходовали получаемый с нее доход²⁵¹. По крестьянскому обычаю, снохам отводили полосу для посева льна, конопля или выделяли пай из семейного запаса шерсти, конопляного волокна. Из этих материалов они изготавливали себе, мужу и детям одежду²⁵². Часть произведенного сукна могла быть продана. Домохозяин не имел права посягать на "бабьи заработки", т.е. средства, полученные от продажи грибов, ягод, яиц²⁵³. В деревне говорили: «У баб наших своя коммерция: первое – от коров, кроме того, что на стол подать, – остальное в их пользу, второе – ото льна: лен в их пользу»²⁵⁴. Заработок от поденной работы, произведенной в нерабочее время с согласия главы крестьянского двора, также оставался в распоряжении женщины. Сноха должна была самостоятельно удовлетворять все свои потребности и нужды своих детей. По существовавшей в русской деревне традиции, из общесемейных средств на сноху, кроме питания и снабжения ее верхней одеждой, не тратилось ни копейки. Все остальное она должна была приобретать сама²⁵⁵. Приданое, а также все нажитое женщиной в браке при семейном разделе не делилось²⁵⁶. По обычному праву при-

²⁴⁹ Ившина М.В. Некоторые аспекты гендерной коммуникации и этикета крестьянской семьи (вт. четв. XIX – нач. XX в.) // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 2. Ижевск, 2011. С. 74-75.

²⁵⁰ Всеволожский Е. Указ. соч. С. 3, 6.

²⁵¹ Бондаренко В. Очерки Кирсановского уезда Тамбовской губернии // Этнографическое обозрение. 1890. № 6-7. С. 41.

²⁵² Архив ИЭА РАН. К. 14 (Коллекция ОЛЕАЭ). Д. 45. Л. 2 об.

²⁵³ Тютрюмов И. Крестьянская семья (очерк обычного права) // Русская речь. 1879. Кн. 10. С. 311.

²⁵⁴ Матвеев С. Из жизни современного крестьянского мира (в волостных старшинах) // Русское богатство. 1913. № 9. С. 139.

²⁵⁵ Село Вирятино в прошлом и настоящем. М., 1958. С. 82.

²⁵⁶ Соловьев Е.Т. Указ. соч. С. 24.

даное, являясь отдельной собственностью женщины, после смерти переходило ее наследникам.

Имущественные споры если и возникали в крестьянской семье, то после смерти одного из супругов. Спор о праве собственности на имущество мужа или жены разрешался волостным судом следующим порядком: в случае смерти жены все ее девичье приданое возвращалось в пользу ее родителей, а что приобретено на деньги родителей жениха и на выданную кладку (как-то одежда и обувь) – возвращалось в пользу родителей жениха, так как могло быть использовано в качестве кладки для второй жены при повторной женитьбе. В случае же смерти мужа, кроме платья мужа от жены ничего не отбиралось, потому что купленное на деньги мужа имущество составляло плату «за потерю девичьей чести»²⁵⁷.

Имущественные права женщин, не способных возглавить крестьянское хозяйство (не вышедшие замуж дочери, сестры, тётки, бездетные или имевшие только дочерей снохи или невестки) были существенно ограничены. Они, по нормам обычного права, не получали доли в общем семейном имуществе. Если кто-либо из них желал выделиться и жить самостоятельно, то им предоставлялось минимальное имущество, размер которого зависел от семейных обстоятельств и заранее нигде не фиксировался. Бездетная вдова, чаще всего, не получала определённой части семейного имущества, следовавшей её мужу, а возвращалась в родительский дом. Семья мужа была обязана возратить ей только приданое, если она его с собой принесла²⁵⁸.

Общая семейная собственность – это основная особенность обычного права русских крестьян. Наследование выражалось в распределении общего имущества, а не в переходе права собственности²⁵⁹. По смерти домохозяина (большака) все имущество двора становилось общей собственностью его сыновей, если они остаются жить вместе – одним хозяйством или делилось ими поровну, если они расходились врозь²⁶⁰. Если один из братьев, живущий нераздельно с отцом, умер еще при жизни последнего, то при разделе племянникам выделялась часть, какая следовала бы умершему брату²⁶¹.

Традиционный порядок наследования имущества крестьянского двора приведен в ответах корреспондента Этнографического бюро В. П. Каве-

²⁵⁷ Русские крестьяне... 2006. Т. 4. Нижегородская губерния. С. 230.

²⁵⁸ Ворошилова С.В. Правовое положение женщин в России в XIX - начале XX вв.: автореф. дис. ... к.ю.н. Саратов, 2011. С. 51.

²⁵⁹ Леонтьев А.А. Волостной суд и юридические обычаи крестьян. СПб., 1895. С. 119.

²⁶⁰ Тихонов В.П. Материалы для изучения обычного права среди крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1891. Вып. III. С. 75.

²⁶¹ Башмаков А. А. Общие начала крестьянского права наследования // Журнал министерства юстиции. СПб., 1906. № 1. С. 110.

рина. Житель с. Костино-Отдельце Борисоглебского уезда Тамбовской губернии в 1900 г. сообщал: «Отцовский дом и все хозяйство по смерти отца достаются всем братьям поровну. Также не участвуют в наследстве замужние дочери, а также дочери-вдовы, хотя бы они после смерти мужей жили при отце»²⁶². По обычаю крестьян деревень Болховского уезда Орловской губернии, при распределении наследства хата доставалась младшему брату, а старший должен был выстроить новую избу. За уступку дома и усадьбы младший брат доплачивал старшему лишней постройкой, скотиной или деньгами²⁶³.

Нормы обычного права в порядке наследования имущества крестьянского двора принципиально различались в своем отношении к мужчине и женщине. Женщина вообще не рассматривалась как член двора, поскольку женщины «семьи продолжать не могут»²⁶⁴. Поэтому женщина не получала владельческих прав в отношении двора, пока в семье оставались мужчины. С другой стороны, некоторые предметы домашнего обихода, одежда, а также приданое считались сугубо женской частной собственностью и передавались от матери к дочери.

Отношение к вдовам варьировалось в разных областях: в одних вдовы становились главой двора и полностью наследовали все его имущество, в других — не получали вообще никаких имущественных прав. Наличие или отсутствие малолетних детей было главным фактором при определении вдовьих владельческих прав²⁶⁵. Так, по обычаю крестьян Тамбовской губернии, жена после смерти мужа при наличии детей являлась единственной наследницей всего имущества мужа, в том числе и усадьбы. Для признания ее в правах на такое наследство не требовалось письменных актов, жена просто владела имуществом после смерти супруга²⁶⁶. Вдова при совершеннолетних детях оставалась жить в доме, и дети были обязаны ее содержать. Если она желала жить отдельно, то ей должны были выстроить келью и давать отсыпное (т.е. кормить) до смерти²⁶⁷.

Дочери по смерти отца недвижимого имущества не получали. По наблюдению цивилиста А. Х. Гольмстена, «дочери наследуют лишь движимое имущество и делят его поровну»²⁶⁸. Устранение дочерей от наследования недвижимым имуществом двора, при наличии сыновей, отмечено большинством исследователей русской деревни. Дочери оставят семью по

²⁶² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2023. Л. 9.

²⁶³ Там же. Д. 1007. Л. 1.

²⁶⁴ Хауке О.А. Крестьянское земельное право. М., 1914. С. 209.

²⁶⁵ Мухин В. Указ. соч. С. 243-244.

²⁶⁶ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2023. Л. 11.

²⁶⁷ Чепурный К.Ф. Указ. соч. С. 32.

²⁶⁸ Гольмстен А.Х. Юридические исследования и статьи. СПб., 1894. С. 90.

выходу замуж, и поэтому они должны получить только такое имущество, которое не является органической частью хозяйства – приданое²⁶⁹.

Молодые незамужние дочери по общему правилу получали часть наследства по усмотрению братьев, жили с ними до замужества и получали от них приданое. В Борисоглебском уезде Тамбовской губернии встречался такой обычай в наследовании: если по смерти хозяина оставалась дочь – девица в возрасте невесты (16–20 лет), то она получала от братьев 1/10 часть движимого имущества. Если же она перешагнула этот возраст, то она получала в наследство значительно больше – 1/5–1/6 часть²⁷⁰. Старые девы («вековуши») за большой трудовой вклад получали от братьев небольшой дом и пропитание. При отсутствии у умершего домохозяина сыновей его имущество обыкновенно переходило к незамужним дочерям, включая даже надельную землю, если женщины могли справиться с хозяйством и уплачивать налоги²⁷¹. В 1916 г. жительница д. Марьинки крестьянка Булычева просила Казыванский волостной суд Тамбовского уезда признать ее наследницей движимого и недвижимого имущества умерших родителей. Она была единственной наследницей и вела хозяйство. Суд иск удовлетворил²⁷².

Рассмотренные нами нормы законодательства и обычного права говорят о том, что юридически имущественные интересы крестьянки были защищены и законом, и традицией. Административные и судебные дела, касающиеся имущественных споров, позволяют увидеть, что сельская женщина была готова решительно отстаивать собственные интересы в этой сфере. Развитие института малой семьи в конце XIX в., рост грамотности и информированности, повышение культурного уровня благодаря школе и развитию женского отходничества – все это повышало правовое самосознание крестьянки, укрепляло ее позиции в деле отстаивания своих интересов и законных прав. Тем не менее, при конфликте интересов в решении конкретной проблемы многое зависело от личности женщины, ее смелости, упорства и настойчивости²⁷³.

²⁶⁹ Леонтьев А. А. Указ. соч. С. 360.

²⁷⁰ Обычай в приговорах сельских сходов Тамбовской губернии // Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 год. Тамбов, 1903. С. 85.

²⁷¹ Миронов Б. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 73.

²⁷² ГАТО. Ф. 789. Оп. 2. Д. 2. Л. 3, 4.

²⁷³ Литвин Ю.В. Имущественные права карельской крестьянки во второй половине XIX - начале XX века: традиция, закон и правоприменительная практика (на материалах Олонецкой губернии) // Труды Карельского научного центра РАН. 2011. № 6. С. 133–138.

Часть 2. РОЛЬ КРЕСТЬЯНКИ В ОБЩИНЕ

Публичная активность

Общественный статус. Сельский мир, будучи по своей сути миром мужским, сформировал по отношению к женщине стереотипы, которые сам же и культивировал в повседневной жизни. Мужик воспринимал бабу как существо, низшее по положению, и поэтому она должна находиться у него в подчинении. В деревне считали, что женщину надлежало держать в строгости, пресекая присущие ей пороки, а при необходимости применять и силу для ее вразумления. Невысоко оценивали и умственные способности женщины. «У бабы волос долог, да ум короток», – говорили в селе. Женщине считалось предосудительным высказывать свое мнение при обсуждении мирских дел («не бабское это дело»). Прицалась женская склонность к многословию («язык, что помело»), пересудам и склокам. Вмешательство женщин в «мужские» дела вызывало раздражение. Нередко мужики тяготились присутствием женщин, а их уход воспринимался с облегчением. Может, в этих случаях они и произносили ту самую фразу: «Баба с воза – кобыле легче».

Все сказанное не означает, что в повседневном общении, вне посторонних глаз, мужчина не был ласков, внимателен и заботлив по отношению к супруге. Но высказывать нежные чувства к жене на людях, в русском селе считалось зазорным.

Традиционно женщины не несли ответственности перед общиной, не принимали участия в мирских сходах. Б. Н. Миронов так сформулировал один из принципов общинной жизни: «Женщины не имеют никаких денежных и натуральных обязательств перед общиной и государством, но зато не имеют и никаких прав, в частности не участвуют в общественном управлении и не имеют доли в общинной собственности и права на земельный надел»²⁷⁴.

Правом пользования общинной землей обладали только общинники-мужчины. Это было обусловлено тем, что большинство сельскохозяйственных работ требовало большой физической силы и не могло быть осуществлено без участия мужчины. Справедливым считался такой порядок, когда землей наделялся тот, кто может ее обработать. Также крестьянки не участвовали в сходах, на которых принимались самые важные решения²⁷⁵.

²⁷⁴Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 453.

²⁷⁵Лаухина Г.В. Поземельная община и женщина-крестьянка в 60-90-е годы XIX века (по материалам Центрального Черноземья) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена 2009. № 115. С. 81-84.

Однако сельские бабы не оставались безмолвными, если не прямо, то косвенно они могли донести свое мнение до сельского схода. Они делали это через своих мужчин. На сходе муж отстаивал позицию всей своей семьи (в том числе и женской ее половины) по тому или иному вопросу²⁷⁶.

По причине массового оттока из деревни мужчин на отхожие промыслы, что в большей мере было характерно для нечерноземных губерний страны, происходит постепенное "размывание" половой однородности сельского схода. К исходу XIX в. обычным явлением стало участие в работе сходов женщин – жен отсутствующих домохозяев: «отсутствующих домохозяев-крестьян нередко заменяют их жены. Против опроса бабы, заменяющей на сходе мужа, никаких протестов встречать не приходилось». А ведь еще в первые пореформенные десятилетия появление женщины на сходе было явлением исключительным – такое право иногда давалось специальным решением схода вдовам, возглавившим многодетные семьи после смерти главного кормильца²⁷⁷.

Степень участия женщин в общественных делах различалась в зависимости от местных традиций. В одних местах допускали женщину на сходы, и как самостоятельную хозяйку, и как представительницу мужа, в других она допускалась лишь как домохозяйка, в третьих местах женщину допускали по всем делам, в четвертых – по некоторым, а в пятых – вообще не допускали к участию в общественных делах. И само участие на сходе было различным. Где-то женщина имела право голоса на сходе наравне с мужчинами, в других местах обладала лишь совещательным голосом, а в третьих могла только отвечать на вопросы, которые ей при необходимости задавали²⁷⁸.

По сообщению информатора Этнографического бюро С. Гришина из с. Волконское Дмитровского уезда Орловской губернии (1898 г.), «На сельские сходы крестьян вызывают по распоряжению старосты: "гони на сходку". Все идут, нисколько не переодевшись, кто, в чем был. На сельских сходах участие женщин не допускается, исключение составляет отсутствие хозяина (заработки), тогда могут пригласить хозяйку и то если вопрос касается уплаты податей или отбывания повинностей»²⁷⁹. Характеризуя условия жизни жителей д. Саламакова Обоянского уезда Курской губернии (1899 г.), корреспондент тенишевской программы Рязанов так описывал созыв местного схода: «Созывают сход десятские,

²⁷⁶ Лаухина Г.В. Указ. соч. С. 83.

²⁷⁷ Вронский О.Г. Роль схода в системе крестьянского общественного управления пореформенной эпохи (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1. С. 60.

²⁷⁸ Дружинин Н.П. Очерки крестьянской общественной жизни. СПб., 1905. С. 16.

²⁷⁹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1092. Л. 1.

сотские по распоряжению старосты. Идя на сход, не надевают лучшей одежды, но все же одеваются почище. Меняют при этом только верхнюю одежду. Женщинам и посторонним лицам не запрещается присутствовать на сходах»²⁸⁰. В Елецком уезде Орловской губернии (1898 г.) отсутствующих домохозяев нередко заменяли их жены. Не встречалось протестов против участия в сходе вдов или девушек, самостоятельно ведущих хозяйство, а также опекунов малолетних²⁸¹. Следует отметить, что сельское население черноземных губерний в вопросе участия женщин в работе сельского схода было более консервативно, чем в районах, где отхожий промысел играл большую роль в хозяйственной жизни села. Негативное отношение к участию женщин в сельском сходе сохранялось в деревне и в первые годы советской власти. «К женщине относятся по старому. На сход не пускают, а если они приходят, то ругают их матерщиной и смеются над ними»²⁸².

Одним из критериев принадлежности крестьянина к поземельной общине было право семьи, интересы которой он представлял, на земельный надел. В 1880-е гг. в материалах земских статистических сборников по Тамбовской губернии упоминаются случаи, когда общинная земля выделялась вдовам. Так в д. Бурьяново Борисоглебского уезда «одной вдове, оставшейся после смерти мужа с малолетними сиротами, мир давал бесплатно по полдесятины в каждом поле. Теперь, когда дети подросли, мир потребовал с означенной вдовы уплаты на будущее время податей»²⁸³. Этот эпизод показывает, что традиция распределения наделов исключительно мужчинам, членам общины, претерпела изменение. Односельчане учитывали положение вдовьего хозяйства. Помимо сохранения за семьей, оставшейся без хозяина земельного надела, мир оказывал и другие действенные формы помощи с целью обеспечения ее платежеспособности. В д. Михайловское того же уезда вдовы выплачивали подати наравне со всеми, но при этом «миром производится запашка, посев и уборка хлеба», а в с. Туголуково «трем вдовам, по разрешению мира, выдается на пропитание хлеб из общественного магазина»²⁸⁴.

В исключительных случаях женщина могла стать главой двора и при живом муже. К такой мере в селе прибегали, если большак в силу тех или иных обстоятельств не мог обеспечить исправную уплату податей. Например, Колыбельский волостной суд удовлетворил жалобу крестьянки Настасьи Ельчаниновой на своего мужа, Никиту Ельчанинова. Она

²⁸⁰ Там же. Д. 677. Л. 5.

²⁸¹ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 120а. Л. 56.

²⁸² Росницкий Н. Лицо деревни. М.- Л., 1926. С. 112.

²⁸³ Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Борисоглебский уезд. Тамбов, 1880. С. 34.

²⁸⁴ Там же.

обвинила его в том, что он пьет, не выплачивает подати в срок. Суд решил «назначить к управлению в дому и распоряжению всем женою его с сыном...»²⁸⁵.

В конце XIX в. в российских селах учащаются случаи главенства в семье женщин. Так, в Ильинской волости Казанского уезда Казанской губернии женщинами возглавлялись около 8% хозяйств. В некоторых случаях, когда после смерти главы семьи – отца не оставалось жены умершего, а сыновья не могли по каким-либо обстоятельствам (по нетрудоспособности или из-за отсутствия и т.п.) возглавить хозяйство, все управление домом передавалось снохе²⁸⁶.

Одинокaя женщина (вдова, солдатка) могла самостоятельно вести семейное хозяйство, распоряжаться денежными суммами и другим имуществом, заключая сделки по своему усмотрению. Она имела право требовать для себя и своих детей долю при выделении из семьи мужа или при разделе хозяйства после смерти свёкра.

По мере эмансипации деревни права крестьянок постепенно расширялись. Среди них выделялась категория тех, которые самостоятельно арендовали землю, нанимали работников, вели хозяйство и получали прибыль, хотя правом обработки общинной земли обладали только общинники-мужчины и только они обладали правом участия в мирских сходах, где решались важнейшие вопросы.

В местности со значительными отхожими промыслами отсутствующих хозяев заменяли их жены, которые играли все большую роль в хозяйственной жизни села. Из Больше-Бадиловской волости Тульского уезда корреспондент информировал, что «значительное число взрослых членов общины живет в Петербурге в кучерах ..., так что в общине уже бабы пашут землю»²⁸⁷. «Если баба держит надел или мужей нет дома, то и баба выходит на сход»²⁸⁸, – писали из Торховской общины Тульского уезда. «Женщины за отсутствием мужей и вдовы допускаются на сходы на равных правах с мужчинами», – дополняли предыдущее сообщение их Старухинской общины Чернского уезда Тульской губернии²⁸⁹.

Исследователь Б. Н. Миронов отмечал, что к концу XIX в., с одной стороны, в крестьянской среде «снисходительное отношение к женщинам все еще преобладало», но с другой – «в целом можно говорить о

²⁸⁵ Лаухина Г.В. Указ. соч. С. 83.

²⁸⁶ Бусыгин Е.П. Русское население Среднего Поволжья: историко-этнографическое исследование (середина XIX – начало XX в.) Казань: Татар. кн. изд-во., 2013. С. 411.

²⁸⁷ Скрябин И.В. Крестьянская поземельная община «оскудевающего центра» России в контексте модернизационных процессов 2-й половины XIX – начала XX века (на примере Тульской губернии): монография. М., 2012. С. 56.

²⁸⁸ Там же.

²⁸⁹ Там же.

повышении роли женщин в общественной жизни, что само по себе являлось большой социальной новацией»²⁹⁰.

В силу объективных условий развития страны, обусловленных процессом модернизации, затронувшей все сферы жизни российского общества, положение женщины в сельской общине менялось. Возросшая социальная мобильность крестьянства «ломала» пределы деревенской околицы, существенно расширяя жизненное пространство сельских жителей. Развитие товарно-денежных отношений все активнее втягивало крестьянское хозяйство в действие рыночного механизма. Рынок диктовал как производственную стратегию крестьянских дворов, так и жизненные планы сельской семьи. Как не парадоксально, но сама консервативная часть села, крестьянские женщины, оказалась наиболее восприимчивы, а самое главное готовы к новым гендерным ролям, коренным переменам в традиционном укладе села.

Социальный протест. В контексте характеристики общественной жизни крестьянки следует сказать о таком феномене сельской действительности как "бабьи бунты". Во время острого социального конфликта безропотная, забитая, угнетенная баба в одночасье становилась в авангарде крестьянского протеста, придавая ему эмоциональный фон и решительность действий.

Положение крестьянских женщин вне, но около «мира» давало ей определенные преимущества, которыми они пользовались. В отдельные моменты именно сельская баба могла стать рупором общинных интересов. Основываясь на материалах, собранных сотрудниками этнографического бюро, В.В. Тенишев по этому поводу замечал: «Часто бывает открытое неповиновение властям со стороны женщин, да их редко привлекают к ответственности, "ибо баба глупа и не понимает, что делает". Более ловкие бабы зачастую злоупотребляют этим и дозволяют себе по отношению к властям то, что мужчине безнаказанно никогда не пройдет»²⁹¹.

Протестное движение крестьянок, получившее название "бабьи бунты", проявилось в рамках аграрного движения начала XX в. Всплеск общественной активности женской части российского села очевидно связан как с нарастанием социальных противоречий в российском обществе в целом, так и с изменением демографической ситуации в деревне по

²⁹⁰ Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 477.

²⁹¹ Тенишев В.В. Административное право русского крестьянина. СПб., 1908. С. 93.

причине мужского отхода и мобилизации крестьян на русско-японскую войну, делавшей женщину фигурой знаковой во всех отношениях.

Активное участие крестьянки приняли в аграрных беспорядках, охвативших черноземную деревню с 1905 г. «Эмансипе от революции», товарищ А. Коллонтай по этому поводу замечала: «... Забитая, веками угнетаемая "баба" неожиданно очутилась одним из неприменных действующих лиц разыгравшейся политической драмы ...»²⁹².

Выдвижение женщин на передовые позиции в противостоянии властей и общинников можно объяснить специфическими чертами социальной психологии крестьянства. Особенностью правового сознания крестьян являлась их твердая уверенность в неподсудности женщин за акты сопротивления властям²⁹³.

Особо острой была реакция селянок на мероприятия власти, осуществляемые ею в ходе столыпинской аграрной реформы. Неприятие женщин вызывали попытки выдела отрубов и землеустроительные работы. Так среди участников, "прогремевшего" на всю страну "волотовского дела" 1910 г., более половины были женщины.

В массовых выступлениях против землеустроительной политики государства крестьянки были все же на вторых ролях, они никогда не являлись лидерами, были не ведущими, а ведомыми. Во главе противодействия землеустроительным работам выступали старосты, уполномоченные от общества по выделам, авторитетные «старрики». И в начале столыпинской аграрной реформы, и на ее заключительном этапе за спинами крестьянок обнаруживались «подстрекатели» — мужчины-домохозяева.

С началом Первой мировой войны противодействие проведению землеустроительных работ приобрело большую степень ожесточенности. Уже 6 августа 1914 г. в с. Махровке, Борисоглебского уезда Тамбовской губернии во время сельского схода, где должны были избрать уполномоченных по выделу земли к одному месту, солдаты требовали остановить выдел, поскольку они без мужей «не могут найти своих законов». Крестьянин П. П. Медведев, названный тамбовским губернатором зачинщиком, убеждал «прогнать землемера и волостного старшину — отрубника, потому что "там (т.е. на фронте) кровь проливают, а они тут нашу землю режут". В результате тридцать солдаток напали на избу, в которой укрылся волостной старшина. Под воздействием этих событий отрубники на время отказались от выдела»²⁹⁴.

²⁹² Коллонтай А. Социальные основы женского вопроса. СПб., 1909. С. 27.

²⁹³ См.: Токарев Н.В. Столыпинское землеустройство в Тамбовской губернии: гендерные аспекты крестьянского противодействия // От мужских и женских к гендерным исследованиям: Мат-лы междунар. научн. конф. 20 апреля 2001 г. Тамбов, 2001. С. 83-88.

²⁹⁴ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8974. Л. 5, 6, 9.

В соседней Воронежской губернии «бабьи бунты» приобрели не меньший размах. Центром событий в августе 1914 г. стало с. Козловка Бобровского уезда, где из 2428 домохозяев укрепили земельные наделы около 500 домохозяев. Здесь 30 крестьянок 10 августа явились к землемеру Прышкову и потребовали прекратить нарезку земли до возвращения мужей с фронта. 11 августа они разбросали межевые столбы и числом около 200 душ собрались у волостного правления. Затем начали громить дома собственников, ломали печи, расхищали мебель, домашнюю утварь. Мужики их подбадривали: «Бейте, бабы, вам ничего не будет, ваши мужья на войне». Бабы кричали: «Пойдем в Воронеж, заберем ружья мужей и разгромим здесь все»²⁹⁵. В начале сентября 1914 г. недовольные разверсткой надельной земли крестьяне с. Копыл Борисоглебского уезда на сельском сходе оскорбляли и угрожали землемеру Лукьянову²⁹⁶. Наконец, в октябре 1914 г. на поле, где должны были отводиться земли для отрубников с. Челнаво-Покровского Козловского уезда, примерно 200 крестьян и солдаток не дали провести землеустроительные работы. Солдатки, взволнованные слухами, что выделы приведут к тому, что они лишатся земли, просили остановить работы до окончания войны, грозили «разорвать пополам» отрубников и землемера и сожгли имущество отрубников, находившееся на поле. В результате возобновление выделов последовало лишь через месяц, когда в село прибыли земский начальник и стражники²⁹⁷.

Осенью 1914 г. – весной 1915 г. в 7 селениях Козловского и Борисоглебского уездов прошла целая серия массовых волнений. Вооруженные дубинами и палками солдатки уничтожали межевые знаки, избивали отрубников, сжигали их имущество, нападали на землеустроителей и представителей сельской и волостной администрации, вступали в столкновение с полицией.

Таким образом, в первые же месяцы военных действий отношения между общинниками и противниками общины обострились. Сторонники правительственной аграрной политики пытались воспользоваться тем, что наиболее активная часть крестьян была призвана на военную службу, и решить спор о земле в свою пользу. Напротив, крестьяне общинники не смирились с попытками разрушения общины и в ряде случаев смогли добиться кратковременного успеха, прекратив землеустроительные работы ценой ареста своих лидеров. Наиболее активными участниками в борьбе с отрубниками показали себя жены и сестры, призванных в армию крестьян.

²⁹⁵ Тарадин И. Крестьянка в аграрном движении Воронежской губернии 1905-6 года. Воронеж, 1925. С. 26, 28.

²⁹⁶ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8974. Л. 5.

²⁹⁷ Там же. Д. 8977. Л. 1, 6, 10.

Весной следующего года столкновения общинников и отрубников возобновились. Так, 26 апреля 1915 г. в с. Чигорак Борисоглебского уезда толпа солдаток с палками во главе со старостой С. М. Зацепиным «воспрепятствовали прибывшему в село землемеру произвести работы по выделу отрубков»²⁹⁸. «Нам угрожает опасность...», — писал приставу 1-го стана Борисоглебского уезда землемер В. Лукьянов после того, как общинники с. Сергиевки Пичаевской волости на его глазах избили 2 мая 1915 г. своих односельцев, пытавшихся выйти на отруб. Солдатки кричали: «станем по колена в крови и всех перебьем, но землю делить не станем»²⁹⁹. Неспокойно было и в с. Малые Алабухи того же уезда. Там жены солдат требовали остановить работы по нарезке отрубных участков до возвращения мужей из армии»³⁰⁰. На сельском сходе крестьянки, показывая на своих грудных детей, восклицали: «Вот они несчастные!» Слышались крики солдаток: «Наши мужья на войне кровь проливают, а мы прольем ее здесь»³⁰¹.

Выдвижение женщин на передовые позиции в противостоянии властей и общинников можно объяснить специфическими чертами социальной психологии крестьянства. Особенностью правового сознания крестьян являлась их твердая уверенность в неподсудности женщин за акты сопротивления властям: «баба без ответа, с нее никто не взыщет»³⁰². Так, борисоглебская крестьянка М. В. Дунаева, участница волнений в мае – июне 1915 г., с убежденностью говорила: «...бабам дано право, и они хотя бы перебили все приезжающее в село Архангельское начальство и им никакой ответственности за это не будет и даже приезжай царь и его убьют и не будут виноваты», «а зачем черт носит начальство в Архангельское, ведь оно нам совсем не нужно, мы его побьем и нам ничего не будет, потому, что у нас дети, а начальство можно побить, потому, что приезжало отрезать землю с вином»³⁰³. Подобные настроения вообще были характерны для тамбовского крестьянства. В с. Чигорак Борисоглебского уезда во время массовых волнений против землеустройства общинники подбадривали односельчанок: «Солдатки, вы крепче держитесь, вам ничего не будет»³⁰⁴.

Весной 1915 г., именно «феминизированный» тип волнений распространился на всю империю. В связи с этим солдаты и казаки (в отличие

²⁹⁸ Там же. Д. 9204. Л. 24.

²⁹⁹ Там же. Д. 9205. Л. 2, 5, 14.

³⁰⁰ Там же. Д. 8978. Л. 31.

³⁰¹ То же. Л. 28, 37.

³⁰² РГИА. 1291. Оп. 120., 1910, Д. 97. Л. 103.

³⁰³ ГАТО. Оп. 4. Оп. 1. Д. 9221. Л. 2, 2об.

³⁰⁴ Там же. Д. 9204. Л. 21об.

от полиции) все реже решались применять оружие. Возрастало женское влияние на сельских сходах³⁰⁵.

В течение 1916 г. крупных столкновений между крестьянами и властями, которые закончились бы арестом общинников, в документах не зарегистрировано. Это объясняется, видимо тем, что власти стали крайне осторожны в проведении землеустройства, руководствуясь циркулярами главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина от 22 августа и 20 ноября 1914 г. и от 29 апреля 1915 г. «приостанавливать те землеустроительные работы, по которым не достигнуто полюбовного соглашения сторон, а применение установленного законом обязательного порядка могло бы вызвать неприязненные в среде населения отношения».

Землеустроительные комиссии предпочитали в спорных случаях приостанавливать работы до окончания войны. Показательным является решение Козловской уездной землеустроительной комиссии от 20 августа 1916 г. о приостановлении выдела к одному месту земель крестьян с. Березовки Челнавской волости Козловского уезда: «В настоящее время за отсутствием большого числа населения на войне могут произойти недоразумения с женами призванных»³⁰⁶.

Таким образом, масштаб крестьянского протеста стал одной из причин корректировки правительственных мер. Волна «бабьих бунтов», прокатившаяся по российским селам в начале Первой мировой войны, привела к фактическому свертыванию землеустроительных работ в ходе столыпинской аграрной реформы. Таким образом, «безмолвное большинство» было услышано.

Анализ общественной активности крестьянки в период Первой мировой войны приводит к мысли о том, что все эти «бабьи бунты» были инспирированы и направляемы общиной, которая стремилась «отыграть» утраченные позиции, а бабы, преимущественно солдатки, стали послушным орудием для достижения этой цели. Все это не исключает объективную заряженность на эти действия самих крестьянок.

Правовой статус крестьянки

Правовой статус крестьянки определялся как ее семейным положением, так и бытовавшими в русском селе нормами обычного права. В своей обыденной жизни деревенская баба могла не единожды вступать в различные правоотношения. С организацией волостного суда у крестьянки появилась законная основа для защиты своих интересов в судеб-

³⁰⁵ Булдаков В.П. Война, породившая революцию. М., 2015. С. 328.

³⁰⁶ ГАТО. Ф. 41. Оп. 10. Д. 6. Л. 32

ном порядке. Однако в ряде случаев традиции допускали в отношении крестьянки внесудебную расправу в форме насилия со стороны мужа или домашних, а также, применяемые обществом, позорящие наказания.

Материалы волостных судов дают исследователю возможность установить степень участия деревенской женщины в крестьянском судопроизводстве по гражданским и уголовным делам, а также оценить роль сельской юстиции в защите ее прав.

Анализ записей решений волостных судов позволил сделать вывод о том, что в 60-е годы XIX – начале XX вв. сельские жительницы имели достаточно широкие имущественные права. За ними признавалось право на владение и распоряжение личной собственностью и четвертными землями. Как показывают источники, владелицы четвертных земель имели в своем полном владении существенные по своему размеру земельные участки, что оказывало значительное влияние на ее положение в семье. Право на землю давало женщинам ощущение стабильности своего имущественного состояния и личной независимости.

Активное обращение в волостной суд крестьянок свидетельствовал, что они не только осознавали свои права, но и были готовы отстаивать свои интересы посредством судебного разбирательства. По данным, приведенным исследователем Г. В. Лаухиной, большая часть жалоб крестьянок, составлявшая 68,5% и 70,4% всех «женских» дел в Колыбельском и Крючковском судах Тамбовской губернии соответственно, затрагивала имущественные вопросы. В двух волостных судах Костромской губернии с 1861 по 1896 г. на 1562 дела приходится 263 дела, или 17% дел, где женщина выступала истцом или ответчиком, пострадавшей или обвиняемой стороной. В Холмовском суде той же губернии таких дел было не менее 300, что составляло не менее 25% всех дел³⁰⁷.

Волостной суд, как и сельская община, стоял на страже интересов хозяйствующей семьи, стремясь не допустить ее разорения, и, как следствие, утраты платежеспособности. Так, по жалобе Натальи Ельчаниновой на мужа Никиту, который пил и податей не выплачивал, Колыбельский волостной суд решил «назначить к управлению в доме и распоряжением всем женоу его с сыном...»³⁰⁸. Суд также мог ограничить право главы семейства распоряжаться имуществом двора с целью недопущения разорения хозяйства. В Митропольский волостной суд Тамбовского уезда той же губернии в 1913 г. поступила жалоба крестьянки с. Коровина на мужа Трухина. Она сообщала суду, что муж её своё имущество продал и

³⁰⁷ Покровский Ф. О семейном положении крестьянской женщины в одной из местностей Костромской губернии по данным волостного суда // Живая старина. 1896. Вып. III-IV. С. 459.

³⁰⁸ Лаухина Г. В. Поземельная община и женщина-крестьянка в 60-90-е гг. XIX века (по материалам Центрального Черноземья) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 115. С. 83.

деньги пропил. Суд постановил наложить арест на имущество крестьянина и запретить растраты³⁰⁹. Потеря домохозяином дееспособности также являлась основанием для передачи его полномочий другому члену семьи. В 1914 г. Пичаевский волостной суд Тамбовской губернии своим решением признал крестьянку Анну Шорину полной хозяйкой. В заявлении истица указывала, что ее муж потерял рассудок и находится на излечении в психиатрической больнице³¹⁰.

Таким образом, в случае пьянства и расточительства домохозяина, волостной суд по жалобе жены мог лишить мужа «большины» и передать право на семейное имущество супруге. Однако следует отметить, что иски по таким делам волостной суд удовлетворял не всегда, даже при наличии на то веских оснований. В качестве примера приведем дело о признании крестьянина с. Кутли Пичаевской волости Андрияна Ефремовича Перевязкина расточителем имущества, рассмотренного волостным судом в 1914 г. Из прошения супруги Авдотьи Семеновны Перевязкиной явствует, что она имеет сына, 16 лет и дочь, 13 лет. Муж ее, 75 лет, человек больной и ведет нетрезвую жизнь. В настоящее время хочет укрепить в собственность полевой надел и усадебную землю с целью продажи. Средств на содержание детей у нее нет³¹¹.

На суде, на который ответчик не явился, Авдотья Перевязкина, заявила, что муж ее пьет водку. Это подтвердил свидетель, Александр Иванович Федотов, пояснив, что водку тот пьет не всегда, а когда есть деньги. В иске суд отказал, мотивируя тем, что «ответчик водку пьет не всегда, а когда есть деньги и поэтому расточить имущество не может»³¹².

Волостные суды, руководствуясь нормами обычного права, стояли на защите женской собственности. В качестве примера приведу запись из книги решений Ильинского волостного суда Орловской губернии. «1896 г. апреля 5 Ильинский волостной суд в составе председателя Алексея Волосатова, судей: Карпа Котлярова, Дмитрия Афонина и Петра Гусева, разобрал уголовное дело по жалобе крестьянина села Ильинского Савелия Мишакина на невестку свою Дарью Мишакину об уводе самоуправно овцы, стоящей 5 рублей и уноса иконы, стоящей 3 рубля. Просил взыскать с ответчицы за икону 3 рубля и 3 рубля за прокорм овцы в одну зиму. Ответчица объяснила, что проработала все лето у свекра, а осенью прошлого года он выгнал ее со двора, не давший никакого пропитания. Она взяла свою приданку (овцу) и благословение (икону). Суд

³⁰⁹ ГАТО. Ф. 790. Оп. 1. Д. 1. Л. 2, 2 об., 3.

³¹⁰ Там же. Ф. 232. Оп. 1. Д. 111. Л. 5.

³¹¹ Там же. Д. 114. Л. 1.

³¹² Там же. Л. 7-7об.

предложил примирение, но стороны отказались. Постановил: истцу в иске отказать, т.к. Дарья Мишакина взяла овцу и икону не Савелия Мишакина, а как свою собственность»³¹³. Волостной суд практически всегда удовлетворял иски о возврате приданого жен, после их смерти, родителям, что подтверждает особый правовой статус привнесенного имущества³¹⁴.

Споры между свекровью и овдовевшей снохой по поводу дележа собственности состояли в списке самых распространенных дел, которые разбирали волостные и уездные суды. Уходящая из семьи сноха «норовила унести сверх того, что ей полагалось по обычаю», чему, конечно, сопротивлялась свекровь³¹⁵.

В одном из прошений, адресованных в Слободской уездный съезд мировых посредников Вятской губернии, крестьянка Анна Кудрявцева обвиняет свою сноху Екатерину в том, что после смерти мужа своего Петра та пытается захватить его имущество. Анна отказывает снохе «по тому общему праву», что муж ее умер еще до раздела, а сама она вышла замуж. Действительно, в случаях, когда имущество супругами (мужем) наживалось еще в рамках неразделенной семьи, и муж умирал до раздела, право наследования его имущества вдовой, вышедшей замуж, становилось проблематичным, вплоть до исключения ее из состава наследников³¹⁶.

При семейных конфликтах нередко возникали случаи мелодраматического и криминального характера, когда сноха, выделявшаяся из семьи мужа после его смерти, в жалобах на свекра (или деверя) основной упор делала на всяческие «обиды и притеснения», чинимые последним. В таком положении оказалась Евдокия Никулина, вынужденная в своем прошении «отклонить от себя свой женский стыд и сказать суду сущую правду, которую суд должен хранить как ту тайну, о которой говорится в Апостоле при бракосочетании двух супругов "Тайна сия велика есть"». По рассказу жалобщицы, при жизни мужа, прикованного к кровати, «свекор мой не давал мне выйти на двор не только для уборки скота, но даже для естественной нужды, везде ловил, хватал, склонял меня к блюду с ним, говоря, что он меня наградит чем-то, чему, конечно, я свидетелей представить не могу, да и при таких делах свидетелей не бывает, но я, не желая менять свой супружеский венец на столь гнусный поступок, все меры принимала избегать даже встречи свекра, а когда

³¹³ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1074. Л. 5–6.

³¹⁴ Русские крестьяне ... 2008. Т. 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. С. 102.

³¹⁵ Ившина М.В. Некоторые аспекты гендерной коммуникации и этикета крестьянской семьи (вт. четв. XIX – нач. XX в.) // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 2. , Ижевск, 2011. С. 76.

³¹⁶ Там же.

муж мой помер, мне окончательно житья не стало <...>, почему я и нашла за лучшее удалиться на жительство к отцу своему». Факт сексуальных домогательств сыграл не последнюю роль при разрешении конфликта: Евдокии выделили часть имущества мужа Абрама Никулина³¹⁷.

Анализ участия сельской женщины в волостном судопроизводстве в гражданских делах, преимущественно связанных с конфликтом в области имущественных отношений, дает основание утверждать, что права на личную собственность крестьянки были защищены от посягательства на нее со стороны главы крестьянского двора.

Как говорилось выше, крестьянка часто становилась жертвой насилия со стороны мужа. Поэтому особенно интересно выяснить, как часто женщины прибегали к судебной защите, чтобы унять семейного изверга, и как суды, состоящие из мужиков, реагировали на такие обращения.

Следует сразу признать, что семейные побои не часто становились предметом разбирательства в волостных судах. По сведениям, собранным О. Покровским, изучавшим приговоры волостных судов Костромской губернии, «при сильном распространении в данной местности семейных побоев за 35 лет только две женщины нашли в себе смелость пожаловаться на своеобразные проявления супружеской ласки. В 1873 г. получил за это 5 розог крестьянин д. Малая Куданова Гаврило Андреев. В 1894 г. крестьянин д. Жукова Никанор Сарычев был арестован на 7 дней. В Холмовском волостном суде за это время было подано 9 подобных исков³¹⁸.

На основе изученных материалов волостных судов за 1860–70-е гг., современный исследователь Л.И. Земцов утверждает, что «крестьянки активно пытались найти защиту в волостном суде», и «абсолютное большинство проступков по отношению к женщине волостным судом наказано»³¹⁹.

Волостные суды, в отличие от общинных судов, не оставались безучастными к искам потерпевших женщин. Так, Горельский волостной суд 5 марта 1872 г. рассматривал жалобу крестьянки. В ней говорилось о том, что ее муж Сергей Антонов Бетин ни за что избил ее, изорвал на ней рубаху и юбку и вырвал много волос. А затем, связав ей руки, водил

³¹⁷ Ившина М.В. Указ. соч. С. 77.

³¹⁸ Русские крестьяне ... 2008. Т. 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. С. 462.

³¹⁹ Земцов Л.И. Крестьянки в волостном суде // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII – XX вв. Мат-лы. междунар. конф. Тамбов, 2002. С. 328.

по селу. Суд приговорил виновного к аресту на 7 дней³²⁰. Иногда инициатором обращения в волостной суд с жалобой на жестокое обращение с женой выступали должностные лица села. П. Березанский в своем исследовании обычного права крестьян Тамбовской губернии приводил в качестве примера решение Стрельниковского волостного суда. В этом суде слушали жалобу сельского старосты на крестьянина Ф., который часто бил свою жену до полусмерти. Суд определил наказать семейного дебошира 20 ударами розгами и объявил ему, чтобы тот оставил все свои дурные поступки и жил в своем семействе смиренно³²¹.

По мере роста крестьянского самосознания в целом и эмансипации сельских женщин в частности, к концу XIX века в волостных судах заметно увеличилось число дел о семейных побоях. В ряде случаев суды вставали на защиту чести и достоинства женщины и наказывали семейных деспотов. Правовед А. Х. Гольмстен приводил примеры, когда волостные суды за нанесение побоев женам приговаривали их мужей к наказанию розгами от 10 до 20 ударов³²². Решительная позиция волостных судов в отношении семейного насилия находила свое подтверждение в содержании их решений. Так, крестьянин с. Воейкова Тимофей Иванов по жалобе его супруги, что тот «всегда в пьяном виде бьет ее без пощады», решением волостного суда был подвергнут двадцати ударам розгами³²³. Иногда такие обращения заканчивались миром да наставлением: жене велют мужа слушаться, а мужу – жену не тиранить³²⁴.

Правда, иногда, решение волостного суда было совсем неожиданным для истицы. Так, Шаловский волостной суд Богородского уезда Московской губернии приговорил крестьянку к двум суткам ареста, за то, что она позволила себе драться с мужем, хотя он то ее бил³²⁵.

Чтобы не допустить повторения рукоприкладства, с мужей - дебоширов бралась подписка в том, что они будут обращаться с женой и родными должным образом³²⁶. Такие подписки носили предупредительный характер, и к наказанию виновных суды не прибегали³²⁷. Вот содержание одного из таких обязательств: «Я, нижеподписавшийся, Г., в присутствии волостного суда, обязуюсь впредь родную сестру свою не обижать и не причинять ей каких либо побоев и дерзостей, в противном

³²⁰ Березанский П. Указ. соч. С. 217.

³²¹ Там же. С. 218.

³²² Гольмстен А.Х. Указ. соч. С. 87.

³²³ Земцов Л.И. Волостной суд. С. 110–111. Док. № 104.

³²⁴ Чернов И.Д. Об обычном семейном и наследственном праве крестьян // Труды Киевского юридического общества. Киев. 1883. С. 267.

³²⁵ Кандинский В. О наказаниях по решению волостных судов Московской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования и пр.). Вып. 1. М., 1889. С. 41.

³²⁶ Пахман С.В. Указ. соч. С. 68.

³²⁷ Скоробогатый П. Очерки крестьянского суда. М., 1882. С. 42.

случае волостной суд волен меня, Г., наказать розгами по своему усмотрению»³²⁸. Развитие правовой культуры села проявлялось в том, что волостные суды видели свою задачу не только в наказании виновного, но и в профилактике преступлений.

Следует признать, что обращения крестьянок в суд с жалобами на жестокое обращение с ними мужей были все-таки явлением редким. Не всегда просительницы достигали желаемой цели. Состоящие из мужчин-мужей волостные суды порой становились на сторону обвиняемого, опасаясь своим решением поколебать авторитет и власть мужа над женой, дать «бабам повадки». Да и действенность расписок с обязательством должного обращения с супругой вызывала у современников сомнение. Один из сельских информаторов по этому поводу сообщал в Этнографическое бюро, что «подписки для мужа не имеют никакого значения, а жене скорее вредят, так как озлобляют мужа, наказанного по жалобе жены, заставляют его обращаться с ней хуже прежнего»³²⁹.

Жалобы в волостной суд мужей на неповиновение своих жен были нечасты. Но если они возникали, то суд обыкновенно внушал женам необходимость послушания, указывая, что они должны «жить в полном повиновении и послушании». «За непослушание» мужьям жены, по приговорам волостных судов, подвергались наказанию арестом, общественными работами и даже розгами³³⁰. Родители не имели право давать приют своей дочери, если она самовольно ушла от мужа. В противном случае они приговаривались волостным судом к наказанию арестом и обязывались немедленно возвратит бежавшую в дом мужа³³¹. Подобные жалобы мужей в волостной суд все же были исключением, обыкновенно мужья решали такие проблемы посредством семейной расправы.

В случае, если совместное проживание супругов было невозможно, и муж выгонял жену из дома, то суд назначал ей денежное содержание. Так, Нижеслободский волостной суд Олонецкой губернии своим решением за 1882 г. обязал мужа выдавать жене ежемесячно по 3 руб. на содержание ее и ребенка³³². Интерес представляет решение того же суда за 1888 г. по жалобе жены на мужа о побоях и изгнании ее из дома. В приговоре было записано, так как муж и на суде объявил, что жить совместно с женой не станет, то взыскать с него на прокормление жены по 3 руб. 50 коп. в месяц содержания и отобрать от него женину корову, на про-

³²⁸ Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 3. С. 82

³²⁹ Лозовский Н. Личные отношения супругов по русскому обычному праву // Юридический вестник. 1883. № 6-7. С. 368.

³³⁰ Лозовский Н. Указ. соч. С. 383.

³³¹ Чернов И.Д. Указ. соч. С. 267.

³³² Русские крестьяне ... 2008. Т. 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. С. 102.

корм коей представляется ей право брать у мужа потребное количество сена и соломы. Далее значится отметка следующего содержания: «по несостоятельности моего мужа, Афанасия Разумова, к платежу по сему решению денег, я изъявила желание получить урожай нынешнего года и на будущее время пользоваться наделом земли на душу мужа, о чем составлен приговор схода 21 августа»³³³. В начале XX в. описываемый обычай сохранялся. Так, Матчерский волостной суд Моршанского уезда Тамбовской губернии в 1915 г. постановил выделить крестьянке при разводе с мужем на содержание ребенка на одну душу надельной земли, одну корову, на одну душу купчей земли и зерна³³⁴.

Отношения в крестьянской семье были далеки от идиллии, а ругань и брань между родными были делом обычным. В делах об оскорблении между родителями и детьми судьи всегда становились на сторону родителей. Волостной суд строго карал тех, кто, нарушив сыновний долг послушания, позволял себе оскорблять, или хуже того бить родителей. Так, Воейковский волостной суд Данковского уезда Рязанской губернии 12 ноября 1872 г. слушал словесную жалобу крестьянки сельца Богословки Матрены Спиридоновой. Истица показала, что ее сын, Михаил Кузьмин «ругал ее скверноматерными словами ... начал ее бить, разбил во многих местах до крови». Судьи постановили: за оскорбление матери подвергнуть Кузьмина наказанию розгами к 20 ударам³³⁵. Это было максимальное количество ударов, которое мог назначить волостной суд.

Строго волостной суд наказывал побои и оскорбления по отношению к ближайшим родственникам: братьям и сестрам. Так, Воейковский волостной суд в мае 1869 г. вынес решение о взыскании с крестьянки с. Богдановки Пелагеи Степановой штрафа в три рубля серебром за побои и называние б...ю своей сестры Авдотьи³³⁶. С крестьянина Семена Иванова, который «прибил пришвом от стана» своего родного брата Сергея, суд взыскал в пользу потерпевшего три рубля³³⁷. Волостной суд наказывал и за рукоприкладство со стороны родственников по свойству. В той же волости крестьянин д. Новой Иван Дмитриев был подвергнут аресту на двое суток за постоянные побои свояченицы³³⁸. По жалобе крестьянки Любви Алексеевой на сноху Федосью Кондратьеву, что та нанесла ей побои кулаками по лицу и по рукам била рогачем, волостной суд 14 сентября 1875 г. принял решение «за нанесение обиды свекрови под-

³³³ Там же. С. 104–105.

³³⁴ ГАТО. Ф. 261. Оп. 1. Д. 24. Л. 8, 12, 29.

³³⁵ Земцов Л.И. Волостной суд в России ... С. 224.

³³⁶ Там же. С. 105. Док. № 89.

³³⁷ Там же. С. 118–119. Док. № 125.

³³⁸ Там же. С. 115. Док. № 116.

вергнуть Кондратьеву трехдневному аресту при волостном правлении и взыскать с нее в пользу судей 75 коп.»³³⁹.

По утверждению современного историка, исследователя обычного права Л. И. Земцова, «крестьянский волостной суд последовательно и целенаправленно осуждает бьющих (не только мужа, тестя, деверя, но и свекровь, и золовку) и защищает крестьянку³⁴⁰. Если невестка подвергалась притеснению в нераздельной семье, то наказание волостной суд мог распространить и на большака и большуху. Примером может служить дело, рассмотренное 12 апреля 1871 г. Воейковским волостным судом по жалобе крестьянина с. Сухой Рожни Ефима Ермилова. Заявитель осенью 1870 г. выдал дочь свою Екатерину в замужество в дом крестьянина Ивана Ильина за сына его Антона, который без всякой причины гонит ее со двора. Суд приговорил Ивана Ильина к 10 ударам розгами, жену его к аресту на шесть дней, а сына их Антона к двадцати ударам розгами³⁴¹.

С введением волостных судов у сельских жителей, особенно у крестьянок, ставших жертвами насилия, появилась возможность защитить свою честь и достоинство посредством обращения в суд. Как правило, суд вставал на защиту потерпевшего, и обиженный мог получить денежную компенсацию. Так, за нанесение побоев солдатке Аграфене Конопкиной крестьянином Ф., тот был оштрафован волостным судом на 5 рублей³⁴². Нередко наряду со штрафом к виновному применяли и телесные наказания. В 1891 г. волостной суд рассмотрел дело о бесчестии крестьянской девицы Елены Новиковой. Суд признал крестьянина Петра Васильева, жителя д. Решетовка Рождественской волости Козловского уезда, виновным в оскорблении и нанесении побоев Новиковой. Он взыскал с него 3 рубля в пользу потерпевшей и за драку подверг его телесному наказанию розгами в 19 ударов. Жалоба Васильева на приговор волостного суда в Борисоглебское уездное по крестьянским делам присутствие была оставлена без удовлетворения³⁴³.

Почти во всех решениях волостных судов по делам о побоях женщин наблюдалась одна особенность: оскорбление замужней женщины каралось сильнее, нежели вдовы или девицы. За побои замужней женщины обидчик наказывался или 15–20 ударами розог, или штрафом в 5–10 рублей, тогда как за побои девушки или вдовы карали штрафом от 60

³³⁹ Там же. С. 374. Док. № 520.

³⁴⁰ Земцов Л. И. Крестьянский самосуд. С. 142.

³⁴¹ Он же. Волостной суд в России в 60-х – первой половине 70-х годов XIX века (по материалам Центрального Черноземья). С. 163. Док. № 224.

³⁴² ГАТО. Ф. 334. Оп. 1. Д. 1. Л. 26.

³⁴³ Там же. Ф. 26. Оп. 2. Д. 704. Л. 2, 2 об.

копеек до 2 рублей или подвергали трехдневному аресту³⁴⁴. Таким образом, за одно и то же преступление волостной суд определял разную меру ответственности, т.к. общественный статус замужней женщины был выше, чем у незамужних девиц и вдов.

Рост самосознания сельской женщины находил свое проявление в том, что крестьянка стремилась защитить в суде не только свою женскую честь, но и человеческое достоинство. Крестьянки, оскорбленные напрасным наветом, для защиты чести и достоинства обращались в волостной суд, прося поступить с обидчиком «по закону». Словесные обиды волостной суд рассматривал наравне с обидами действием³⁴⁵. В деревне считали, что оскорбления, высказанные публично, подрывают репутацию, бросают тень на доброе имя и приравнивали их к клевете и доносам. Поэтому в случае недоказанности обвинения обидчик строго наказывался³⁴⁶.

В делах об оскорблениях словами волостной суд приговаривал виновного к штрафу в пользу потерпевшего. Если это правонарушение было совершено прилюдно, а нарушитель был пьян, то и к телесному наказанию. В книге записей решения Перкинский волостной суд Моршанского уезда Тамбовской губернии содержится прошение крестьянки с. Черкина Агафьи Немытшевой об оскорблении ее Антоном Кудрявцевым на улице словами как-то «воровкою» и «б...ю». Суд приговорил взыскать с обидчика штраф в размере 1 руб. 50 коп., а за пьянство наказывать розгами – 5 ударов³⁴⁷.

Духовная жизнь селянки

Православие – не просто составная часть культуры русского народа. Влияние его на жизнь народа было воистину всеобъемлющим. Семейно-брачные отношения, этические нормы поведения, формы проведения досуга, различные виды взаимопомощи формировались и приобрели присущие им черты под воздействием православия³⁴⁸. В XIX в., как и в предыдущие столетия, крестьяне четко осознавали свою принадлежность к православной вере. Это выражалось в общепринятом обращении на сельских сходах – «Православные!».

Православные традиции были органически вплетены в канву повседневной крестьянской жизни. Вера Христова зримо и незримо сопрово-

³⁴⁴ Красноперов И.М. Крестьянские женщины перед волостным судом // Сборник правоведения и общественных знаний. СПб., 1893. Т. 1. С. 273.

³⁴⁵ Белогриц-Котляревский Л.С. Роль обычая в уголовном законодательстве. Ярославль, 1888. С. 12.

³⁴⁶ АРЭМ. Д. 653. Л. 3; Д. 1124. Л. 15.

³⁴⁷ Там же. Л. 39, 40.

³⁴⁸ Кузнецов С.В. Вера и обрядность в хозяйственной деятельности русского крестьянства // Менталитет и аграрное развитие России. XIX- XX вв. М., 1995. С. 293.

ждала крестьянина от рождения до смерти. Рубежные события в его жизни определялись христианскими таинствами – крещения, венчания, отпевания. Ощущение церковной соборности достигалось посредством участия в воскресной литургии и приобщения Святых Христовых Тайн (причастия). Азы православной веры постигались в сельской семье через регулярные действия – исполнения утреннего и вечернего правила, молитв перед едой, чтением слова Божьего (Евангелия) и зримые образы – креста, икон, священных предметов. Цикл крестьянской жизни был неразрывно связан с церковным календарем. Церковные праздники являлись ориентирами, с которыми крестьяне соотносили все наиболее значимые события своей жизни. В повседневности они считали следующим образом: такое событие произошло на Покров, а не 1 октября; на заговенье осеннее, а не 15 октября; на Казанскую, а не 22 октября и т.д. Также крестьяне считали семейные события: рождения, крещения, свадьбы и др. Говорили, что такому-то исполнилось столько-то лет на Святого Илью-пророка (20 июля).³⁴⁹

В русской деревне всегда существовало понятие святости венца. Венчание в храме являлось в представлении крестьян неременным условием законности брака. Крестьяне осуждали незаконное сожителство, считая это преступлением, поруганием религии и чистоты брачного очага. Невенчаный брак в селе был явлением редким. Крестьяне с подозрением относились к таким гражданским бракам. Больше презрение в таких случаях падало на женщину – любовницу. Ее ставили в один ряд с гулящими и подвергали всяческому оскорблению.

В восприятии крестьянина брак был не только жизненной необходимостью, но исполнением Божественной заповеди. Ему предшествовала целая череда сельских обрядов, в большинстве своем православных по своему содержанию. Так во время сватовства, когда согласие на будущий брак достигнуто, присутствующие зажигали свечи, усердно молились, после чего давали друг другу обещания, скрепляя их взаимным целованием. Обещание держалось крепко, а нарушение считалось грехом. «Грешно будет нарушить слово – говорили крестьяне, – хотя люди его не слышали, за то свидетелем Бог, он может покарать гордых родителей». Венчанию предшествовало родительское благословление, когда отец и мать жениха осеняли иконой молодых, прося Господа, чтобы их брак был счастливым. А перед выездом в церковь жених или дружка трехкратно посолонь обходили брачный поезд с молитвой, с целью предотвратить молодых от всякой нечисти.³⁵⁰

³⁴⁹ Столяров И. Записки русского крестьянина // Записки очевидца. Воспоминания, дневники, письма. М., 1989. С. 395.

³⁵⁰ Спасский И. Указ. соч. С. 451-452

Таинство венчания совершалось в сельском храме и являлось одним из самых значимых событий в жизни крестьян. «Обряд венчания – одно из самых великих таинств для крестьянина. Он не только уважает его, но и благоговейно готовится к нему, со страхом встречает. Тут Бог благословляет человека на новую жизнь, решает для него счастье или несчастье. Был жених добрый. А невеста честная – присудит Господь толику во брачной жизни, нет – не пошлет Господь и радости. Момент таинства, поэтому самый крупный и страшный в жизни – момент исполнения предопределения Божьего. Отсюда и названия таинства – Судом Божьим».³⁵¹

По православным понятиям семья являлась «малой церковью» т.е. призвана была блюсти основы христианской жизни каждого своего члена. Носителями религиозных воззрений в патриархальной семье выступало старшее поколение. Они (старшие) всегда следили, чтобы молодежь не пропускала праздничные богослужения и аккуратно выполняла религиозные предписания. Под праздники читали Евангелие вслух, после ужина бабы становились на колени и наказывали детям молиться усердно. Ежедневные молитвы, как правило, пели и поэтому крестьянские дети с раннего возраста знали наизусть «Отче Наш», «Царю Небесный», «Богородица, Дева радуйся», «Достойно есть» и другие молитвы.

В сопровождении взрослых дети примерно с 5 лет посещали церковь каждый праздник. Родители ребенка приучали к вере в Господа, внешнему смирению, наставляли вести себя в церкви чинно, степенно, благопристойно и молиться с усердием. В 7–8 лет крестные родители отводили ребенка к исповеди и первому причастию. При этом они старались подготовить ребенка к этому важному событию, рассказывали о необходимости очищения грехов и поясняли смысл причащения святых даров. Своевременная исповедь и причащение становились нормой жизни. Детей приучали и к соблюдению христианских постов, что включало, прежде всего, распространение пищевых запретов. Для соблюдения этих норм применялись как принудительные меры, так и шуточные угрозы, воспринимаемые маленькими детьми как вполне реальные³⁵².

Особое значение придавалось воспитанию стыдливости и целомудренности. Ведь само слово «невеста» в русском языке означает неведение греха, непорочность, которой христианство придавало почти мистическое значение. Русские свадебные обряды поощряли невесту и ее родителей, если та сохраняла духовную и телесную чистоту³⁵³.

³⁵¹ Звонков А.П. Указ. соч. С. 113.

³⁵² Мухина З.З. Семейный быт ... С. 246.

³⁵³ Малышева О.Л. Православная традиция внутрисемейного быта русского крестьянства Казанского края во второй половине XIX - начале XX вв. // Вестник ТГГПУ. 2007. № 4(11). С. 8.

В массе своей неграмотные крестьяне высоко ценили школу за то, что в ней их детей учили Закону Божьему. Сельский учитель Н. Бунаков писал в начале XX в., что, по мнению крестьян, хорошая школа дает знание Закона Божьего и позволяет детям участвовать в богослужении.³⁵⁴ Крестьяне приветствовали участие своих детей в церковном хоре, высоко ценили умение читать Псалтырь, Часослов, Деяния.

Данные земских обследований 80-90 гг. XIX в. и современные исследования убедительно говорят о преобладании духовно-нравственной литературы в кругу чтения крестьян. В сообщении корреспондента из Орловской губернии Малоархангельского уезда Алексеевской волости (1889 г.) говорилось, что любимое чтение большинства крестьян – духовная литература. Особенно предпочитали ее пожилые и среднего возраста крестьяне и крестьянки.³⁵⁵

Крестьянское сознание определенно связывало поведение человека с состоянием его веры. Для того чтобы у человека в деревне была хорошая репутация, он должен был регулярно посещать церковь и аккуратно выполнять все религиозные обряды, за чем наблюдала вся деревня. По данным питерского историка Б. Н. Миронова, в начале XX в. к исповеди на Пасху приходило 85–90% православного населения старше 7 лет.³⁵⁶ В оценке крестьянами односельчанина его благочестие играло во многом определяющую роль. Положение и авторитет крестьянина в общине определялись не только его трудовыми навыками и умением вести хозяйство, но соблюдением им норм христианской морали. Помня о том, что «вера без дел мертва», крестьяне судили о человеке не по его внешней набожности, а по степени выполнения им Христовых заповедей.

Православные традиции находили свое выражение в соблюдении крестьянским населением религиозных установлений. Воронежский крестьянин И. Столяров в своих воспоминаниях о детстве в деревне (конец XIX в.) пишет, что посты в деревне соблюдались очень строго. В постные дни не пили молока не только взрослые, но и дети. Питались во время поста только квасом, кислой капустой, картофелем и пшенной кашей³⁵⁷. К аналогичным выводам приходит и сторонний наблюдатель. Вот что по этому поводу говорит А. Х. Минх в своей книге, посвященной народным обычаям (1890 г.): «Русский народ строго соблюдает посты, решающийся без зазрения совести на кражу, сочтет страшным грехом оскоромиться в постный день. Крестьяне постятся в среду и пятницу. В Рождественский сочельник не едят до звезды, а в Крещенский до

³⁵⁴ Бунаков Н. Сельская школа и народная жизнь. СПб., 1907. С. 7.

³⁵⁵ Громько М.М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 296.

³⁵⁶ Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 543.

³⁵⁷ Столяров И. Указ. соч. С. 398.

воды»³⁵⁸. Во время Великого и Успенского постов старались не есть первую еду рано, в особенности по средам и пятницам. Молодые женщины говели до позднего обеда «разве только та баба позавтракает, которая кормит грудного ребенка или нездоровая». Девки-невесты говели наряду с молодыми бабами³⁵⁹.

Соблюдение постов (всего в году насчитывалось более двухсот постных дней) определяло режим питания сельской семьи, рацион потребляемых продуктов. В церковный или престольный праздник на крестьянском столе появлялись щи, вареное мясо, рыба, студень, блинчики, оладья. Конечно, обилие праздничного стола во многом зависело от имущественного положения крестьянской семьи³⁶⁰.

По взглядам русских крестьян несоблюдение поста считалось исключением и даже «богоотступничеством». Следует отметить, что крестьянин, который длительное время не исповедывался и не причащался, лишался права быть свидетелем на суде³⁶¹.

Крестьянские дети приобщались церковной традиции с юных лет, познавая все на собственном опыте, в том числе и соблюдение постов. Особую роль играли при этом родители, и прежде всего мать, которая своим поведением подавала детям личный пример для подражания.

Высокий идеал нравственного совершенства виделся не только в умерщвлении плоти путем воздержания от скоромной пищи, но и в проявлении любви к ближнему, в милосердии и сострадании к тем, кто в них нуждался. Именно время постов служило чаще всего напоминанием о необходимости обратиться к людям нуждающимся и страждущим – нищим, заключенным, странникам, больным. На деле это осуществлялось по-разному – в виде подаяния, открытой или тайной милостыни, безвозмездной помощи³⁶².

Таким образом, православная вера была органически встроена в жизнь русской крестьянки. В своей обыденности женщина старалась руководствоваться требованиями христианской морали. Очевидно, что при всей искренности восприятия крестьянкой сути православных канонов, все же большее внимание она уделяла обрядовой стороне веры. Следует также признать, что в женском сознании продолжал существовать целый пласт представлений, являвшимися по своей сути суевериями.

³⁵⁸ Минх А.Х. Народные обычаи крестьян Саратовской губернии. СПб., 1890. С. 111.

³⁵⁹ Громько М.М. Семейная духовная традиция русского крестьянства. URL: <http://www.portal-slovo.ru/impressionism/40318.php> (дата обращения 05.12.2010).

³⁶⁰ Село Вирытино в прошлом и настоящем. М., 1958. С. 90.

³⁶¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д.1467.Л. 17.

³⁶² Воронина Т.А. Этнокультурные аспекты изучения русского православного поста (XIX – начало XXI в.): Автореф. дисс. ... д.и.н. М., 2010. С. 45.

Сельские женщины в отличие от мужчин в большей мере были подвержены суевериям. Этнограф Д. Н. Ушаков утверждал, что «носителем древних верований, старинных обычаев, преданий является преимущественно женское население»³⁶³. Аналогичное мнение о суеверии крестьянок высказывало приходское духовенство. Так, в отчете о состоянии Воронежской епархии за 1912 г. отмечалось, что «не исчезли еще в народе и остатки языческих суеверий, например вера в ворожбу, гадания, разные приметы. Суеверия эти распространены главным образом среди женщин»³⁶⁴.

Все многообразие мира сельских суеверий, носителем которых выступала крестьянка, можно определенным образом систематизировать. Нас, прежде всего, интересуют те суеверия, которые непосредственно связаны с крестьянкой.

Много суеверий было связано со значимым событием в жизни крестьянки – свадьбой. Понятно стремление женщины обезопасить себя и оградить свою жизнь в замужестве от вмешательства «нечистой силы». Особенно невесты боялись «сглазу» и «порчи» от местных колдунов и ведьм. Роль оберега выполняли иголки, которые втыкали в подвенечный наряд. Перед свадебным поездом в церковь дружка троекратно обходил его с молитвой, чтобы предотвратить молодых от всякой «нечисти»³⁶⁵.

В селах Тамбовской губернии, когда невесту «убирали к венцу», то ей сыпали мак на голову, в обувь и даже за пазуху, полагая, что это обеспечит жизнь в замужестве в полном довольствии. Здесь же серьги невесте вдевала в уши женщина, которая находилась с мужем в лучших отношениях. Считалось, что таким образом она сообщает молодой свою «судьбу» иметь лад в супружеской жизни³⁶⁶.

Во время венчания невесты старались первой встать на подножный платок, чтобы быть хозяйкой в семье. С той же целью, чтобы верховодить, держали венчальную свечу выше, чем у жениха³⁶⁷. Для исполнения этого желания, сельские девушки даже преодолевали свой страх перед колдунами и знахарками, обращаясь к ним за помощью. Так, молодые жены в новгородских селах с целью иметь власть над мужем и во избежание его побоев и неверности прибегали к услугам знахарок, ко-

³⁶³ Ушаков Д.Н. Указ. соч. С. 192.

³⁶⁴ РГАИ. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2693. Л. 18.

³⁶⁵ Спасский И. Указ. соч. С. 452.

³⁶⁶ Там же.

³⁶⁷ Русские крестьяне. 2007. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 2. С. 409.

торые делали наговоры на вино или кушанье, а они этим вскармливали супругов³⁶⁸.

Ряд суеверий сельских жителей определенно имеет гендерную окраску, так как связан с ограничениями или запретами на основе половой принадлежности. Так, женщинам в деревне запрещалось резать птицу, не говоря уже о домашних животных³⁶⁹. По всей видимости, это занятие традиционно считалось мужским, и выполнять его женщине считалось делом недопустимым.

Под Новый год большим грехом в селе считалось пряхть. В течение года этот запрет действовал накануне и в саму пятницу, день, когда крестьянки чтили «Параскевью Пятницу»³⁷⁰. В иных селах в пятницу бабы не пряли, чтобы не «запылить Богородицу», которая в этот день ходит по избам³⁷¹. В день Усекновения главы Иоанна Предтечи воспрещалось срезать на огороде капусту, есть плоды круглой формы. В понедельник первой недели Великого поста совсем нельзя было пряхть, сучить нитки и вить веревки, чтобы не «выкрутить» червей на капусту и сады. В течение целой недели, от Троицы до петровских дней, нельзя было колотить вальком белье и новую ткань во время ее беления³⁷².

В аграрной магии русского села роль женщины также весьма значима. Началу жатвы в Московской губернии предшествовал «зажин». Его осуществляла старуха, которая втайне вечером выходила на ниву, где клала три земных поклона, затем жала три снопа, складывая их крестообразно³⁷³. По окончанию жатвы оставляли одну полосу – «Илье на бороду», приговаривая: «Батюшка Илья, зароди на лето побольше хлеба!» Когда жатва окончена, жнея ложилась на землю, и каталась со словами: «Отдай мою силушку на яровую жнивку!»³⁷⁴. Также поступали в селах Новгородской губернии³⁷⁵. Орловские бабы во время «дожинок» катались по жнивью со словами: «Жниво, жниво, отдай мою силу!» с целью вернуть потраченные при жатве силы³⁷⁶.

Первый выгон скота в селе, как правило, на Егорий (26 апреля), деревенские бабы производили веточками вербы, оставленными с праздниками Входа Господня в Иерусалим. Крестьянки верили, что это обезо-

³⁶⁸ Там же. 2011. Т. 7. Новгородская губерния. Ч. 1. С. 162.

³⁶⁹ Там же.

³⁷⁰ Бондаренко В. Поверья крестьян Тамбовской губернии. С. 120.

³⁷¹ Архив ИЭА РАН. Коллекция ОЛЕАЭ. Кор. 14. Д. 45. Л. 4об.

³⁷² Лещенко В.Ю. Русская семья (XI-XIX вв.) СПб., 2004. С. 292.

³⁷³ Русские крестьяне. ... 2008. Т. 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. С. 65.

³⁷⁴ Там же. 2005. Т. 3. Калужская губерния. С. 263.

³⁷⁵ Там же. 2011. Т. 7. Новгородская губерния. Ч. 1. С. 240.

³⁷⁶ Дынин В.И. Когда расцветает папоротник... Народные верования и обряды южно-русского крестьянства XIX-XX веков. Воронеж, 1999. С. 61.

пасит скот от болезней³⁷⁷. В селах Калужской губернии во время отела коровы, для прекращения ее мук, заставляли кого-либо из девочек пролезть под воротами³⁷⁸.

Отдельные суеверия были связаны с домашним обиходом селянки. Крестьянки в Курской губернии, прежде чем поставить хлеб в печь, крестили тесто и рисовали на нем крест. Здесь же, когда резали петуха и варили его, косточку от правого крыла вынимали и вплетали девушкам в косу, чтобы они долго не спали, а рано вставали как петухи³⁷⁹. Обязательным для хозяйки в деревне считалось класть поверх всякой открытой посуды палочки крест на крест, чтобы в пищу или питье не проник «лукавый»³⁸⁰. В Орловской губернии, чтобы не было в доме блох, в Чистый четверг девушка или молодая женщина до восхода солнца должна была без одежды вымести сор из избы³⁸¹.

В оценке соотношения языческих и христианских элементов в воззрениях русских крестьян следует согласиться с утверждением М. Власовой о том, что «они составляют единое целое, единую веру, которую, безусловно, нельзя назвать двоеверием»³⁸². Совершенно справедливое утверждение, наследие язычества в крестьянском сознании и духовной жизни села не было равноценно Православию, а играло, по сути, второстепенную, подчиненную роль, подчеркивая лишь полярность окружающего мира.

Сельские обряды выступают одной из форм народной памяти, в которой сконцентрирован вековой опыт отношения человека к окружающему миру. Изучение крестьянских обрядов дает исследователю богатый материал для научного осмысления содержания и основных черт сельской повседневности. Многообразная ритуальная жизнь русской деревни отражала в себе практически все стороны крестьянского бытия. Сельский обряд сопровождал человека от рождения и до смерти. Хранительницей и носительницей обрядовых традиций в селе являлась женщина. Сама дающая жизнь, она занимала ведущее место в обрядах, связанных с пограничными моментами в крестьянской судьбе – жизнью и смертью.

³⁷⁷ Шустиков А. Указ. соч. С. 115.

³⁷⁸ Русские крестьяне. 2005. Т. 3. Калужская губерния. С. 262.

³⁷⁹ Там же. 2008. Т. 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. С. 39.

³⁸⁰ Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. С. 4.

³⁸¹ Агапкина Т.А., Топоркова А.А. Ритуальное обнажение в народной культуре славян // Мифология и повседневность в антропологических дисциплинах: Мат-лы науч. конф. СПб., 2001. С. 14.

³⁸² Власова М. Русские суеверия: энциклопедический словарь. СПб., 1998. С. 539.

Повсеместно сношение с женщиной во время поста считалось грехом. Если у супругов рождался ребенок в первой половине декабря, его называли насмешливо «постником», подчеркивая, что зачатие произошло в Великий пост. Отца такого ребенка священник «усоветал за невоздержанность».³⁸³ Крестьяне в основном соблюдали запрет на половую близость во время постов и это подтверждается наблюдениями земских врачей. Д. Н. Жбанков, на основе сведений за 1872 – 1881 гг. о рождаемости в с. Большом Пронского уезда Рязанской губернии, приходит к выводу, что минимум зачатий приходится на летние месяцы (рабочее время) и март, т. е. период Великого поста.³⁸⁴ Аналогичные выводы сделал и В. И. Никольский, изучавший динамику рождений у жителей Тамбовского уезда.³⁸⁵ И. И. Моллессон, исследовавший проблемы рождения и смерти населения Тамбовской губернии за период с 1898 по 1900 г., в своей работе писал: «Наименьшее число рождений приходится на декабрь, а затем на апрель. Декабрьские рождения соответствует мартовским зачатиям, но в марте (Великий пост) совершенно не бывает новых браков, кроме того, истощение вовремя и тотчас после поста не может, конечно благоприятствовать обилию зачатий».³⁸⁶

Новорожденных крестили в церкви на второй-третий день. По причине высокой детской смертности родители стремились принести ребенка ко «святой купели» как можно раньше, считалось, что младенцы умершие крещеными становятся ангелами. Таинство Крещения совершалось в сельском храме в присутствии восприемников, которые отныне становились ответственными перед Богом за благочестивую жизнь своего крестника. По приходу из церкви устраивали крестины и накрывали праздничный стол. На почетное место усаживали кума и куму. Следует отметить, что крестьяне придавали большое значение духовному родству. По наблюдениям в Моршанском уезде Тамбовской губернии, в середине XIX в. отмечалось, что крестьяне считают непростительным грехом поссориться с кумом или кумой. Желая исключить возможность совершения такого греха, предпочитали крестных братья из другого дома и не вступать в отношения кумовства с теми, кто непосредственно входил в свою семью, т.е. с теми, кто жил в одном доме.³⁸⁷

В сельских крестильных обрядах можно увидеть некоторые отступления от канонов православного Таинства. Свидетельством тому являлся

³⁸³ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1783. Л. 7.

³⁸⁴ Жбанков Д.Н. Село Большое, Пронского уезда, Рязанской губернии. Опыт санитарного исследования. СПб., 1883. С. 27.

³⁸⁵ Никольский В.И. Тамбовский уезд. Статистика населения и болезненности. Тамбов, 1885. С. 97

³⁸⁶ Моллессон И.И. Краткий очерк заболеваемости и смертности населения Тамбовской губернии в трехлетие 1898, 1899, 1900 г.г. Тамбов, 1904. С. 258.

³⁸⁷ Громыко М.М., Буганов А.В. Указ. соч. С. 94.

обряд «крещения в горшке». К нему прибегали в тех случаях, когда ребенок рождался слабым, и мог не дожить до крещения в церкви. Его совершала повитуха, принимавшая роды. Конечно, бабка не вправе была совершать Таинство крещения, но страх родителей перед тем, что младенец умрет некрещеным, оказывался сильнее догматических запретов. Во время обряда повитуха зажигала свечи вокруг горшка с водой и с положенной молитвой опускала в купель ребенка. Сельские священники естественно не одобряли такую самодеятельность. Но как отмечает историк В.Д. Орлова, на основе материалов Тамбовской духовной консистории, «никаких данных о повторном крещении в храме выжившего крестника повитухи не встречается».³⁸⁸

Целый комплекс обрядовых действий в русской деревне был связан с рождением ребенка. Главную роль в них играла сельская повитуха. В каждой русской деревне были вдовы благочестивого поведения, которых и звали с наступлением родов. Избегали приглашать тех повитух, у которых повитые дети умирали, что свидетельствовало не только о недостаточном знании приемов родовспоможения, но и том, что у них «тяжелая рука»³⁸⁹.

Все усилия повивальной бабки были направлены на благополучное разрешение от бремени. Они включали в себя как испытанные приемы, стимулирующие родовые потуги, так и ритуальные действия, направленные на защиту роженицы и младенца от влияния бесовских сил³⁹⁰. По приходу в дом роженицы повитуха первым делом зажигала лампаду и свечи. Это считалось столь обязательным, что при болезненности младенца подозревали, что «он, верно, родился без света». С целью благоприятного исхода родов в красном углу возжигалась венчальная свеча, а все домочадцы вместе бабкой повитухой усердно молились. Роженица просила у всех прощения, как перед исповедью, чтобы Бог простил и дал легкие роды.

Наряду с этим широко использовались действия, совершавшиеся по принципу раздражательной магии. Стремясь преодолеть замкнутость и ускорить роды, развязывали все узлы на одежде роженицы, распускали ей волосы, раскрывали все двери, ворота, шкафы, сундуки, вынимали печную заслонку³⁹¹. В Тамбовской губернии при родах повитуха заставляла «арженицу», так здесь называли роженицу, снимать всю одежду и

³⁸⁸ Орлова В.Д. Нарративные источники об отношении русского сельского населения XIX в. к рождению, браку и смерти // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII – XX вв. Мат-лы междунар. конф. (май 2002 г.). Тамбов, 2002. С. 119.

³⁸⁹ Листова Т.А. Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой (вторая половина XIX – 20-е гг. XX в) // Русские: семейный и общественный быт. М.: Наука, 1989. С. 145.

³⁹⁰ Спасский И. Указ. соч. С. 450.

³⁹¹ Русские крестьяне. ... 2004. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. С. 91.

даже крест. По суеверным воззрениям, считалось будто бы каждую вещь, носимую во время родов, женщина должна выстрадать, помучиться³⁹². В особо тяжелых случаях обращались к священнику с просьбой открыть «царские врата» в сельском храме, что, по мнению крестьян, способствовало скорейшему разрешению от бремени.

В процессе родов бабки использовали святую воду, ладан и свечи. Заговоры повитух включали в себя обращения к Господу, Богородице и различным святым. Традиционной покровительницей в родах считали бабушку Соломониду (Соломею), которая согласно апокрифическому Протоевангелию Иакова принимала божественные роды у девы Марии. Религиозный элемент при родах проявлялся очень четко. Скорой и усердной помощницей в родах крестьянки считали Анну–пророчицу. Почетом у рожениц пользовались Св.мч. Варвара и Екатерина Велико-мученица, так как сами «трудились родами». Во время родовых потуг повитуха приговаривала: «Матерь Божья, святые угодники, Иисусе Христе, ослобоните рабу Божию, пошлите ей на все хорошее»³⁹³.

Весь процесс рождения сопровождался чередой последовательных действий. Этот ритуал носил обязательный характер, выступал неким свидетельством самого факта рождения. По справедливому утверждению этнографа А.К. Байбурина, «в традиционной культуре событие, соотнесенное с ритуалом (смерть, рождение), может и произойти, но человек считается умершим и родившимся только после совершения соответствующих обрядов»³⁹⁴.

По окончанию родов у омытого ребенка повитуха трехкратно слизывала спину или лоб, затем столько же раз сплевывала, чтобы оградить новорожденного от «очеса призора». Пеленание младенца сопровождалось молитвой и крестным знаменем. Если ребенок сильно кричал, то бабка вспрыскивала с уголька, для чего в чашку с водой она клала уголь, затем набирала этот раствор в рот и трижды брызгала в лицо младенца со словами: «Господи, спаси младенца!»³⁹⁵.

Одним из обрядов, совершаемых повитухой, являлось «крещение в горшке». К нему прибегали в тех случаях, когда ребенок рождался слабым и мог не дожить до крещения. В таких случаях младенца торопились окрестить, боясь, чтобы он не умер «богдашкой» (некрещеным). Исходя из канонов православия, повивальная бабка не могла совершать таинство крещения, но страх родителей перед тем, что младенец умрет некрещеным, оказывался сильнее догматических запретов. Во время об-

³⁹² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2029. Л. 4.

³⁹³ Попов Г. Указ. соч. С. 338, 340.

³⁹⁴ Байбурин А.К. Некоторые общие соображения о ритуале // АЕQUINOX MCMXIII. М.: Книжный сад; Carte blanche, 1993. С. 4.

³⁹⁵ Спасский И. Указ. соч. С. 440.

ряда повитуха зажигала свечи вокруг горшка с водой и с положенной молитвой опускала ребенка в купель. По сведениям из Костромской губернии, если младенец находился в опасном положении, то бабушка крестила новорожденного троекратным погружением в воду: «Крещается раб Божий Иван, во имя отца и сына и святого духа. Аминь». И надевала ему крест. Если новорожденный доживал до утра, то его везли в церковь, где священник совершал таинство и читал огласительные молитвы без погружения в воду³⁹⁶.

Непременным этапом комплекса родильного обряда являлось парение роженицы и младенца в бане или печи. Этим достигалось как очищение женщины от родовой скверны, так и профилактика новорожденного от возможных болезней. При первом парении ребенка в печи бабка приговаривала: «Парю я раба Божия младенца (имя) от скорбутных, от щепоты, от скорбутных ломоты, – от денных и ночных, от полуденных и полуночных; от девки косматки, от бабы пустоволоски. Освободи, Господи, от отцовские думы и материнския. Аминь, Аминь. Аминь»³⁹⁷.

По крестьянским представлениям, все новорожденные младенцы при появлении их на свет бывают помяты, и поэтому их надо обязательно править руками. Поэтому, как говорили в деревне, повитуха «отпаривала» и «правила» новорожденного. Все манипуляции: обжимание головки, выпрямление ножек, ручек и т.п., сопровождалось приговором:

*Что не я тебя парю,
Не я тебя правлю:
Парит тебя бабка Соломия
И здоровье подает.*

Действия охранительного свойства повитуха совершала и по отношению к роженице. В бане бабка терла ей лоб солью, и при этом говорила: «Как эта соль не боится ни жару, ни вару, ни опризорищей, ни оговорищей, так бы раба Божия (имя) не боялась ни опризорищей, ни оговорищей»³⁹⁸. Повивальная бабка ей одной известными способами делала все, чтобы быстрее поставить женщину на ноги. После родов в бане повитуха «правила» роженице «живот». Для того чтобы вернуть «золотник» (т.е. матку) на место, бабка заставляла родильницу вставать на четвереньки и опереться руками, затем сильно встряхивала ее за лодыжки. При этом в некоторых местах употребляли интересный приговор: «Срастайся низушка, сустав в сустав, только х <...> у место оставь»³⁹⁹. Трудно судить насколько действенными были все эти приёмы.

³⁹⁶ Русские крестьяне. ... 2004. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. С. 91.

³⁹⁷ Русские крестьяне. ... 2007. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 3. С. 563.

³⁹⁸ Там же. Ч. 1. С. 531.

³⁹⁹ Попов Г. Указ. соч. С. 354.

Очевидно одно, что все действия повивальной бабки были подчинены одной цели – быстрее вернуть роженицу к исполнению ей своих повседневных забот.

Вот как описывает процесс реабилитации роженицы и участие в нем современник: «После крестин бабка-повитуха остается в доме роженицы на неделю-две. Обязанности ее в это время состоят в том, чтобы заботится о ребенке, ежедневно обмывать и пеленать его и хлопотать вместо роженицы по хозяйству. Родительницу она парит в бане или печи, поит различными лекарственными травами и правит опустившийся после родов живот, растирая при этом деревянным маслом. Настой водки на калгане употребляют как средство, способствующее подъему живота; анис и богородскую траву пьют для того, чтобы из груди свободнее шло молоко».

Пребывание повитухи в доме у роженицы требовало, по представлению крестьян, обязательного последующего очищения. Этот обряд назывался «размывание рук» и совершался, как правило, на третий день после родов. Исполнение обряда давало частичное очищение роженице и позволяло повитухе идти принимать очередные роды. Последовательность действий в обряде была следующей. В таз с водой бросали горсть овса или хмеля, затем три горящих угля. Посередине избы крестообразно клали топор и веник. Женщина становилась на них правой ногой. Повитуха лила воду на руки женщине так, чтобы она стекала ей по локтям. Та, в свою очередь, подхватывала воду с правого локтя левой рукой и пила, так повторялось три раза. Затем это же делала повитуха. По окончании ритуала они усердно молились Богу, а роженица трехкратно кланялась бабке и просила у той прощение. В завершение всего повивальной бабке давали мелкую монету или дарили кусок полотна, ковригу хлеба, солонку соли⁴⁰⁰. В случае смерти сельской повитухи в последний путь проводить ее приходили все женщины, у которых она принимала роды.

Женщина как носительница жизненного начала выступала главным действующим лицом в деревенских обрядах, выполнявших охранительную функцию. По утверждению исследователя народных традиций дореволюционной поры Д. Н. Ушакова, «носителем древних верований, старинных обычаев, преданий является преимущественно женское население»⁴⁰¹.

Наиболее известным из сельских ритуалов, связанных с заклинанием смерти, был обряд опахивания. Очевидно, данный обряд, не единожды

⁴⁰⁰ Машкин. Быт крестьян Курской губернии Обоянского уезда // Этнографический сборник. Вып. V. СПб., 1862. С. 22; Семенова-Тянь-Шанская О.П. Указ. соч. С. 23.

⁴⁰¹ Ушаков Д.Н. Материалы по народным верованиям великорусов // Этнографическое обозрение. 1896. № 2 –3. С. 192.

описанный этнографами, возник в русской деревне в дохристианский период. В дальнейшем, сохранив свой предохранительный смысл, он органически вобрал в себя и христианскую атрибутику. К опахиванию в селе прибегали в случаях эпидемий, падежа скота. О бытовании этого обряда в конце XIX века свидетельствуют наблюдения этнографов – современников. Так, опахивание было зафиксировано в Орловской, Рязанской, Ярославской, Тульской, Харьковской и других губерниях.

Сохранилось много описаний этого древнего обряда. Этнографические источники, несколько отличаясь в деталях, схожи в передаче содержания ритуальных действий. Вот примерный сценарий обряда. В глухую полночь выходили на улицу девушки и вдовы, заранее сговорившись между собой. Участницы были в белых рубахах, с распущенными волосами и с зажженными свечами. Они вооружались всем тем, что может издавать звук: косы, сковороды, печные заслонки и т. п. Впереди процессии несли иконы Пресвятой Богородицы, Николая Чудотворца, кадили ладаном. Далее находился главный предмет действия – соха. В нее впрягали в одних местах бабу-неродицу, в других – вдову, известную своей благочестивой жизнью⁴⁰². Сохой правила девушка, которая собиралась замуж. Остальные девки помогали тащить соху вокруг деревни. Вдовы, шедшие вослед, набирали песок и рассеивали его по борозде⁴⁰³.

В обряде явно прослеживались черты языческих суеверий, которые выражались в том, что «злые силы» пытались задобрить. С целью отвести беду от родного села, воздействие на стихию земли дополнялось жертвоприношением – закапыванием живой кошки, собаки, сжиганием черного петуха на костре из дерна. В Орловской губернии в ходе ритуала в борозду зарывали живыми черного щенка, черную курицу, черного петуха⁴⁰⁴.

Как в самом обряде магические приемы уживались с курением ладана, крестным знаменем и иконами, так и в словесной его части магические заклинания увязывались с молитвами и церковными возгласами⁴⁰⁵. Например, в одном из пензенских сел в середине XIX века вдовы, «известные своей добродетельной жизнью», и девушки при опахивании пели: «Царю небесный! Святой Боже!». В Тульской губернии участницы обряда несли икону Спасителя или Божьей матери и пели «Господи, помилуй». Бабы в пензенских селах во время хода наблюдали, чтобы

⁴⁰² Всеволожский В.Е. Очерки крестьянского быта Самарского уезда // Этнографическое обозрение. 1895. № 1. С. 29.

⁴⁰³ Бондаренко В. Поверья крестьян Тамбовской губернии // Живая старина. 1890. Вып. 2. С. 118.

⁴⁰⁴ Пясецкий Г. Забытая история Орла. Орел: ОГРТК, 1999. С. 143.

⁴⁰⁵ Померанцева Э.В. Роль слова в обряде опахивания // URL: <http://paganism.ru/opashka.htm> (дата обращения 21.05.2011)

отрез сохи как можно яснее делал черту вокруг села, чтобы она не пропустила через себя мор. При этом пели молитвы: «Святой Боже», «Богородица», «Отче наш»⁴⁰⁶. В деревне Сосено Щелкановской волости Мещевского уезда Калужской губернии при опахивании села участницы обряда пели: «Мы идем, мы везём, девять девок, три вдовы, с ладанном, со свечьми, со святым Уласьем (Власием), Господи помилуй от коровьей смерти»⁴⁰⁷.

К опахиванию прибегали и с целью борьбы с холерой. Летом 1893 года в орловском селе Богодухове женщины три ночи подряд опахивали селение. Во время обряда били в косы, пели песни, где рефреном повторялась фраза: «Смерть, смерть, выйди вон из нашего села, изо всякого двора». На перекрестках участники охранительного действия жгли солону, прыгали через очистительный огонь, а над воротами каждого двора дегтем писали крест⁴⁰⁸. В Тамбовской губернии во время опахивания процессия останавливалась на каждом переулке, а ее участники распахивали сохой борозду в форме креста и зарывали здесь часть кутившегося ладана с целью отогнать нечистого духа. Обойдя вокруг села, участники замыкали символический круг, который, по их мнению, непреодолим для всякой нечисти. В Харьковской губернии для предотвращения падежа скота село с сохой обходили трехкратно, после чего на перекрестке разводили костер и прыгали через огонь с целью очищения. Языческие корни этого обряда проявлялись и в том, что участники его считали, что смерть можно отогнать или ввести в заблуждение. С этой целью во время шествия женщины скакали на палках, рогачах, метлах, ударяли в сковороды, при этом припевали:

*«Ух, ты смерть, смерть,
Не ходи в наше село.
В нашем селе 9 дев, 9 баб,
9 маленьких ребят,
Три вдовы молоды»*⁴⁰⁹.

Мистическая сторона ритуала выражалась в том, встречный человек воспринимался как препятствие, могущее нарушить ход обряда, или как угроза результативности осуществляемого действия. Если процессия крестьянок во время опахивания встречала мужчину, то его считали «смертью», против которой совершался обряд, и поэтому его жестоко

⁴⁰⁶ Садырова М.Ю. Суеверие в религиозной жизни крестьян в конце XIX – начале XX вв. (по материалам Среднего Поволжья) // Власть и общество России в модернизационных процессах нового и новейшего времени. Саранск, 2010. С. 69.

⁴⁰⁷ Русские крестьяне. ... 2005. Т. 3. Калужская и Тверская губернии. С. 505.

⁴⁰⁸ Иванов А.И. Верования крестьян Орловской губернии // Этнографическое обозрение 1900. № 4. С. 112.

⁴⁰⁹ Пясецкий Г. Указ. соч. С. 143.

избивали, приговаривая «вот коровья смерть пришла»⁴¹⁰. Этнографические источники свидетельствуют о том, что встречных, которых принимали за «смерть» могли избить или изругать: «Боже сохрани, кто попадется навстречу этой безумной группе – его порядочно колотят, принимая за смерть». Или: «Встречных бьют и ругают срамными словами», потому что «принимают за язву»⁴¹¹. Поэтому мужики, как правило, во время таких церемоний сидели дома, зная о том, что их любопытство может иметь самые тяжелые последствия. Этнограф Машкин, описывая обряд опахивания в деревнях Курской губернии, отмечал, что «бабы доходят до остервенения и бросаются на все, что попадает на пути, а случайных прохожих избивают до полусмерти»⁴¹². В тамбовских селах, по свидетельству очевидцев, этот обряд совершался втайне от мужчин. Более того, если бабы замечали постороннего, то они нападали на него и избивали⁴¹³.

Сочетание в данном обряде молитвы, икон, креста с языческим жертвоприношением, смиренного призыва к милости Божьей с дикой, животной яростью может показаться парадоксальным. Но это противоречие лишь кажущееся, сродни извечной тяги мужика к «иконе и топору».

Значительной была роль сельской женщины в поминальных обрядах. Жители русского села демонстрировали поистине христианское отношение к смерти, воспринимая ее как неизбежный конец жизни земной и начало жизни вечной. Крестьяне делали все, чтобы проводить душу умершего родственника или соседа в мир иной достойным образом. По отзыву современника (1897 г.), «без напутствия исповедью и Св. Тайнами крестьяне не позволяют никому умереть»⁴¹⁴. Когда человек умирал, ему спешили дать в руки зажженную свечу и поставить на окно чашку с водой. По народным поверьям, считалось, что «тело-то грешное вымоется, а вот душа-то матушка, чтобы не осталась невытой – так и ей должно приготовить искупаться»⁴¹⁵.

С середины XIX в. обмыванием покойников в деревне занимались исключительно женщины. По сообщению из Вологодской губернии, «в каждом селении почти есть старуха, которая обмывает покойников, ей за это дают что-нибудь из одежды, оставшейся после умершего: сарафан, рубашку или платок»⁴¹⁶. Иногда обмывать покойников могли повивальные бабки, а также вдовы и девушки, отличавшиеся набожностью и

⁴¹⁰ Бондаренко В. Указ. соч. С. 115.

⁴¹¹ Померанцева Э.В. Указ. соч.

⁴¹² Машкин. Указ. соч. С. 86.

⁴¹³ Бондаренко В. Указ. соч. С. 116.

⁴¹⁴ Покровский И. Историко-археологическая записка. К столетию нынешнего храма в селе Раеве Моршанского уезда Тамбовской епархии // Тамбовские епархиальные ведомости. 1898. № 51 – 52. С. 1398.

⁴¹⁵ Спасский И. Указ. соч. 459.

⁴¹⁶ Русские крестьяне. ... 2007. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 3. С. 369.

давшие обет безбрачия. Обмывать покойников считалось дело богоугодным. В деревне говорили: «трех покойников обмоешь – все грехи отпущены будут, сорок обмоешь – сам безгрешным станешь». Обмывала тело одна женщина, две другие ей помогали. При этом обязательно читались молитвы.

После омовения и литии тело усопшего клали в передний угол на скамьях головой к иконам. На божницу ставили хлеб или блин, чтобы душа могла подкрепиться. До погребения кто-то из близких покойного или приглашенная черничка неустанно читали Псалтырь. С умершим прощались всей деревней, каждый считал своим долгом поклониться «почившему в Бозе» соседу. Обычно приходили с приношениями (холстом, свечками, мукой и т.п.) «на помин души», иногда оказывали помощь деньгами.

Похороны в селе всегда были церковными. Усопшего отпевали в церкви и предавали земле на сельском кладбище. На поминках обедала вся деревня в несколько смен. Малые поминки устраивались для родных на девятый, двадцатый и сороковой день. Как правило, поминали блинами с медом и кутьей. Употребление лакомой пищи символизировало будущее наслаждение усопшего в райской обители⁴¹⁷. Следует признать, что традиция христианского поминовения – одна из самых устойчивых традиций сельской жизни.

Суеверия, возникшие на основе христианства, служат дополнительным доказательством проникновения и утверждения христианства во все сферы духовной жизни народа, даже в такой консервативной области культуры как мир суеверий и примет. Многоликость сил зла, признаваемая жителями села как реальность их земного бытия, не отрицала, а лишь подтверждала каноны православия. Все сведения о проявлениях деревенских суеверий, зафиксированные исследователями, содержат упоминания о средствах противодействия мистическим силам зла. Это крестное знамение, молитвы, молебны, т.е. все средства, используемые церковью для борьбы с духом противления Божественной воле. В религиозных представлениях русских крестьян наследие языческого прошлого было значительным, но не равноценным православию. На протяжении всей истории процесс взаимодействия официальной церкви и крестьянства был основан на компромиссе. Это взаимное приспособление произошло путем принятия крестьянским миром канонов православия и приспособлением церковью народных обычаев к христианской догматике.

⁴¹⁷ Спасский И. Указ. соч. С. 459.

Отхожие промыслы

Город находился вне пределов жизненного пространства русской бабы, ограниченного сельской околицей. Этот «другой мир» пугал и манил одновременно. Страх вызывали периодически наведывавшиеся в деревню чиновники, будь-то становой пристав или судебный следователь. Такие визиты обычно не сулили крестьянам ничего хорошего. В город ездил и мужик с целью сбыта товара, и возвращался оттуда, как правило, навеселе и с гостинцами для домочадцев. Для села город выступал и источником слухов, которые разносили по волости заезжие торговцы, калики перехожие, обсуждаемые потом местными бабами у колодцев. В привычный уклад деревни проникали и всевозможные городские новации, как посредством моды (калоши, зонтик и пр.), так и в виде предметов быта (керосиновая лампа, часы-ходики и т.п.) Мир города для крестьянки мог быть щедрым, давая заработок мужу-отходнику, и напротив беспощадным, награждая несчастную бабу сифилисом или триппером, принесенным супругом в семью от городской проститутки. Влияние города на жизнь села, судьбу крестьянки было очевидно, оно усиливалось в пореформенный период, в ходе модернизации страны, которая буквально на глазах современников ломала общинный строй и семейный уклад деревенской жизни.

На протяжении всего пореформенного периода и, особенно, в конце XIX в. число крестьян-отходников росло. Эта тенденция была характерна для промысловых губерний, где крестьянский отход был традиционным еще с XVIII в. Однако, развитие товарно-денежных отношений в стране на фоне аграрного перенаселения толкало искать сторонний заработок и все большее число крестьян губерний Центрального Черноземья. Судя по данным паспортной статистики региона, резкий скачок отходничества произошел во второе пореформенное десятилетие, когда количество полученных паспортов выросло в Воронежской губернии в 5,2 раза по сравнению с 1861–1870 гг., в Курской – 3,2, в Орловской – 2,4, в Тамбовской – 2,5⁴¹⁸. В 1891–1900 гг. по отношению к 1861–1870 гг., произошло увеличение числа приобретенных крестьянами паспортов на 795,3% в Воронежской губернии, на 674,5% в Курской губернии, на 453,1% в Орловской губернии, на 387,9% в Тамбовской губернии⁴¹⁹. Число отходников в Центрально-Черноземном районе составляло около 1 млн. 250 тыс. человек или 8% всего населения⁴²⁰.

⁴¹⁸ Перепелицын А.В., Фурсов В.Н. Крестьянское хозяйство центрально-черноземных губерний России в пореформенный период: монография. Воронеж: ВГПУ, 2005. С. 167.

⁴¹⁹ Там же. С.168.

⁴²⁰ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Под ред. В.П. Семенова. Т. 2. Среднерусская черноземная область. СПб., 1902. С. 260.

Отхожий промысел в российской деревне был преимущественно мужским занятием, о чем свидетельствует статистика. В Тамбовской губернии на долю мужчин в 1899 г. приходилось 93,3% всех отходников. Были и исключения: в Борисоглебском уезде Тамбовской губернии женщины составляли до 25,0% всех отходников, в Новохоперском уезде Воронежской губернии – до 27,8%⁴²¹.

Участие крестьянских женщин в занятии отхожими промыслами был затруднен по причине ограничений в свободе их передвижения. По закону при необходимости покинуть пределы волости, крестьянка должна была получить на это разрешение от супруга или старшего члена семьи. По мнению Г. Ф. Шершеневич, невозможность получить паспорт без разрешения мужа являлось «чрезвычайно стеснительным особенно в низшем классе, лишая женщину возможности самостоятельного заработка»⁴²². Можно предположить, что такая ситуация давала возможность мужу оказывать давление на жену.

По мере роста самосознания крестьянок и согласие мужа, требуемое по закону, для выдачи паспорта супруги, не становилось непреодолимым препятствием. Примером тому может служить приводимое ниже прошение. Крестьянка Ярославской губернии Мышкинского уезда Плосковской волости деревни Иванищева Анастасия Семенова, проживающая в Петербурге, просила о выдаче ей отдельного от мужа вида на жительство. Называя при этом следующие причины: «... прошу Вас, пожалуйста, выдать мне на жительство отдельный от мужа, я уже не живу с ним 2 года и не желаю с ним жить, жизнь моя была с ним невыносима, что я когда была в деревне, то свекровь, или его мать, сделала совместную жизнь не возможной, а со стороны мужа терпела одни побои и дурное обращение, конечно плохие примеры для детей ...»⁴²³.

Отходничество, как следствие возросшей мобильности сельского населения, стало серьезным испытанием прочности патриархальной семьи. В конце XIX в. в 50 губерниях Европейской России побочные промысловые занятия имели 5029,9 тыс. чел, или 7,2% общей численности сельского населения. Крестьянский отход в черноземных губерниях был развит в меньшей мере, чем в промысловых губерниях. Доля отходников в общей массе крестьянства составляла, по данным переписи 1897 г., от 14,4% в Тульской, до 20,5% в Калужской губернии⁴²⁴. В 1898 г. в Воронежской губернии отходники составля-

⁴²¹ Перепелицын А.В. Указ. соч. С. 169.

⁴²² Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права: В 2 т. Т. 1. М., 1914. С. 303.

⁴²³ Муравьева Е.В. Женское отходничество в Ярославской губернии в конце XIX – начале XX в. // «Женщины и мужчины в контексте исторических перемен»: Материалы Пятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4-7 октября 2012. Тверь.- М.: ИЭА РАН, 2012. Т. 2. С. 176.

⁴²⁴ Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа М., 2001. С. 54.

ли 5,3% всего сельского населения, в Тамбовской губернии этот показатель был несколько ниже – 4,8%⁴²⁵.

Если в черноземных губерниях крестьянский отход носил преимущественно земледельческий характер, то в промышленных регионах страны положение было иное. По данным П. А. Вихляева, неземледельческий отход составлял в черноземной Воронежской губернии 24,4%, а в нечерноземной Тверской губернии – 92,1%⁴²⁶.

Отходничество оказывало сильное влияние на внутреннюю жизнь сельского населения, его экономику, социальные, семейные отношения, привычки и обычаи. Являясь альтернативой привычному миру, оно, тем не менее, оставалось его неотъемлемой частью. Неземледельческие промыслы трансформировали привычные отношения и модели поведения в сельской повседневности.

Характеризуя влияние отхожего промысла на жизнь села, корреспондент «Тамбовских губернских ведомостей» в 1882 г. сообщал из Елатомского уезда: «Мужчины в большей части не бывают дома, а с полевыми работами управляются одни бабы. Мужья и братья присылают с заработков достаточно денег, и хозяйство в каждой семье идет хорошо. В Новой Деревне есть крестьяне, которые зарабатывают на морских пароходах до 600 руб. в год. Они нанимают рабочих для обработки у себя земли»⁴²⁷.

В наибольшей мере переменам была подвержена сельская молодежь. Последствия трудовой миграции молодых крестьян в город стали очевидны для современников уже в конце XIX в. В 1887 г. этнограф Л.П. Весин оценивал их следующим образом: «Крестьянская молодежь уходит на фабрики и заводы, в услужение, пристраивается к торговым и промышленным заведениям, и вот здесь-то, вкусив плодов, городской жизни, теряет мало-помалу всякую связь с семьей, усваивает новые привычки и понятия, приобретает склонность к независимой жизни. Подобные личности возвращаются в деревню, вносят в окружающую среду семена раздора, антагонизма, которые с течением времени разрастаются до таких размеров, что дальнейшее сожителство членов семьи становится невозможным. ... Можно допустить, что продолжительные отлучки из дома, приручая рабочего к самостоятельной жизни, действительно развивают в нем дух индивидуализма и независимости, который делает его неспособным переносить суровые условия жизни большой крестьянской семьи, где деспотизм проявляется часто в весьма резкой форме»⁴²⁸.

⁴²⁵ Моллесон И.И. Краткий очерк некоторых данных об отхожих промыслах в Тамбовской губернии в 1899 г. Тамбов, 1901. С. 2.

⁴²⁶ Вихляев П.А. Очерки из русской сельскохозяйственной действительности. СПб., 1901. С. 10 – 14.

⁴²⁷ Тамбовские губернские ведомости. 1882. № 114.

⁴²⁸ Весин Л.П. Значение отхожих промыслов // Дело. 1887. № 2. С. 120.

Участие части мужского населения села в сторонних заработках вело к нарушению традиционного половозрастного разделения труда в крестьянском дворе, затрудняло возможность создать семью. В уездах, где наблюдался высокий процент мужчин-отходников, девушкам нелегко было выйти замуж. Объясняется это тем, что из деревни на заработки уходили потенциальные женихи – молодые и крепкие мужчины, а дома оставались, в основном, «увальни» и «убогие». «Отходничество забирает лишь сильных и способных, то есть таких, которые, оставшись в деревне, составили бы там «соль земли», отмечали члены Епифанского уездного комитета Тульской губернии⁴²⁹.

В начале XX в. в некоторых местностях Верхнего Поволжья отходом было занято «почти все мужское население». Часто в деревне оставалась только так называемая «питерская браковка», т.е. люди, не удовлетворявшие требованиям, предъявляемым к отходнику: лица пожилого возраста, а также судимые, пьяницы и пр. В ряде районов среди крестьян считалось позором для мужчины прожить всю жизнь в деревне, ни разу не участвуя в отхожих промыслах. Корреспонденты ярославского земства так описывали отношение к молодым крестьянам, не занимающимся отхожим промыслом: «оседлого молодого человека считают за недееспособного, недоразвитого; даже невесты игнорируют». «Девушки упираются идти за деревенского жителя. Почему? Потому, что негде копеечку ему достать, нарядов послать»⁴³⁰.

При нехватке мужчин, лучшими женихами становились отходники, которые возвращались с промысла. Деревенские невесты, конечно, хорошо понимали все плюсы и минусы этой категории женихов. Он имел жизненный опыт, уверенно держался, с ним было интересно общаться, а самое главное с ним связывали возможность вырваться из деревни к хорошей жизни. На «дурные наклонности», приобретенные в городе, невесты предпочитали не обращать внимания⁴³¹.

Оценки влияния отходников на сельскую повседневность представителями разных слоев деревни схожи. Тамбовский помещик Н. В. Давыдов считал, что «возвращавшиеся домой крестьяне вносили в сельскую жизнь понятия, далеко не всегда желательные, радикально расходившиеся с прежними воззрениями»⁴³². О пагубном влиянии на патриархальные устои крестьянской семьи отходников сообщали в своих ра-

⁴²⁹ Скрыбин И.В. Крестьянская поземельная община «оскудевающего центра» России в контексте модернизационных процессов 2-й половины XIX – начала XX века (на примере Тульской губернии): монография. М.: РПА Минюста России, 2012. С. 135.

⁴³⁰ Александров Н.М. Отхожие промыслы крестьян Верхнего Поволжья в конце XIX - начале XX век: текст лекций. Ярославль: ЯрГУ, 2007. С. 28-29.

⁴³¹ Скрыбин И.В. Указ. соч. С. 135.

⁴³² См.: Давыдов Н.В. Из прошлого. Ч. 2. М., 1917. С. 30.

портах сельские приходские священники Тамбовской епархии. Они, в частности, писали: «Побывал паренек в Питере, стал другим человеком»; «Авторитет родителей над детьми ослабевает»; «Молодое поколение, возвратившись с заработков, стремится отделиться» и т.п.⁴³³

Этнограф Г. С. Виноградов отмечал в 1914 г.: «Усложнившиеся жизненные условия, близкое соприкосновение города с деревней, приток новых веяний – все это постепенно разрушало и продолжает разрушать былой патриархальный уклад, меняло и все еще продолжает менять духовную физиономию деревни»⁴³⁴.

Но наряду с негативными последствиями отходничества, современники усматривали в этом явлении и позитивное влияние на жизнь села. Следующим образом характеризует отходничество земский начальник 2-го участка Ростовского уезда Ярославской губернии: «Отхожими промыслами деревня живет, одевается, учится и оплачивается. Приходя с промысла, крестьянин не только научает своих домашних и односельчан разными пороками, но вносит в среду сознания потребности грамотности и образованности, приносит технические, агрономические и другие знания, которые могут быть непосредственно применены в крестьянской жизни»⁴³⁵.

Особенно было велико влияние крестьянского отхода на повседневную жизнь сельской семьи. Отхожий промысел членов семьи существенно подрывал позиции большака. Длительное отсутствие отходников вне пределов крестьянского мира ослабляло родительский контроль. Крестьяне в черноземных деревнях стремились не отпускать членов своих семей на слишком дальние расстояния, стараясь найти им работы вблизи дома. Если же отец и отпускал сына на заработки, то брал с него клятву, что тот будет жить честно, а вырученные деньги отдаст семье. Холостых парней перед уходом из деревни спешили женить⁴³⁶.

Для крестьянина большое значение имели родственные, приходские и общинные отношения, которые были ослаблены пребыванием отходника в городе. «Там тебя и остановить-то, поддержать некому, ну а здесь семья...»⁴³⁷. Пребывание в городе не проходило бесследно. После нескольких лет у мигрантов значительно изменялись представления о целях жизни, манера поведения, вырабатывались иные потребительские навыки.

⁴³³ См.: ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2076. Л. 25об, 30об, 69об.

⁴³⁴ Цит. по: Пашин В.П., Богданов С.В., Емельянов С.Г. Государственная алкогольная политика в России от Витте до Сталина (Власть, общество, нелегальный рынок). Монография. Курск, 2008. С. 101-102.

⁴³⁵ Лихова Н.А. Жизненное пространство детей в крестьянской семье на рубеже XIX –XX вв. (примере Ярославской губернии) // Ярославский педагогический вестник. 2011. №1. Том.1. (Гуманитарные науки). С. 327-328.

⁴³⁶ Крюкова С.С. Брачные традиции южнорусских губерний во II пол. XIX в. // Этнографическое обозрение. 1992. № 4. С. 43.

⁴³⁷ Смурова О.В. Между городом и деревней (образ жизни крестьян-отходников во второй половине XIX – начале XX вв.). Кострома, 2008. С. 89.

Несмотря на жесткое требование большака работать на «общий кошель», отходникам удавалось скрыть часть заработка, что, в свою очередь, выступало первоначальным капиталом для самостоятельного ведения хозяйства. Утаивание отходниками части заработка на свои личные потребности и на нужды своей семьи, по свидетельству старожилов, было одной из причин семейных конфликтов и последующих разделов. По наблюдению статистика Н. Романова, автора монографического описания с. Каменка Тамбовской губернии, «большое количество молодых крестьян оставляют временно деревню и возвращаются с изменившимися понятиями и наклонностями, с ослабевшими родственными чувствами, в большинстве случаев заводят свое отдельное хозяйство»⁴³⁸.

Встречались ситуации, когда жены в результате размолвок просили у волостных правлений выдать отдельные от мужей паспорта. Все чаще отмечались случаи неподчинения молодых жен воле мужей и свекров, их обращений с жалобами в суд на супругов, а также их родителей. У молодых крестьянок усилилась практика оставления дома свекра. Тенденция к ослаблению власти стариков открывала перед молодыми крестьянами возможность свободно жить гражданским браком. С распространением сторонних промыслов связывался рост количества супружеских измен в конце XIX – начале XX вв.⁴³⁹

Очевидно, что отсутствие мужей-отходников оказывало влияние и на репродуктивные возможности крестьянки по причине снижения частоты супружеской близости. В районах интенсивного крестьянского отхода снижалась рождаемость и общее число детей в семье. По наблюдениям доктора Д. Н. Жбанкова, среднее число детей в семье отходника было вдвое ниже, чем в тех семьях, где муж хозяйства не покидал⁴⁴⁰.

В положительных последствиях длительного отсутствия сексуальных отношений в таких семьях некоторые специалисты усматривали «передышку» крестьянки от непрерывных беременностей и лактации, а также возможность уделять больше внимания и заботы подрастающим детям⁴⁴¹.

С другой стороны, отхожие промыслы отрицательно влияли на крепость семейных уз. Вдали от дома крестьяне, и вне контроля со стороны семьи и общины, особенно молодые, нередко пускались «во все тяжкие». Город уездный или губернский, а иногда столичный, давал им не только возможность заработка, но и «доступной любви». Крестьяне, покинувшие деревню ради работы на фабрике или в артели, могли часто посещать проституток, сожительствовать с работницей или с поварихой

⁴³⁸ Романов Н. Село Каменка и Каменская волость Тамбовского уезда. Тамбов, 1886. С. 161.

⁴³⁹ Волков Д.В. Общественная жизнь крестьянства Казанской губернии (1860-е – 1917 г.) Автореф. дисс. ... к.и.н. Казань, 2011. С. 19-20. 26 с.

⁴⁴⁰ Жбанков Д. Н. Указ. соч.

⁴⁴¹ Вербицкая О.М. Указ. соч. С. 80.

из общежития⁴⁴². «...Оторванные от семей в пору наибольшего полового развития и, попадая в непривычную им [крестьянам] обстановку..., заражаются сифилисом и приносят этот печальный продукт "цивилизации" в свою родную глушь»⁴⁴³.

Вспышке сифилиса в русском селе способствовал и технический прогресс, в частности, развитие железнодорожного транспорта. По мнению публициста дореволюционной поры: «Из больших городов и промышленных сел при легкости путей сообщения венерические заражения разносятся по деревням большей частью фабричными, прибывающими ежегодно в свое время к себе в деревню, а также и солдатами, приходящими "на побывку". Там при несовершенстве медицинской части и невежестве масс венерические болезни и получают дальнейшее развитие»⁴⁴⁴.

Нельзя также исключать, что каналом проникновения этой заразы в село выступали деревенские девушки, работавшие в городе в качестве прислуги или продавщиц, и промышлявшие проституцией. Заразившись от клиентов, они передавали болезнь во время праздничных побывок в своих семьях. А далее распространение болезни, как утверждали специалисты венерологи, шло преимущественно бытовым путем. В Усманском уезде Тамбовской губернии по данным за 1886 г. заражение внеполовым путем составляло 85,2%⁴⁴⁵.

Да и могло ли быть иначе, когда в крестьянской семье ели из одной миски, пили из одной кружки, утирались одним полотенцем, пользовались чужим бельем⁴⁴⁶. Объясняя причину широкого распространения сифилиса в деревне, врач Г. Герценштейн указывал, что «болезнь распространяется не половым путем, а передается при повседневных общежительских отношениях здоровых и больных членов семьи, соседей и заходящих людей. Общая миска, ложка, невинный поцелуй ребенка распространяли заразу все дальше и дальше...»⁴⁴⁷. Большинство исследователей, как прошлого, так и настоящего солидарны в том, что основной формой заражения и распространения сифилиса в русском селе являлась бытовая, вследствие несоблюдения населением элементарных правил гигиены.

В пореформенное время увеличилось количество женщин, занятых отходничеством. В 1880-х гг. в среднем на каждую тысячу крестьян-

⁴⁴² Куликова С.Г. Женская преступность как социальный фактор российской модернизации (вторая половина XIX – начало XX веков). Гагарин, 2011. С. 50.

⁴⁴³ Боровский В.К. К вопросу об источниках заражения сифилисом // Военно-медицинский журнал. 1894. № 8. С. 414.

⁴⁴⁴ Проституция в России. Картины публичного торга. СПб., 1908. С. 150.

⁴⁴⁵ Привалова Т.В. Быт русской деревни (медико-санитарное состояние деревни Европейской России) 60-е годы XIX — 20-е годы XX в. М.: ИРИ РАН. 2000. С. 81.

⁴⁴⁶ Моллесон И.И. Указ. соч. С. 116.

⁴⁴⁷ Цит. по: Энгельштейн Лора. Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами российских врачей (1895 – 1905) // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. Самара, 2000. С. 232.

отходников столичной губернии приходилось 506 крестьянок, уходивших на заработки⁴⁴⁸. Характер женского отхода, его география имели региональные особенности. Так крестьянки Олонецкой губернии отправлялись в основном в Санкт-Петербург и Петрозаводск, где находили работу нянек, сиделок, кухарок, прачек, портних, рабочих, а также «капорок», занимаясь огородничеством в пригородах столицы⁴⁴⁹.

Особой притягательной силой для крестьянок, покидавших родные села, обладали столица и крупные города, что вполне объяснимо, там было легче найти работу. «Самостоятельный женский отход, – по мнению этнографа и врача Д. Н. Жбанкова, – наблюдается в фабричных местностях для работ на фабриках, и из местностей близких к городам, куда они идут в качестве всякого рода прислуги. Впрочем есть местности с развитием и отдаленного женского отхода, так, например, из некоторых уездов Тверской и Новгородской губерний свободные женщины, т.е. вдовы и девушки, уходят на все лето в Петербург для работы на огородах; то же наблюдается и в подмосковных уездах⁴⁵⁰.

Необходимость отправки на сторонние заработки крестьянок было обусловлено как хозяйственной нуждой семьи, так и их семейным положением. По утверждению современного исследователя крестьянского отхода А. Н. Курцева, «при отсутствии или занятости младших мужчин, когда оставались только дочери, семьи отправляли в городской отход девушек: раньше в Москву, затем в Питер и другие города, включая Варшаву»⁴⁵¹. В тульских селах уже в «16–18 лет выходят замуж, засидевшиеся же отправляются» по крупным городам работать прислужкой: горничными и няньками, кухарками и прачками. Часть девушек «после свадьбы вместе с мужьями уходят на фабрики», главным образом, ткацкие⁴⁵².

Также, потеря мужа, вдовство толкало женщин из малоимущих семей к уходу на заработки. По данным конца XIX в. в некоторых волостях Петрозаводского уезда овдовевшие крестьянки составляли до 1/3 всех отходниц. Крестьянки в зрелом возрасте оставались либо на попечении сыновей, либо, при несовершеннолетию последних, становились во главе семьи⁴⁵³.

⁴⁴⁸ Никулин В.Н. Неземледельческие отхожие промыслы крестьян Петербургской губернии в пореформенные годы // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2010. № 2. С. 280.

⁴⁴⁹ Литвин Ю.В. Права крестьянки на передвижение во второй половине XIX – в начале XX в. (на примере Олонецкой губернии). // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 5(11). Ч. III. С. 134.

⁴⁵⁰ Жбанков Д.Н. Бабыя сторона. С. 7.

⁴⁵¹ Курцев А.Н. Ротационный характер отходничества крестьян России на рубеже XIX - XX веков // Научные ведомости БелГУ. 2007. № 8(39). Вып. 4. С. 95.

⁴⁵² Там же.

⁴⁵³ Литвин Ю.В. Повседневная жизнь карельской крестьянки во второй половине XIX - начале XX века: социокультурный статус и гендерные роли. Автореф. дисс. ... к.и.н. СПб., 2013. С. 16-17. 24 с.

Порой сторонние заработки сельских баб служили существенным вкладом в бюджет крестьянской семьи. В Мамадышевском уезде Казанской губернии крестьянки уже с весны 1915 г. работали на пристанях, на погрузке леса, причем, судя по жандармским отчетам, зарабатывали очень неплохо. Кроме того, крестьянки того же уезда трудились на строительстве железной дороги, получая 1 руб. 80 коп. в день, что на 30 коп. была больше оплаты мужика-поденщика с лошадыю⁴⁵⁴. Стоит согласиться с утверждением И. Н. Милоголовой, что «ведущими в трансформации стереотипов обыденного сознания крестьянки в пореформенный период являлись не психологические причины, а товарно-денежные отношения. Женщины в областях развитого отхожего промысла были более независимыми и уверенными в себе, знали "цену своей работе и себе"»⁴⁵⁵.

В условиях аграрного перенаселения деревни и развития товарно-денежных отношений большая часть женского населения российского села была прямо или косвенно втянута в отхожие промыслы. Следствия этого процесса были весьма неоднозначны. С одной стороны, по причине продолжительных сторонних заработков мужика баба обретала большую хозяйственную самостоятельность, особенно в разделенных семьях. В местах с развитым отхожим промыслом, где отток мужского населения был особенно велик, она выступала хозяйкой двора, и представляла интересы семьи на сходе. Возросла и социальная мобильность крестьянок, в поисках лучшей доли, они все чаще покидали родные деревни и перебирались в города. Особенно эта тенденция была характерна для промышленных губерний, и касалась преимущественно молодых и незамужних девушек, которые ехали в города с целью найма на фабрики или устройства на работу в качестве прислуги. Уход крестьянок на заработки негативно отражался на динамике численности деревенского населения и способствовал деградации крестьянского хозяйства. В губерниях Центрального Черноземья женская трудовая миграция носила локальный характер и редко выходила за пределы волости и уезда. Напротив, для промысловых губерний женский отход был ориентирован на столичные и губернские города.

Интимные отношения

Тема интимной жизни русских крестьян в современной исторической науке остается малоизученной и не часто становится объектом научных исследований. Однако, такое игнорирование существенно обедняет процесс изучения повседневной жизни русского села, не позволяет дос-

⁴⁵⁴ Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М.: АИРО-XXI, 2006.

⁴⁵⁵ Милогорова И.Н. Указ соч. С. 73.

тичь полноты исторической реконструкции крестьянской обыденности. Сексуальное поведение сельских жителей определялось исторически сложившимся образом жизни русской деревни, регулировалось установлениями православной веры и бытовавшими в крестьянской среде стереотипами.

Жизнь бабы, сотканная из ежедневных трудов, семейных хлопот, забот и страданий, оставляла ей немного времени, когда она могла почувствовать себя женщиной. Стоит согласиться с утверждением современных исследователей, что сексуальный мир русской крестьянки был ярче и многообразнее, чем об этом было принято думать ранее⁴⁵⁶.

Из всего многообразия форм времяпрепровождения крестьянской девицы остановимся лишь на тех, где происходило сближение полов, а гендерные роли проявлялись зримо. По причине прозрачности деревенских отношений добрачные контакты парней и девушек с оговоркой можно отнести к публичной сфере жизни российского села.

Сближение полов в деревне происходило в рамках традиционных форм сельского досуга. В летнюю пору сельская молодежь собиралась на «улице», где парни и девки пели любовные песни и вели разговоры, полные недвусмысленных намеков и непристойных шуток. На праздники уходили за околицу, подальше от родительского ока, и там устраивали игры, сопровождавшиеся элементами чувственности (погоней, возней). С наступлением сумерек водили хоровод, во время которого парни брали из круга своих возлюбленных и отводили их в сторону. В Белгородской губернии такое интимное общение называлось «стоганием»⁴⁵⁷. В Данковском уезде Рязанской губернии после окончания хороводов девушки с парнями уходили попарно в «коноплю», «кусты», «за ригу», «в соломку»⁴⁵⁸. По наблюдениям Л. Весина: «В Вятской, Вологодской губерниях по окончанию хороводов молодежь расходится попарно и целомудрию здесь не придается особого значения»⁴⁵⁹.

После Покрова основным местом встреч деревенских женихов и невест становились посиделки. Девушки вскладчину снимали избу, в которой собирались по вечерам якобы для совместной работы. Но, прихваченная из дому прялка, была все же более для родителей, а сама девка спешила на вечерку совсем для иного. Вот, как описывал народовед А. П. Звонков поведение сельской молодежи на посиделках в деревнях Елатомского уезда Тамбовской губернии. «Тихо собираются парни кругом избы и разом врываются потом через двери и окна, тушат свечи и

⁴⁵⁶ Мухина З.З.

⁴⁵⁷ АРГО. Разряд 19. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 1-2.

⁴⁵⁸ Семенова-Гянь-Шанская О.П. Указ. соч. С. 37 - 38.

⁴⁵⁹ Весин Л. Указ. соч. Кн. IX. С. 61.

бросаются, кто на кого попало. Писк девушек заглушается хохотом ребят; все заканчивается миром; обиженный пол награждается скудными гостинцами. Девушки садятся за донца, но постоянные объятия и прижимания мешают работе. Завязывается ссора, в результате которой ребята – победители утаскивают девушек: кто на полати, кто на двор, кто в сенцы. Игры носят дикий характер, в основе которых лежит половое чувство»⁴⁶⁰. Знаток обычного права Е. И. Якушкин сообщал, что «во многих местах на посиделках, беседах и вечеринках, по окончанию пирушки, девушки и парни ложатся спать попарно. Родители смотрят на вечеринки как на дело обыкновенное и выказывают недовольство, только если девушка забеременеет»⁴⁶¹.

В деревнях Саратовской губернии, по наблюдениям А. Х. Минха, «после посиделок девки оставляли парней ночевать. Ложась с избранными парубками, они позволяли им себя целовать, но до греха дело доходило редко»⁴⁶². Этнограф В. П. Тихонов, проводивший исследование деревень Сарапульского уезда Вятской губернии, утверждал, что почти все игры местной молодежи имели своим финалом вступление в половое общение. Не редки были случаи нравственного падения подростков в 14–15 лет⁴⁶³.

Приходской священник из Олонецкой губернии в начале XX в. местные посиделки молодежи охарактеризовал следующим образом: «На посиделках взрослые мужчины и женщины никогда не бывают, следовательно, юноши и девушки представляются самим себе и проводят время нередко без огня... в потемках. Это ночью то... без огня молодые девушки проводят время с молодыми парнями, которые к тому же очень часто бывают в пьяном виде. Чего хорошего можно ожидать от этого ничьим посторонним надзором не сдерживаемого сближения крестьянской молодежи: парней – "холостяг" и девушек? Здесь теряется и предается осмеянию охраняющая невинность души стыдливость. Здесь место необузданных речей и смеха, нецеломудренных взглядов и движений. Здесь на вечеринках зарождается та нечистая похоть, которая растлеывает целомудрие души и часто на веки покрывает её позором. Эти вечеринки «училище срамословия, сквернословия, любодейных песен и плясок, пьянства, воровства и бесстыдства»⁴⁶⁴.

⁴⁶⁰ Цит. по: Семенов Ю.И. Пережитки первобытных форм отношения полов в обычаях русских крестьян XIX – начала XX в. // Этнографическое обозрение. 1996. № 1. С. 45.

⁴⁶¹ Якушкин Е.И. Обычное право. С.

⁴⁶² Минх А.Х. Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии. СПб., 1890. С. 110.

⁴⁶³ Тихонов В.П. Указ. соч. С. 136.

⁴⁶⁴ Пр-ский Ал., свящ. Из наблюдений сельского священника над деревней // Олонецкие епархиальные ведомости. 1908. № 15. С. 352.

Часто на посиделках устраивались игры, большинство из которых носило сексуальный подтекст. Приведем лишь пример игры «покойник». Парни в избу вносили «покойника», который был либо совсем голый, либо прикрыт сетью, рваньем, полупрозрачным саваном, либо был без штанов, или с расстегнутой ширинкой. Девушек насильно подтаскивали к такому «покойнику», чтобы они увидели гениталии и заставляли их целовать его лицо или другое место⁴⁶⁵.

Следует отметить, что «срамные» игры сельской молодежи были присущи не для всех регионов страны. В аграрных губерниях России, где патриархальные устои были особенно сильны, вольностей в проведении досуга сельской молодежи старались не допускать. Так, на волостном сходе Садовской волости Бобровского уезда Воронежской губернии 9 декабря 1889 г. было принято решение, которое обязывало сельских выборных лиц следить за тем, чтобы «лица моложе 17 лет не допускать в трактиры и пивные». Далее в мирском приговоре указывалось на то, что «пьяных малолеток сельская полиция и старосты должны были забирать в сельскую управу, освобождать их по вытрезвлению не иначе, как по просьбе родителей и опекунов»⁴⁶⁶.

Даже молодежные игры, предполагающие физический контакт их участников, имели определенные ограничения. В селах Орловской губернии во время игр позволялось парню обнять девушку и даже поцеловать, если того требовали правила. Девушке в хороводе не возбранялось опереться на плечо парня, а девушке и парню выйти из хоровода для разговора. Большие же вольности – хватание девушки, поднятие ей платья, лазанье за пазуху и т.п. не допускалось. Девушка имела право ударить наглеца по щеке – «дать леща». Получивший «леща» парень не принимался на игрища в хоровод до тех пор, пока он не просил прощения не только у оскорбленной девушки, но и у остальных девушек и даже парней⁴⁶⁷.

При выборе партнера внимание обращали прежде на физические данные, а потом уже на внешнюю привлекательность. Красотой в деревне признавалось: у мужчин – высокий рост, сила, ловкость, кудри, преимущественно белокурые, белое лицо; а у женщин – средний рост, длинные косы, белое и румяное лицо, средняя полнота и вообще правильное физическое развитие⁴⁶⁸. Вот как одна воронежская девушка описывала подружке внешность своего суженного: «А сам то он ядреный, да личмани-

⁴⁶⁵ Агапкина Т.А., Топоркова А.А. Ритуальное обнажение в народной культуре славян // Мифология и повседневность в антропологических дисциплинах. Мат-лы науч. конф. СПб., 2001. С. 14.

⁴⁶⁶ ГАРФ. Ф. 102. ДП. 2 д-во. (1889). Д. 158. Ч. 15. Л. 9об.

⁴⁶⁷ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1008. Л. 4.

⁴⁶⁸ Бондаренко В. Очерки Кирсановского уезда Тамбовской губернии // Этнографическое обозрение 1890. № 6 - 7. С. 32.

стый и морда ядреная, да круглая, а по всему обличью, ровно как веснушка пущена»⁴⁶⁹. По свидетельству этнографа «женихи ищут живых, сильных девушек, чтобы бровь была черная, грудь высокая, лицо «кровь с молоком». В ум и характер они редко вглядываются»⁴⁷⁰.

Во все времена женщина хотела быть любимой и привлекательной, русские крестьянки не были исключением. Каждая девушка, естественно, хотела выглядеть красивой и хотя бы приблизиться к идеалу. Для этого девушки прибегали к разнообразным ухищрениям. Чтобы лицо было белое и без веснушек, его мыли сывороткой, парным молоком, огуречным рассолом или мазали березовой смолой. Чтобы волосы становились гуще и не выпадали, их расчесывали гребнем, смоченным соком крапивы. Чтобы зубы были белые, и не пахло изо рта, жевали свеклу (смолу лиственницы) или в больших количествах яблоки. Верили, что грудь будет большая и пышная, если есть много горбушек или тереть ее мужской шапкой⁴⁷¹.

Для придания себе большей красоты стремились использовать косметику: пудру, которая была в большом употреблении у сельских красавиц, румяна, помаду. Деревенские девушки покупали пудру вскладчину, вместо пудры и румян иногда использовали «стеариновые свечи ... и сандал, и фуксин и т.п.»⁴⁷². Румянами также служили конфетные бумажки, лоскутки линючей материи, которыми натирались до тех пор, пока не сойдет с них краска⁴⁷³.

Большое значение имело и поведение молодых во время совместного досуга. Ухаживая за девушкой, парень старался в возможном более ярком и привлекательном свете показать свои достоинства. Особенно ценилась сила и ловкость на работе и в играх. Часто деревенский хлопец стремился выказать себя храбрым и бойким на язык в шутках и прибаутках, почти всегда нецензурного содержания и смелым до нахальства в обращении с другими девушками⁴⁷⁴. Задорная девушка, острая на язык и не стесняющаяся в общении с парнями, всегда была в центре внимания местных ухажеров. Пляски под гармонь в селе предоставляли деревенским невестам прекрасную возможность показать себя во всей красе потенциальным женихам.

Высоко ли ценилась девичья честь в русской деревне конца XIX века? В оценке этнографов нет единства. М. М. Громыко с излишней катего-

⁴⁶⁹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 428. Л. 12.

⁴⁷⁰ Звонков А. П. Указ. соч. С. 65.

⁴⁷¹ Шангина И.И. Указ. соч. С.

⁴⁷² Русские крестьяне ... 2003. Т. 1. Костромская и Тверская губерния. С. 491.

⁴⁷³ Мухина З.З. Повседневность русской девушки-крестьянки пореформенной России // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: Сб. ст. М., 2013. С. 170.

⁴⁷⁴ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 991. Л. 11.

ричностью утверждает, что девушки, как правило, строго воздерживались от половых отношений до брака⁴⁷⁵. Напротив, на вольное отношение между полами в своем исследовании обращает внимание исследователь Т. А. Бернштам, которая использовала материалы губерний с развитым отхожим промыслом⁴⁷⁶. Этнограф С. С. Крюкова, на основе изучения брачных традиций южно-русских губерний второй половины XIX в., делает вывод о том, что потеря девственности в деревне считалась позором. Подобное требование не распространялось на молодых людей. Менее половины парней оставались целомудренными до брака⁴⁷⁷. В этом проявлялся двойной стандарт в оценке добрачного поведения представителей разного пола.

В большинстве деревень черноземных губерний, где еще были сильны патриархальные устои, преобладал традиционный взгляд на эту проблему, половые отношения крестьянки до замужества расценивались как большой грех. Если факт грехопадения девушки становился достоянием сельской гласности, то ослушница ощущала на себе всю силу общественного мнения жителей деревни. Вот как описывал эти последствия корреспондент тенишевского бюро из Орловской губернии: «Подруги относятся к ней с насмешками, и не принимают ее более в хороходы и игры, считая за большой срам водиться с ней, сторонятся от нее как от зачумленной. Парни и молодые мужики насмеваются и позволяют себе разные вольности, все остальные относятся с негодованием, называя распутной, греховодницей и блудницей, которая осрамила всю деревню. Отец и мать ее бьют, проклинаят, остальные члены семьи с ней не разговаривают»⁴⁷⁸. Именно боязнь осуждения заставляла деревенских влюбленных заглушать голос плоти. Некоторые из них, правда, действовали по принципу «кто грешит в тиши, тот греха не совершает». Житель села Костино–Отдельце Борисоглебского уезда Тамбовской губернии П. Каверин сообщал: «Между молодежью часто доходит до половой связи. Связи эти чисто минутные. Открытые связи считаются большим позором. Девичья честь ставится невысоко, потерявшая ее почти ничего не теряет при выходе замуж»⁴⁷⁹.

Более терпимое отношение к половым отношениям молодежи до брака отмечено в промысловых губерниях. Так, в Тихвинском уезде Новгородской губернии (1897 г.) «здешние крестьяне смотрят на отношения молодежи довольно легко, и девушка потерявшая невинность, не заслу-

⁴⁷⁵ Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 96.

⁴⁷⁶ Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины. Л., 1988. С. 2, 43, 258.

⁴⁷⁷ Крюкова С. С. Брачные традиции южнорусских губерний II половины XIX в. // Этнографическое обозрение. 1992. № 4. С. 44.

⁴⁷⁸ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1011. Л. 1.

⁴⁷⁹ Там же. Д. 2024. Л. 4.

живает презрения»⁴⁸⁰. В Белозерском уезде той же губернии «не все родители и парни-женихи обращают внимание на невинность девушки; многие из них рассуждают и поступают по местной народной пословице: "Тем море не погано, что псы налакали", – лишь бы девка была здорова, сильна и работяща»⁴⁸¹.

Под влиянием модернизации, возросшей социальной мобильности сельского населения, ломки патриархального уклада деревни на добрые связи стали смотреть спокойнее. Отец и мать легче соглашались с выбором сына, если он говорил, что между ним и избранницей уже был грех. Чаще стало встречаться вступление в половую связь после сговора, когда «вино выпито». После «запоя» в деревнях Моршанского уезда Тамбовской губернии жених не только навещал невесту, но и оставался у нее ночевать. По обычаю это не должно было приводить к интимным отношениям, но как говорили, опрашиваемые старые женщины: «Нельзя–то, нельзя, да не всегда ведь удержишь мужика». Как отмечали старожилы, такие случаи все же были редки, так как «Бога боялись, и боялись нечестной встать перед аналом»⁴⁸². Страх Божий в русской деревне продолжал оставаться весомой причиной, которая удерживала многих молодых людей от поспешного и опрометчивого шага.

Другим мощным регулятором брачного поведения выступало, как уже было сказано выше, общественное мнение. Так, «губитель» девичьей красоты (невинности) навсегда лишался права жениться на другой девушке. Неодобрительно крестьяне относились к ветренным девицам. Девушку, которая часто меняла парней, в селе называли «заблудшей». Полюбить такую девицу было совестно перед товарищами, а женитьба на такой – это стыд перед родней и позор перед миром⁴⁸³.

На страже девичьего целомудрия стояли обрядовые традиции русского села. До середины XIX в. в русской деревне существовал обычай публичного освидетельствования невинности невесты. После первой брачной ночи с молодой женой снимали рубаху и тщательно ее исследовали. Затем ее со следами дефлорации вывешивали в избе на видное место, а над крышей поднимали красный флаг⁴⁸⁴. К концу века бытование этой традиции этнографами не отмечалось. В Воронежской губернии еще в 80 – е гг. XIX в. существовал обычай поднимать молодых. Новобрачная в одной рубахе вставала с постели и встречала свекровь и род-

⁴⁸⁰ Русские крестьяне. ... 2011. Т. 7. Новгородская губерния. Ч. 4. С. 279.

⁴⁸¹ Там же. 2009. Т. 7. Новгородская губерния. Ч. 1. С. 196.

⁴⁸² Тамбовский областной краеведческий музей. Отдел фондов. Материалы этнографической экспедиции 1993 г. Отчет Т. А. Листой.

⁴⁸³ Звонков А. П. Указ. соч. С. 65.

⁴⁸⁴ Кистяковский А. Ф. К вопросу о цензуре нравов у народа // Сборник народных юридических обычаев. СПб. 1878. Т. 1. С. 164.

ню жениха. Такая демонстрация, восходящая своими корнями к языческим верованиям, имела цель публично удостоверить невинность невесты⁴⁸⁵. Тяжелыми были последствия для «нечестной» невесты. Ее родню с бранью выгоняли, саму избивали до полусмерти и заставляли трехкратно ползать на коленях вокруг церкви⁴⁸⁶. За потерю чести провинившуюся девушку в деревне наказывали тем, что отрезали косу, пачкали рубаху дегтем и без юбки проводили по улице. После такого позора ее уже никто не брал замуж, и она оставалась в девках. Но это опять же было характерно для черноземных, отчасти центральных губерний России, где еще во многом сохранялись патриархальные устои крестьянского уклада.

Согласно исследованию Т. А. Бернштам, реальное оповещение о дефлорации новобрачной было характерно для южнорусской традиции, символическое – для северорусской. Таким образом, вопрос сохранения девушкой невинности до брака относился к категории общественных⁴⁸⁷. В промысловых губерниях, как свидетельствуют источники, такой обряд в конце XIX в. практически не соблюдался.

К процедуре освидетельствования непорочности прибегали в случае, когда репутация честной девушки ставилась под сомнение из-за распущенных по селу слухов. Обычно, такая девушка, на которую возвели напраслину, обращалась к защите сельского схода. Староста собирал сельский сход, на котором избирались три женщины добропорядочного поведения. Они божились и проводили осмотр на предмет наличия девственной плевы. Результаты староста оглашал на сходке, а затем десятский обходил все дома и объявлял о том, что девушка на публичном осмотре оказалась честной⁴⁸⁸.

Таким образом, честное имя девушки могло быть защищено авторитетом сельского схода. Общественное мнение деревни выступало мощной силой, которая могла, как оградить девушку от напрасного навета, так и вразумить, а порой наказать парня за распространение «худой» славы о ней.

Критерием оценки добропорядочности женщины в русском селе являлись ее целомудрие, как до брака, так и верность в семейных отношениях. Соблюдение этих традиционных установок достигалось страхом

⁴⁸⁵ Селиванов А. И. Этнографические очерки Воронежского края // Воронежский юбилейный сборник. Воронеж, 1886. Т. 2. С. 86.

⁴⁸⁶ Кистяковский А. Ф. Указ. соч. С. 167.

⁴⁸⁷ Бернштам Т.А. Указ. соч. С. 60.

⁴⁸⁸ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1011. Л. 6.

Божьим, т.е. боязнь совершить смертный грех, и силой общественного мнения села, которое в условиях «прозрачности» деревенских отношений выступало действенным фактором контроля.

По народным понятиям, разврат являлся грехом, так как он задевал честь семьи (отца, матери, мужа). С целью публичного порицания, за блуд в русском селе прибегали к символическим действиям позорящего характера. Гулящим девкам отрезали косу, мазали ворота дегтем, завязывали рубаху на голове и голыми по пояс гнали по селу⁴⁸⁹. В орловских селах парни, преимущественно из тех, кто побывал на стороне, для унижения девушек плохого поведения обливали им платя купоросом и острой водкой⁴⁹⁰.

Еще строже наказывали замужних женщин, уличенных в прелюбодеянии. Их жестоко избивали, затем нагими запрягали в оглоблю или привязывали к телеге, водили по улице, щелкая по спине кнутом⁴⁹¹. Более строгое наказание блудливых жен, чем распутных девок, объяснимо патриархальными взглядами деревенских жителей. «Такие бабы вдвойне грешат, – говорили крестьяне, – и чистоту нарушают, и закон возвращают». Таких женщин в селе называли «растущихами дома», «несоблюдихами»⁴⁹². Большинство крестьян расценивали супружескую неверность как тяжкий грех. Жители сел Ярославской губернии, например, говорили, что «лучше пусть будет жена воровкой, пьяницей, чем блудницей!»⁴⁹³. По свидетельству этнографических источников, «нарушения супружеской верности очень редки в селах»⁴⁹⁴.

Деформация нравственных устоев русского села стала особенно заметна в начале XX в. Благочинные округов Тамбовской епархии, характеризуя состояние деревенской паствы, в своих рапортах отмечали: «непристойные песни и пляски», «нравственную распущенность», «разгул и большие вольности», «нарушение уз брачных и девственных»⁴⁹⁵. В отчете в Святейший Синод за 1905 г. курский владыка признавал, что в деревне происходит «ослабление семейных уз, незаконное сожителство, как следствие увеличение числа внебрачных детей»⁴⁹⁶.

Много ли было в селе рождений вне брака? Очевидно одно, что незаконнорожденные дети в городе появлялись чаще, чем в деревне. По сведениям за 1898 г., в Воронежской губернии родилось детей – 145007, из них в уездах – 139801, в городах – 5126, в т. ч. незаконнорожденных в

⁴⁸⁹ Безгин В.Б. Крестьянский самосуд и семейная расправа // Вопросы истории. 2005. № 3 С. 154.

⁴⁹⁰ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1215. Л. 4.

⁴⁹¹ Безгин Указ. соч. С. 154.

⁴⁹² Русские крестьяне. ... 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 2. С. 378.

⁴⁹³ Там же. С. 365.

⁴⁹⁴ Там же. С. 434.

⁴⁹⁵ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2076. Л. 2об, 9, 25об.

⁴⁹⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2095. Л. 17.

уездах – 902 (0,7%), в городах – 477 (9%)⁴⁹⁷. В этом же году в Тамбовской губернии в уездах зарегистрировано 796 незаконнорожденных (0,6%) на 128482 рождений, в то время как в городах рожденных вне брака было 598 (6,3%) из 9455 рожденных детей⁴⁹⁸. В Задонском и Землянском уездах Воронежской губернии в 1897 г. было зарегистрировано 16179 рождений, из которых 88 случаев приходилось на появление внебрачных детей, что составляло 0,54% от общего их числа⁴⁹⁹.

Приведенными цифрами следует оперировать осторожно, так как некоторые крестьянки с целью скрыть грех, предпочитали рожать в городах. Также можно предположить, что часть детей, родившихся вне брака в городе, приходилась на сельских женщин, находившихся там в качестве прислуги, кухарки и т.п. По мнению ряда исследователей, действительное число внебрачных рождений у крестьян было выше, так как незамужние крестьянки стремились рожать таких детей в городе, где новорожденный регистрировался, отдавался в «люди» или оставлялся в приюте. На рубеже XIX – XX вв. в Центральной России внебрачная рождаемость не превышала в среднем за год 2,5 – 3 %.

В селе не было обычая взыскивать содержание с отца, прижившего ребенка, и таких детей кормила мать⁵⁰⁰. Внебрачные дети не получали никакой материальной помощи от государства и общины, однако, при достижении совершеннолетия, такие дети мужского пола при наличии земли получали надел. В псковских селах незаконнорожденных детей по достижению зрелого возраста, а иногда и раньше, отправляли на заработки в Петербург⁵⁰¹. Необходимо отметить, что права незаконнорожденных детей имели региональные особенности. В Тамбовской и Воронежской губерниях за ними признавались все права членов того общества, к которому принадлежит их мать, т. е. право на земельный надел и участие в сходе. В Курской губернии не признавалось право на землю только по факту их принадлежности к обществу, для этого требовался мирской приговор. В некоторых местах Орловской губернии они пользовались правами личными, но были ограничены в праве по наследству и праве пользования мирской надельной землей⁵⁰².

Обретение прав внебрачными детьми, по крестьянским обычаям, было возможным после их усыновления. В отличие от официального зако-

⁴⁹⁷ Никольский П. Интересы и нужды епархиальной жизни. Воронеж, 1901. С. 70.

⁴⁹⁸ Обзор Тамбовской губернии за 1898 г. Тамбов, 1899. С. 52.

⁴⁹⁹ Веретенников И.В. Брачность, рождаемость и смертность среди крестьянского населения. По данным для Землянского и Задонского уездов Воронежской губернии. Тифлис. 1898. С. 61.

⁵⁰⁰ Русские крестьяне. ... 2008. Т. 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. С. 247; Там же. 2004. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. С. 478.

⁵⁰¹ Там же. 2008. Т. 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. С. 247.

⁵⁰² Бородаевский С. Указ. соч. С. 240-241.

на, который требовал узаконивания рождения через суд, крестьяне считали, что вступление в брак родителей незаконнорожденного делает его законным с момента венчания. Через усыновление вчерашние сельские парии обретали полноправный статус члена сельской общины. Сельские традиции также допускали усыновление таких детей замужними сестрами, которые были бездетными⁵⁰³. Принять в семью подкидыша на селе считалось делом добрым для спасения души. Их усыновляли и воспитывали как родных, они становились наследниками имущества двора наравне с родными детьми. По сведениям информатора, крестьянина Болховского уезда Орловской губернии, «при усыновлении собирают сход и пишут приговор. Усыновитель угощает «мир» водкой, а приемыш меняет свою фамилию и называет усыновившего отцом»⁵⁰⁴.

Права принятого члена семьи приравнивались к правам родных наследников, то же самое относилось и к несовершеннолетним сыновьям⁵⁰⁵. В отличие от закона имущество крестьянского двора могли наследовать не только кровные родственники, но и все члены семьи-хозяйства, которыми считались все те, кто работал в хозяйстве и создавал его имущество, – усыновленные, приемыши и незаконнорожденные.

Таким образом, традиции и обычаи русской деревни обеспечивали большую правовую защищенность детям, рожденным вне брака, нежели официальный закон. Деревенская повседневность в своем историческом развитии выработала правила и традиции, которые часто были гуманнее существовавшего законодательства.

⁵⁰³ Русские крестьяне. ... 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 1. С. 505.

⁵⁰⁴ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1026. Л. 3.

⁵⁰⁵ Мухин В.Ф. Обычный порядок наследования у крестьян. СПб., 1888. С. 20, 60.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Содержание семейной повседневности определялось существовавшей иерархией и половозрастным распределением труда. Воспитание детей в крестьянской семье заключалось в приобщении к православию, передаче социального опыта, выработке хозяйственных навыков, формировании поведенческих стереотипов.

Процесс модернизации сопровождался разрушением традиционных устоев патриархальной семьи. Семейные разделы стали следствием роста мобильности сельского населения, развития рыночных отношений, влияния городской культуры, семейных неурядиц и кризиса патриархальной власти. Дробление крестьянских дворов вело к качественным переменам в составе сельских сходов, переходу к новым принципам земельной разверстки.

Заключением брака достигалась полнота сельского бытия. В создании семьи сливались воедино стремление исполнить Божественные установления, желание обрести самостоятельный статус, хозяйственная необходимость. Демографическое поведение русских крестьян определялось как требованиями православной веры, так и особенностями аграрного производства. Традиционной оставалась система сельского родо-вспоможения.

Тяготы трудовых будней неблагоприятно отражались на здоровье крестьянки. Большинство гинекологических заболеваний было следствием повседневного изнурительного труда сельской женщины. Обыденным явлением семейного быта следует признать рукоприкладство со стороны мужа. По мере культурного развития деревни, роста самосознания женщины, смягчения семейных нравов эта традиция оставалась в прошлом.

Условия крестьянского труда и быта вкупе с нормами церковного устава делали расторжение брака практически невозможным. По народным представлениям, бремя супружеских отношений – это жизненный крест, и отказ от него является грехом. Падение нравов как следствие кризиса патриархального общества и секуляризации общественного сознания негативно отразилось на институте сельского брака.

Правовая особенность имущества крестьянского двора была обусловлена семейным характером производства и традициями податного обложения. Следует признать, что имущественные права женщины в сельской семье, порядок наследования у крестьян в большей мере соответствовали принципу социальной справедливости, чем официальное законодательство.

Уход крестьянок на заработки негативно отражался на динамике численности деревенского населения и способствовал деградации крестьянского хозяйства. В губерниях Центрального Черноземья женская трудовая миграция носила локальный характер и редко выходила за пределы волости и уезда. Напротив, для промысловых губерний женский отход был ориентирован на столичные и губернские города.

Положение крестьянки в семейном быту определялось традициями русского села, а особенности экономики крестьянского двора обуславливали ее производственные функции. Поведение бабы в семье и в общине в целом регулировались нормами обычного права. Роль женщины менялась в результате объективных процессов, сопровождавшихся разрушением патриархального уклада деревни, ломкой привычных связей, модернизацией сельского быта, переходом к малой семье.

СПИСОК РЕКОМЕНДОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безгин, В.Б. Крестьянская повседневность (Традиции конца XIX – начала XX века) / В. Б. Безгин. – М.-Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2004. – 304 с.
2. Беловинский, Л.В. Изба и хоромы. Из истории русской повседневности / Л.В. Беловинский. – М.: ИПО Профиздат, 2002. – 352 с.
3. Бернштам, Т.А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии / Т.А. Бернштам – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. – 311 с.
4. Вербицкая, О.М. Российская сельская семья в 1897–1959 гг.: историко-демографический аспект / О.М. Вербицкая – Москва-Тула: Гриф и К, 2009 – 296 с.
5. Громько, М.М., Буганов, А.В. О воззрениях русского народа / М.М. Громько. А.В. Буганов. – М.: «Паломник», 2000. – 540 с.
6. Земцов, Л.И. Крестьянский самосуд: правовые основы и деятельность волостных судов в пореформенной России (60–80-е гг. XX в.) / Л.И. Земцов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-т., 2007. – 264 с.
7. Кузнецов, С.В. Хозяйственные, религиозные и правовые традиции русских (XIX – начало XX в.) / С.В. Кузнецов. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2008. – 362 с.
8. Лещенко, В.Ю. Русская семья (XI–XIX вв.) / В.Ю. Лещенко. – СПб.: СПГУТД, 2004. – 608 с.
9. Менщиков, И.С., Федоров, С.Г. Девиантное и делинквентное поведение русских крестьян Южного Зауралья во второй половине XIX – начале XX в. / И.С. Менщиков, С.Г. Федоров. – Курган: КГУ, 2013. – 260 с.
10. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) В 2-х т. / Б.Н. Миронов. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Булавин», 2000. – Т. 1. – 548 с.; Т. 2. – 568 с.
11. Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. – СПб.: Искусство-СПБ., 2005. – 719 с.
12. Мухина, З.З. Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России / З.З. Мухина. – М.: ИЭА РАН, 2012. – 299 с.
13. Пушкарева, Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – XIX вв.) / Н.Л. Пушкарева. – М.: Ладомир, 1997. – 386 с.
14. Шангина, И.И. Русские девушки / И.И. Шагина – СПб.: Издательский дом «Азбука - классика», 2008. – 352 с.
15. Шатковская, Т.В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX века / Т. В. Шатковская. – Ростов н/Д: АПСН СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. – 576 с.

Учебное издание

В.Б. БЕЗГИН

**СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОГО СЕЛА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА:
ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ**

учебное пособие

**Издательство ИП Чеснокова А.В.
392020, г. Тамбов, ул. О. Кошевого 14. Тел. (4752) 53-60-84.**

Подписано в печать 23.11.2015 г. Формат 60x84¹/16.
Объем – 7,0 усл. печ. л. Тираж 100 экз. Заказ № 574.

